

Ирина Савицкая

**Дипломат императора Александра I Дмитрий
Николаевич Блудов**

**Союз государственной службы и поэтической
музы**

Моему учителю Введенскому Ростиславу Михайловичу посвящается...

Рецензенты:

Захаров В. Ю., доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России МГПУ;

Химич Т. М., кандидат исторических наук, доцент МГУПС (МИИТ).

© Савицкая И. С., 2019

© Издательство «Прометей», 2019

Введение

Исторический опыт государственной и общественной деятельности российской элиты, понимание ею задач, стоявших перед Россией на каждом переломном этапе существования страны, сегодня особенно интересны. Судьбы современной российской государственности во многом зависят от наличия просвещенных и компетентных чиновников и их менталитета. Изучение истоков формирования «просвещенной бюрократии», процесса ее профессионализации и обретения опыта государственной службы, безусловно, является полезным и в наши дни.

Обращение к микроанализу на уровне изучения конкретной личности помогает понять происхождение отечественной «просвещенной бюрократии», исследовать исторические и социальные корни ее появления. Становление личности выдающегося отечественного государственного деятеля Дмитрия Николаевича Блудова (1785–1864) шло в условиях эскалации военных и дипломатических действий Наполеона против России. Оно началось в семье, продолжилось во время его дипломатической карьеры. Отметим, что практически нет исследований о Д. Н. Блудове — дипломате.

Личность Блудова интересна во многих отношениях, и прежде всего тем, что он был востребован государственной властью для решения государственных задач в период наполеоновских войн. Дмитрий Николаевич обладал несомненными способностями и участвовал в формировании кадровой основы дипломатии, пригодной к решению главной задачи, стоявшей перед страной — обеспечения ее независимости. Пройдя путь от «архивного юноши» Московского главного архива Коллегии иностранных дел до дипломата и переводчика, выполнявшего ответственные поручения императора Александра I, арзамасец Блудов приобрел обширные знания о состоянии дел в Западной Европе. Накопленный им опыт и полученная государственная выучка, а также ответственное отношение Блудова к службе является примером достойной самореализации жизненных стратегий «просвещенной бюрократии».

В исторической литературе обычно игнорируется или освещается недостаточно период службы Блудова при императоре Александре I (1801–1825). Богаче научная традиция изучения жизни Блудова в эпоху следующего царствования — императора Николая I (1825–1855). Применительно к николаевскому царствованию в литературе рассматривают Дмитрия Николаевича в качестве «просвещенного („либерального“) бюрократа», и пишут о нем, как о «новом типе российского чиновника». Такой интерес историков к службе Блудова императору Николаю I правомерен. В то время чиновник занимал ключевые государственные посты: министра юстиции (1830–1831, 1838) и министра внутренних дел (1831–1838). Он входил в число немногих наиболее осведомленных и просвещенных администраторов. При Александре II Блудов проявил себя сторонником подготовки отмены крепостного права и введения форм самоуправления — земств и мировых судов. Его влияние на земскую и судебную реформы было позитивным.

Учитывая масштабность личности Дмитрия Николаевича Блудова, отметим, что статьи о нем в энциклопедических и справочных изданиях публиковались и продолжают публиковаться вполне заслуженно.

Однако специальных работ, посвященных всестороннему анализу личности и деятельности Блудова, после издания в 1866 г. (и переиздания в 1871 г.) работы Егора Петровича Ковалевского — первого прижизненного биографа и друга Блудова — пока не появилось.

Первый биограф Блудова — Е. П. Ковалевский (1809 или 1811–1868) — был выдающейся личностью: гордость отечественной науки и дипломатии, выпускник философского отделения Харьковского университета, востоковед, горный инженер, дипломат и путешественник, писатель. Он работал в Черногории и участвовал в Хивинском походе, вел геологические исследования в северо-восточной Африке, обогатил представления русских о Монголии и Китае. Благодаря

Ковалевскому был успешно заключен Кульджинский торговый трактат — договор 1851 г. между Россией и Китаем, содействовавший развитию торговли России с западным Китаем. Ковалевский участвовал в Крымской войне (1853–1855), собрал материалы об осаде Севастополя англо-французскими войсками. После войны он был директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1856–1861), одновременно был помощником председателя Императорского географического общества (1856–1862), членом-корреспондентом (1856), а с 1857 г. — почетным членом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. С 1861 г. Ковалевский стал сенатором и членом совета МИДа. А еще он стал первым председателем Литературного фонда (1859).

Работа этого замечательного человека — «Граф Блудов и его время (Царствование Александра I)» остается единственным трудом, специально посвященным Дмитрию Николаевичу Блудову. Начатая Ковалевским еще при жизни Блудова, книга была завершена и опубликована спустя два года после смерти Дмитрия Николаевича и за два года до кончины самого Ковалевского. Вторым изданием книга вышла через несколько лет после смерти ее автора.

Основным принципом жизнеописания личности Блудова для Ковалевского являлось обязательное рассмотрение условий жизни своего героя, его общественных связей, современного ему общества, «увлечений его среды». «Если время и общество, — считал Ковалевский, — доставляют необходимый материал для обрисовки известной личности, то и биография ее во многом дополняет описание самого общества, особенно если это такая личность, как граф Блудов, которого всесторонняя деятельность обнимала собою более полувека, а необыкновенная его память служила важным пособием и уразумением многих событий».

Восстанавливая и описывая этапы жизни и деятельности Д. Н. Блудова, Ковалевский опирался на данные, полученные им из государственного архива и архива министерства иностранных дел, а также частных архивов графа Ф. В. Ростопчина и графа С. Г. Строгонова. Он внимательно прочел воспоминания Ф. Ф. Вигеля, генерала графа М. Г. Спренгпортена, В. И. Левенштерна, И. И. Дмитриева, князя А. И. Чернышева и других известных людей, знавших Блудова. По свидетельству самого Ковалевского, источниками жизнеописания графа Блудова ему служили «оставшиеся после смерти его бумаги, сведения, доставленные его семейством и близкими к нему людьми». Источником стали и собственные воспоминания Ковалевского. Биограф полагал, что «только общими усилиями можно составить полную и точную биографию» Дмитрия Николаевича Блудова.

Выход в свет книги Ковалевского о Блудове стал общественным явлением, поскольку и ее автор, и его герой были известными людьми. Многие авторитетные издания («Русский инвалид», «Современное обозрение», «Литературная летопись», «Русский вестник» и др.) опубликовали рецензии. Помещенные в них статьи заложили основу долговременной тенденции, повлиявшей на более позднюю научную литературу.

Первые публикации о Блудове появились сразу после его смерти. Так, Михаил Осипович Коялович (1828–1891), многое сделавший для истории русского самосознания, видел в Дмитрии Николаевиче «достоинейшего русского человека» и поставил конкретную задачу перед современниками и потомками: «Русские люди, близко знающие деятельность и жизнь покойного, спешат принести ему достойную дань и определить то место, которое принадлежит этому долговечному, неутомимому деятелю».

В новейшей историографии общую характеристику Д. Н. Блудову дала Н. В. Минаева в историческом очерке, предпосланном ею к своей публикации избранных воспоминаний о М. М. Сперанском.

Историки, писавшие на рубеже XX–XXI веков о «просвещенной бюрократии», служившей престолу более полутора веков тому назад, не обращали достаточного

внимания на характеристику корневой системы этого феномена, появление которой уходит в екатерининскую эпоху, в XVIII век и развивается в первой четверти XIX в. Возможно, еще и поэтому Дмитрий Николаевич Блудов сегодня оказался забытым и малоизвестным как дипломат и практически неизвестным как переводчик важнейших международных документов Священного союза.

В жизни молодого Блудова его дипломатическая деятельность была связана с литературной. Поэтому в нашей книге подробно рассматривается его участие в литературном обществе «Арзамас». Нами был учтен опыт разработки темы литературного общества «Арзамас» современными литературоведами. В частности, представляются интересными размышления М. Л. Майофис о «модернизаторском потенциале» общества «Арзамас», а Блудова в качестве одного из его важных носителей. Авторская оценка арзамаского модернизаторского потенциала как «огромного» видится нам преувеличенной. Свой вывод Майофис делает, исходя из присущего «многим его („Арзамаса“ — И. С.) участникам (в том числе, и в силу особенностей их профессиональных занятий) напряженного взглядывания в меняющиеся очертания современности».

Существующая литература о Блудове фрагментарна. В тени остается начальный этап формирования личности этого «просвещенного бюрократа». В советское время на хронологическую и тематическую избирательность изучения жизни и деятельности Блудова негативно повлиял идеологический фильтр. Изучению истоков «просвещенной бюрократии» препятствовала идеологическая установка на недопустимость признания факта самой возможности существования высоко профессиональной бюрократии в управленческой элите царизма. А если явления не было, то и изучать его истоки не полагалось. Об исследовании жизни и деятельности Д. Н. Блудова, бывшего в правление «реакционного царя» Николая I министром его самых «реакционных» ведомств — внутренних дел и юстиции, не могло идти и речи.

Идеологические ограничения касались изучения не только личности Блудова. Та же участь выпала другому дипломату и арзамасцу, близкому Дмитрию Николаевичу еще со времен Александра I, — Сергею Семеновичу Уварову (1786–1855). В советские годы Уваров стал маркером реакционности как идеолог теории официальной народности и министр народного просвещения Николая I.

Не надо удивляться, что имена основателей литературного общества «Арзамас» Блудова и Уварова игнорировались в советской историографии даже в описаниях этого общества. Так, ни Блудова, ни Уварова мы не найдем «в выстроенном М. И. Гиллельсоном ряду значимых и даже менее значимых участников „Арзамаса“».

Если же и упоминалось об их участии в «Арзамасе», то только как о досадном препятствии к преобразованию общества в радикальную политическую организацию. После вступления в 1817 г. в общество деятелей декабристского круга — Михаила Орлова, Николая Тургенева и Никиты Муравьева радикализация «Арзамаса» многим советским исследователям представлялась неизбежной.

Из числа основателей «Арзамаса» советские авторы подробно писали только о поэте Василии Андреевиче Жуковском (1783–1852). В отношении него это было справедливо.

И все же не упомянуть о дипломатах-арзамасцах было невозможно, но только в негативном плане. Выход для освещения их роли был найден, правда, в данном случае не классовый, а профессиональный и этический. Подчеркивалась чужеродность дипломатов-арзамасцев арзамасцам-литераторам. Б. В. Томашевский отмечал, что молодые чиновники, делавшие крупную карьеру: Уваров, Блудов, Дашков, Северин, претендовавшие на руководство в «Арзамасе», «не были поэтами, да и Пушкин ни с кем из них позднее не сблизился. Были они ему чужды и в Лицее (более тесные литературные отношения были у Пушкина и его ближайших друзей с Дашковым)». Заведомо давалась необъективная картина истории участия А. С. Пушкина в «Арзамасе».

Вместе с тем, нельзя не сказать, что процессы в образовании и культуре, которые шли в советское время, имели и созидательный потенциал преемственности, как с прошлым, так и с будущим. Так, в советской школе преподавалась классическая русская литература, которую в XIX в. писали дворяне и для дворян, в том числе и члены «Арзамаса». На ее изучение выделялось до пяти уроков в неделю. И дети из народа при советской власти в нашей стране получали дворянское литературное образование, обеспечивавшее фундаментальные основания высокой культуры и достижений СССР.

На рубеже XX-XXI вв. современным исследователям открылась возможность, сохраняя накопленный позитив, преодолеть очевидные идеологические «перекося», и тем самым расширить пределы достоверности в изучении исторических личностей и явлений. Пришло время и для изучения таких личностей, как Дмитрий Николаевич Блудов.

Ввиду важнейшей роли русской литературы и литературной деятельности в общественно-культурном историческом процессе России освещающие их научная историческая литература и данные литературоведения требуют глубокого синтеза. И многое в этом плане делается.

Обращение литературоведов к историческому контексту позволило выявить связь между двумя, казалось бы, совершенно разными событиями внешнеполитической и общественно-культурной жизни русского общества — создания Священного союза и литературного общества «Арзамас».

К двум названным историческим событиям Блудов имел прямое отношение. Он был одним из организаторов и деятельных участников «Арзамаса». Он также был дипломатом и переводчиком основных дипломатических документов Священного союза, которые затем готовил к публикации по поручению императора Александра I. Эти документы на несколько ближайших десятилетий стали основой деятельности Священного союза после 1815 г.

В современной литературе в создании «Арзамаса» «непосредственный отклик» на заключение Священного союза увидела Майофис, связав появление у Блудова идеи «Арзамаса» с принятием акта Священного союза. К сожалению, своей позиции автор не разъяснила. Майофис поставила еще один важный вопрос — о необходимости изучения кумиров конкретного поколения и их влияния на последующую общественно-литературную борьбу.

Кумирами поколения Д. Н. Блудова чаще всего становились представители литературного поколения, родившиеся в 1760-х гг. Это были писатели и поэты: Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. А. Озеров, И. А. Крылов, М. Н. Муравьев. Намного слабее было влияние представителей державинского поколения 1740-х гг.

В обществе «Арзамас» Майофис рассмотрела группу дипломатов: Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова, П. И. Полетику, Д. П. Северина. Ею поставлен вопрос о «системе Каподистрии» и отношении данной системы к литературному обществу «Арзамас». К сожалению, автор не вполне аргументировано включила самого И. А. Каподистрию (1776-1831) в состав членов общества. При всем его интересе к русской литературе и участии в судьбе опального А. С. Пушкина, И. А. Каподистрия не состоял членом «Арзамаса».

Поскольку Блудов являлся преданным сотрудником Каподистрии, фигура этого выдающегося греческого дипломата на русской службе нам интересна. Она является важной при реконструкции дипломатической деятельности Дмитрия Николаевича. Заметим, что в литературе имя Блудова часто не упоминается при описании важных дипломатических событий, в которых тот участвовал, тогда как статус министра иностранных дел в документах не остался незамеченным. Поэтому личность Каподистрии помогает рассмотрению некоторых событий. В 1813 г. он сопровождал Александра I в качестве начальника канцелярии, был послан императором в Швейцарию, чтобы убедить руководство этой страны присоединиться к союзу против Наполеона. Каподистрия проявил блестящие

таланты не только в Швейцарии, но и во время Венского конгресса.

Накопленный в литературе фактический материал ценен для понимания процесса становления Блудова как государственного служащего и влиятельного государственного деятеля. Кое-что из того, у кого и чему он мог учиться и научиться, нам раскрывают очерки, характеризующие тех персон, под началом которых служил Блудов.

Труды, посвященные историческим лицам из окружения Блудова, содержат информацию о круге и характере его общения. Сложились несколько, освещающих их, самостоятельных комплексов литературы.

О родственниках Блудова — Г. Р. Державине и В. А. Озерове и о его сослуживцах по Московскому архиву — Ф. Ф. Вигеле, А. И. Тургеневе, Д. В. Дашкове. Много писалось о близких Блудову поэтах — В. А. Жуковском и П. А. Вяземском, а также представителях старшего поколения — поэте и государственном деятеле И. И. Дмитриеве, Н. М. Карамзине, А. Н. Оленине.

Исследование младшего современника Блудова Я. К. Грота «Жизнь Державина» (автор хорошо знал Блудова и беседовал с ним), показывает необходимость продолжения разработки генеалогических вопросов, а также изучения сменявших друг друга поколений, выявления отличий и нитей преемственности между ними.

Грот рассмотрел родственные связи Блудовых и Державиных. Он показал отношение Г. Р. Державина (представителя поколения 1740-х гг.) к творчеству своего дальнего родственника — «шестидесятника» В. А. Озерова. Отметим, что изучение личности в более широком контексте рассмотрения поколения, к которому она принадлежала, не снимает с повестки дня необходимости анализа индивидуальности, а также форм и способов ее проявления. Грот показал серьезные отличия в отношении к Н. М. Карамзину, которые были в позициях Г. Р. Державина и А. С. Шишкова. Обычно они нивелируются при рассмотрении истории отношений двух литературных обществ — «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса».

Заслуживает безусловного внимания опыт изучения в научной литературе традиционных семейных укладов. Он открывает возможность опосредованно, через морально-этические установки понять специфику корпоративных и индивидуальных представлений, «заглянуть во внутренний мир человека, исследовать его наиболее интимную и скрытую сторону жизни». Изучение бытовой и личной сторон жизни Блудова помогает определить этапы становления этого государственного деятеля и дать им содержательную характеристику.

Глубокий вклад в изучение бытового поведения дворян как «особого рода семиотической системы» внес Ю. М. Лотман. Он показал, что в русской культуре XVIII в. «определенные формы обычной, каждодневной деятельности были сознательно ориентированы на нормы и законы художественных текстов и переживались непосредственно эстетически». Лотман исследовал природу тех оценочных моментов, которые русский человек давал социокультурным и бытовым явлениям русской жизни в условиях набравшей силу европеизации.

В изучении отрочества и юности Блудова полезно наблюдение Лотмана о том, что «...вопреки распространенному мнению европеизация *акцентировала*, а не стирала неевропейские черты быта, ибо для того, чтобы ощущать собственное поведение как иностранное, надо было не быть иностранцем...»

Переживаемая русским дворянством европеизация вносила в его сознание серьезные изменения. По мнению Лотмана, их изучению помогает анализ восприятия в культуре «своего» и «чужого». Ученый обратил внимание на то, что в петровскую и после петровскую эпоху, «чужое, иностранное приобретает характер нормы. Правильно вести себя — это вести себя по-иностранному, т. е. некоторым искусственным образом, в соответствии с нормами чужой жизни».

К началу XIX в., то есть ко времени вступления Блудова на государственную службу, взаимодействие встретившихся на русской земле противоположностей: традиций отечественной и западноевропейской жизни — уже имело «стаж» и выработало у дворянского сословия некую привычку. Произошла известная локализация западноевропейского воздействия при осознанном определении допустимых границ европеизации, а также адаптация ее определенных проявлений к русским условиям и как следствие постановка вопроса о национальной идентичности в условиях встречи русской и западноевропейской культур.

Бытовое поведение изучается в литературе как историко-психологическая категория, которая позволяет определить «границы бытового поведения» и выделить момент, когда, переставая быть таковым, это поведение «получает высокий этико-политический статус».

При рассмотрении повседневной жизни Блудова в период его службы в Московском архиве Коллегии иностранных дел и анализе привнесенных в его жизнь интеллектуальных перемен благодаря общению с «архивными юношами» братьями Тургеневыми и В. А. Жуковским полезны работы М. Я. Бессараб и В. Н. Осокина.

Пониманию изменений, происходивших в сознании Блудова и его ближайшего окружения, может пригодиться понятие «проницаемости национальной языковой системы», предложенное В. Г. Костомаровым. Оно характеризует качественные изменения, происходящие в языке на сравнительно коротких отрезках времени. Вывод автора о том, что язык неизбежно «приводится к большему соответствию с нуждами и мышления и общения», применим в изучении эволюции общественного и индивидуального сознания. Также заслуживает внимания определение Костомаровым «сдвига», с помощью которого могут выявляться рубежи в процессе взаимодействия культур, набравшего силу в первой четверти XIX в.

Эволюцию повседневной культуры среды московского дворянства, в которой прошли отроческие годы Блудова, исследовала М. В. Короткова.

Проблема взаимодействия отечественной и западноевропейской культур, традиционно представленная в отечественной историографии, в настоящее время решается при помощи дифференциации понятий «влияние» и «общение».

«Влияние» рассматривается как осознание превосходства иной среды или культуры, влияющей на отечественную культуру и жизнь, и как следствие признания необходимости учиться у другой культуры, нравственно ей подчиняться, заимствуя не только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения.

Тогда как под «общением» понимается знакомство с западноевропейскими странами и их культурой в процессе ведения с ними дипломатических и торговых дел, заимствования плодов просвещения, приглашения к себе иностранных художников, врачей, военных, при сохранении ментального ядра и признания национальной духовной независимости как неперменной ценности.

Русская культура первой четверти XIX в. находилась на высокой стадии развития и переживала «золотой век». Она обладала запасом прочности и способностью перерабатывать иностранные заимствования применительно к русской почве. Активно воспринимая элементы западной культуры в XVIII в. и начале XIX в., русская культура от этого не могла измениться и не меняла своей природы. Некоего единого влияния «западноевропейской культуры» просто не существовало. Поэтому в современной литературе западноевропейская культура анализируется в ее конкретных национальных проявлениях.

Проблема мультикультурных влияний и их взаимодействия имеет прямое отношение к изучению личности Блудова, в 1812–1822 гг. жившего в Швеции, Франции и Англии и испытывавшего воздействие культуры этих стран.

В современной литературе показано, что процесс европеизации русского дворянства и конкретное отражение его отношения к поступавшему в Россию зарубежному «продукту» (идейному, художественному, бытовому или др.) затрагивал историю конкретной семьи, брака, семейных и родственных отношений. На этом основании подчеркивается, что история семьи помогает пониманию объективных, «малоподвижных, чуждых стремительным изменениям, базисных структур человеческого и общественного бытия».

Поскольку государственная деятельность Блудова, как и других отечественных «просвещенных бюрократов», начиналась в исторических условиях александровского царствования, необходимой историографической составляющей настоящей книги стала научная литература, написанная об императоре в дореволюционный*, советский** и постсоветский*** периоды. Особенно важны исследования истории внешней политики России первой четверти XIX в., посвященные государственным преобразованиям и государственным деятелям.

Среди работ, освещающих вопросы, к решению которых в той или иной форме был причастен Блудов, выделим исследования, посвященные изучению характера Священного союза и личности императора Александра I. Он руководил отечественной дипломатией и давал непосредственные поручения Блудову.

В дореволюционной литературе александровская идея Священного союза рассматривалась как идеал международного права, который русский император предложил европейскому сообществу.

Так, В. К. Надлер проанализировал усилия русской дипломатии во главе с Александром I по правовой и практической реализации этой идеи в Европе и борьбу, небескорыстное противодействие этой идее, а также русскому влиянию со стороны австрийской дипломатии и ее лидера К. фон Меттерниха.

Историк Русского зарубежья Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) исследовал природу обвинений России со стороны либеральных и радикальных отечественных и зарубежных авторов в ее якобы «предосудительной» политике в качестве «жандарма Европы».

Спекторский вскрыл источники и природу нападок на Россию ее недоброжелателей. Проанализировав линию дипломатии Александра I на введение конституционных порядков в Европе, он показал ее последовательность и либеральный характер. Как всегда, нападки на Россию были традиционно несправедливыми и политически заданными.

В советской литературе характер Священного союза определялся как реакционный монархический союз России, Пруссии и Австрии, а также как «сплоченная организация с резко очерченной клерикально-монархической идеологией, созданной на основе подавления революционного духа и политического, и религиозного свободомыслия». Она, в соответствии с этой концепцией, оформилась в определенных идеологических условиях, которые характеризовались классовым неприятием царизмом всего прогрессивного, в том числе и во внешней политике.

Генеральную линию советской историографии 1920-х гг. определил сборник статей М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии». Покровский симпатизировал Наполеону и давал враждебные оценки и характеристики Александру I и русской армии, руководствуясь принципом, чем хуже для внешней политики царизма, тем лучше для революции. Ранняя советская историография восприняла апологию Наполеона у французской историографии, прежде всего у А. Тьера, который рассматривал французского императора как защитника нового буржуазного порядка, а также А. Сореля, писавшего о борьбе двух начал: консервативного (антифранцузская коалиция) и революционного (главным выразителем которой был Наполеон).

В современной литературе Священному союзу даются полярные оценки. Одни авторы усматривают в Священном союзе первую в европейской истории попытку

объединения человечества, «своеобразный прообраз Лиги Наций и ООН».

Другие не приемлют позиции, согласно которой Священный союз явился системой «мирного сосуществования народов, основанной на „нравственных заветах христианства“». Так, Н. А. Троицкий выступил против того, чтобы «иные из постсоветских историков усматривали в „доктрине священного Союза“ „благородство“ и „высокий гуманистический пафос“, адресуя свою критику, в частности, В. В. Дегоеву.

В настоящее время продолжается дискуссия о том, позволила ли венская система надолго сохранить прочный мир в Европе, и может ли она послужить примером для договоренностей, которые обеспечат стабильность на планете.

В прямой связи с изменениями оценок Священного союза в современной историографии, особенно в период основания союза и деятельности в нем Александра I, наблюдается переоценка роли самого императора во внешней политике и победе Российской империи над Наполеоном, а также роли русской дипломатии.

Продолжается развитие темы дипломатической победы Александра I над Наполеоном и раскрытие ее причин. Эти сюжеты с 1960-х гг. разрабатывал В. Г. Сироткин. В работе „Наполеон и Россия“ он упомянул об одном из аспектов участия Блудова во внешнеполитической борьбе России — его усилиях в антинаполеоновской пропаганде.

Безусловно, на деловую атмосферу, в которой работал Блудов, влияли характерологические особенности императора Александра I, определявшего внешнеполитический курс и состав элиты своего дипломатического корпуса.

В дореволюционной литературе неприязненным оценкам, дававшимся личности Александра I историками: Николаем Карловичем Шильдером (1842-1902) и великим князем Николаем Михайловичем (1859-1919), противостояло иное мнение — историка Василия Карловича Надлера (1840-1894), который подчеркивал искренность и силу религиозных убеждений Александра I.

По мнению Надлера, эволюция религиозных взглядов императора привела его к выводу о необходимости построения международных отношений в послевоенной Европе на принципиально иных, стабильных основаниях. Почву для европейской безопасности он видел в понятных для всех европейских народов истинах Евангелия.

О воздействии фактора религиозности Александра I на проводимую им внешнюю политику писал швейцарский историк и политический деятель Анри Валлоттон (1891-1971). В новейшей исторической литературе о недооценке исторической наукой воздействия религиозных взглядов русского императора на его внешнеполитическую программу и действия размышляет Андрей Николаевич Сахаров.

Противоречивые характеристики Александру I как дипломату и руководителю отечественной дипломатии, дававшиеся в дореволюционной историографии, нашли продолжение в столь же полярных оценках в советской и современной российской историографии.

В отношении личности Александра I как бы „сомкнулись“ дореволюционная и советская научные линии.

В 1990-2000-е гг. набирает силу историческая „реабилитация“ императора Александра I. Один из современных авторов, Н. И. Казаков пишет: „Нет, Александр I был человеком стойким и целеустремленным, хотя, возможно, перед тем, как принять окончательное решение, он и колебался в выборе наилучшего средства для достижения цели“.

И, тем не менее, сама личность императора Александра I и ее понимание

продолжает оставаться дискуссионной проблемой. Противоречивости характеристик, данных личности Александра I В. А. Федоровым, которые отражают существующий спектр мнений об императоре, А. Н. Сахаров противопоставил рассмотрение „глубокой, интеллектуально развитой, умной“, масштабной личности выдающегося деятеля в истории России и Европы, каким был император Александр I.

Блудов, будучи исполнителем воли Александра I, действовал в рамках избранной императором дипломатической стратегии „конституционной дипломатии“. На рубеже XX–XXI вв. проблема конституционализма в России, глубокое изучение которой начинается в 1980-е гг. с внутренней политики в первой четверти XIX в., находит свое продолжение в рассмотрении ее внешнеполитических аспектов.

Своеобразие периода 1815–1825 гг. в истории России справедливо подчеркнул С. В. Мироненко. Он объяснил причины недостаточного внимания историков к данному десятилетию следующим образом: „В эти годы не было осуществлено никаких крупных преобразований. Все замыслы так и остались замыслами, а проекты проектами. Видимо, поэтому внимание историков было привлечено к изучению времени, более богатого крупными преобразованиями и событиями, — второй половины XIX — начала XX в., но для историков не менее важны и неосуществленные реформы“.

Добавим, что Российская империя во главе с Александром I выполнила свое предназначение. Она победила Наполеона, спасла собственную государственность, на несколько десятилетий установила мир в Европе. И к этому был причастен Блудов.

Современный исследователь В. Ю. Захаров показал, что, размышляя над проблемой конституционализма в 1814–1822 гг., Александр I надеялся на его введение в Европе. Однако практика применения в Европе „конституционной дипломатии“ Александром I в 1801–1820 гг. в европейских странах привела к иным результатам, чем разработка конституционных проектов внутри России. По мнению В. Ю. Захарова, Александр I „искренне стремился провести серьезные реформы во всех сферах жизни, воспользовавшись доктриной конституционализма“. При этом им был использован конституционный опыт зарубежных стран, включая даже революционную Францию».

Суждение Н. В. Минаевой о том, что «передовая европейская мысль могла быть освоена только представителями господствующего класса, порывавшими со своими кастовыми интересами, или частично отказавшимися от их защиты», позволяет выявить социальный порог восприятия Блудовым современных ему западноевропейских политических идей.

Обстановку, в которой находились во Франции в 1814–1818 гг. русские дипломаты, и в их числе Блудов, а также восприятие французами России и русских рассмотрела по материалам фондов Национального Архива Франции М. В. Губина.

Дипломатические отношения между Россией и Англией в период, затрагивающий время несения Блудовым дипломатической службы в Лондоне, исследовал

А. А. Орлов. Интересный личностный метод изучения международных отношений и истории дипломатии, анализа вклада конкретных дипломатов предложила Н. П. Танышина. В исследовании «Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия» она показала англорусские отношения и дипломатическую роль русского посла в Лондоне в 1812–1834 гг. графа Х. А. Ливена через призму восприятия близкой к послу личности — его супруги.

В современных диссертационных исследованиях, рассматривающих проблемы отечественной истории второй половины XVIII — первой четверти XIX вв., показана связь государственного курса с тем социальным слоем, который в определенных условиях выдвинулся к руководству, в том числе и внешней политикой, а также отношение дворянской элиты к государственной службе.

В них выявлена неоднородность дворянской элиты и выделены ее основные группы. В окружении Блудова были представители: 1) из древних, титулованных знатных фамилий, традиционно служивших престолу; 2) ближайшего окружения императора (императрицы); а также 3) лиц, занимавших высокие государственные должности на военной и штатской службе и имевших влияние на решение государственных дел.

Ряд диссертаций посвящен хозяйственной деятельности помещиков и характеристике социально-экономической природы дворянской усадьбы, а также ее воздействию на ментальность и сферы занятий дворянства.

В диссертационном исследовании Н. А. Могилевского о дипломатической и военной истории заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. показана эффективность новой (Венской) системы международных отношений, заложенной Александром I, в утверждении стабильности политической безопасности Европы. Автор сделал аргументированный вывод о ведущей роли России в социально-политической модернизации Европы в 1813–1814 гг. и руководстве Александра I этим процессом.

На основании документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) Могилевский показал, что за время заграничного похода русской армии по инициативе русского императора состоялись два крупных конгресса — Пражский и Шатильонский. В них участвовали, с одной стороны, представители побеждающей шестой антинаполеоновской коалиции, а с другой, наполеоновской дипломатии. Тогда же была апробирована форма мирного решения спорных международных вопросов участниками конгрессов, которая свое дальнейшее развитие получила в 1815–1822 гг.

В свете проблемы зарождения русского консерватизма подошла к рассмотрению взглядов Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки Т. А. Егерева. Ее материал интересен, поскольку Н. М. Карамзин и А. С. Шишков имели непосредственное отношение к тем литературным спорам, участником которых был Блудов. К сожалению, в работе Егерева данный аспект не рассматривался. Названные персоналии интересовали автора как представители интеллектуальной элиты России начала XIX в., которые выполняли определенную функцию в системе отечественной культуры, а именно: анализировали идущие из-за границы новшества, сравнивая их с имевшимися в российском социуме традициями и нормами жизни. Центральной проблемой в их рефлексии, по мнению Егерева, был вопрос об идентичности, т. е. о выяснении национального, культурного, социального своеобразия России в кругу европейских держав.

Особое значение имеют наблюдения филологов по поводу официально-делового стиля. В свое время В. В. Виноградов в изучении официально-делового стиля опирался на язык художественной литературы. Он полагал, что национальная литература — это «единственная всеобщая сфера письменного выражения, которая объединяет носителей всех существующих в данном синхронном срезе функционально-речевых стилей, то есть членов социума, в своей повседневной практике пользующихся одним из них <...>, объединяет их как людей, обращающихся к главному источнику духовной культуры нации, соединяет их как читателей».

В лице Блудова оказались совмещенными навыки и знания русской и французского литературы, а также официально-делового стиля, поэтому написанные им дипломатические документы и переводы были столь высокого уровня.

В современной литературе отмечается, что деловой стиль, предопределивший во многом языковую реформу Карамзина, обладал особой значимостью для русского литературного языка XVIII–XIX вв. А. П. Романенко особо выделяет канцелярский стиль, он был уже в XIX в. достаточно сложен и разработан, что «не могло не проявиться в последующей истории литературного языка и словесности».

Литература, написанная о Блудове, условиях его жизни и деятельности,

свидетельствует о параллельном существовании в настоящее время нескольких комплексов литературы и необходимости их осмысления. Речь идет о комплексе работ, в той или иной мере освещающих личность и деятельность Блудова и обстоятельства его жизни; а также исследованиях, характеризующих историческую эпоху, в которой действовал наш герой, и кроме того, работы историков и филологов, хранящие полезные подходы-ключи методического, методологического и источниковедческого характера.

§ 1. Род, семья и воспитание Д. И. Блудова. Его возмужание

Дмитрий Николаевич Блудов был типичным представителем русского служилого дворянства конца XVIII — начала XIX вв. Его появление на свет состоялось в родовом «гнезде», селе Романово Шуйского уезда Владимирской губернии. Выполняя волю матери после ее смерти в 1807 г., Д. Н. Блудов, передал родовое село Романово ее сестре — Писемской (урожденной Тишиной). Сына Писемской, своего двоюродного брата, Блудов представил членам литературного общества «Арзамас» в 1817 г.

Для понимания отношения Блудова к родовому поместью и правившей династии Романовых представляется важным указание его прижизненного биографа Е. П. Ковалевского на то, что это село было пожаловано Назарию Беркуту Блудову первым царем дома Романовых Михаилом Федоровичем за участие того в походе Дмитрия Пожарского.

Заметим, что в статье «Блудовы», помещенной в энциклопедическом справочнике Брокгауза и Ефрона, сподвижником Д. И. Пожарского назван не Назарий, а Никита Васильевич. Речь, однако, идет об одном и том же человеке по «прозванию Беркут». Он был в числе воевод сподвижников Минина и Пожарского в деле избавления России от поляков и получил от царя Михаила Федоровича в суздальском уезде вотчину в память царской милости названную «Романово». Отец Никиты — Василий Блудов — был связан с Шуйей, где в 1576 г. он был городовым приказчиком.

В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова все же назван Назарий Беркут, который «начальствовал над отрядом в рати князя Пожарского, подписал известный договор между князьями Пожарским и Трубецким и пожалован был от царя Михаила поместьем, в котором впоследствии родился Дмитрий Николаевич Блудов».

Исторический факт получения от династии Романовых земельного дара за участие в деле избавления России от поляков их предком составлял предмет особой гордости рода Блудовых. Большое значение ему придавал и Дмитрий Николаевич. Он выделял Назария из числа его современников и высказывал о нем свои суждения, опираясь на имевшиеся у него документы, написанные Назарием Беркутом. Дмитрий Николаевич отмечал, что подчёрк Назария в сравнении с другими был «довольно тверд и правилен», что доказывает его грамотность.

Из других сохранившихся источников о Назарии Блуде Д. Н. Блудову было известно, что «августа в 4 день 7123 году Назарья Блудова на Углицкую ею вотчину по Царя Васильеве даче пошлин полтины для бедности не взято».

В XVII в. Блудовы служили в городских дворянах, дворянах московских и стряпчих. Они служили в Москве, Вязьме, Лихвине, Казани, Тобольске, Тюмени, Яранске. *Иван Блудов* в 1636–1638 гг. служил в приказе Большого Дворца. *Василий* в 1646 г. досматривал порухи Белого города в Москве. *Григорий*, хотмышский сотник, в 1647 г. был послан из Москвы в Курск с государевой грамотой. *Самуил* в 1661 г. был стрелецким и казачьим головою в Тюмени. *Михаил* в 1669 г. служил в Вязьме головою таможенного и кружечного двора. *Юрий* Блудов в 1654–1655 гг. был подъячим в приказе Большого Дворца, в 1668 г. — дьяком в Казани, в 1671–1674 гг. — дьяком в Тобольске, в 1676–1679 гг. — дьяком ямского приказа в Москве. *Тарас* Блудов в 1689–1690 гг. был «прикащиком» села Преображенского. *Александр* Блудов в 1689 г. служил капитаном в стрелецком полку Ивана Цыклера и остался верен Петру I, ему поручили арестовать В. В. Голицына. В 1690 г. он сопровождал в Яранск сосланного Голицына и охранял его. *Григорий Иванович* (род. 1683) в 1711–1727 гг. служил в регулярной армии, уволен за болезнь в чине прапорщика, причислен к герольдмейстерской конторе, в 1733 г. назначен воеводой в г. Лихвин, калужской провинции.

Архивные материалы хранят сведения о нескольких Блудовых, фиксируя их

социальный статус и материальное положение. «Февраля 21-го 7123 года в Шую, по челобитью Семена Блудова, ввозная на старую вотчину, на Царя Васильеву дачу шездесят четьре четьи.

Пошлин для бедности 26 ал. 4 ден. не взято», — таким образом, в 1631 г. другой предок Блудова — Семен был небогатым шуйским вотчинником.

Известно, что один из Блудовых — Семен Федорович в 1598 г. подписался под избирательной грамотой Бориса Годунова, а в 1602 г. был воеводою в Алатыре.

Бедность и вдовство были хорошо известны роду Блудовых. Они сопровождали род особенно в первые годы правления Романовых. Данное обстоятельство отметил Д. Н. Блудов. В одной из выписок из книг Печатного приказа и жалованных грамот, сохранившейся благодаря Д. Н. Блудову, записано: «Марта 27, 7123 года. В Рязанской уезд в жребий деревни Зубовы по челобитью вдовы Маланьи Блудова на 70 четьи. Пошлин 29 ал. 3 деньгою для бедности и вдовства не взято». В 1622 г. «Галицком стану на пустошь, что было сельцо Лучкино с пустошми, а не долю ему в тое вотчину трех чети без полуосмины. Грамота писана во 7130 году. Июня в 20 день, за подписью дьяка Ондreja Варева. Пошлин полтины за бедности не взято».

По сделанным Д. Н. Блудовым выпискам из книг печатной конторы прослеживается служебная история его рода, похвальные дела предков и отношение к ним власти.

Согласно одной из записей, сын боярский Игнатий Алексеевич Блудов по «жалованной вотчинной грамоте Царицы» получил «за осадное сидение Королевича приходу с поместного его окладу с трех сот чети на шездесят чети из его ж поместья в Суздальском уезде...».

Из текста, выписанного Блудовым из книги бывшей печатной конторы № 5, лист 39, 7135 года известно содержание «Жалованной печатной грамоты на вотчину Ивану Тарасову сыну Блудова». Она была дана ему «за его службу и для вечного учиненного миру, что учинилось у великих государей с польским королем в 194-м году, с поместного его окладу с семи сот четвертей со ста четвертей по двадцати четьи и того сто сорок четвертей из его поместья в вотчину в коломенском уезде в большом Микулине стану в пустоши Миткове, на речке на Коломенке, да в Макавском стану в жеребью селца Бункова, в пустоши Останкове. А в той его вотчине, по Коломенским книгам письма и меры Семена Усова да подьячего Гаврила Михайлова 135 и 136 и по дачам и по отказным книгам 182 и 189 и 190 и 201 и 202 году, написана: пашни в пустоши Митков средние земли доброю землею с наддачею сто тридцать шесть четьи, да в жребию селца Бункова в пустоши Останкове средние земли доброю землею с наддачею пять четвертей всего в его Иванове вотчине пашни сто сорок одна четверть в поле, а вдову потому, и перешло у него Ивана сверья Указу, а ево поместного складу 1 жребью сельцо Бунково в пустоши. Останкове четверть и тою перехожею четвертью владеть ему Ивану по прежнему в поместье пошлин полполтины взято. Писано ноября в 19 день. Припись дьяка Василия Федорова, справка Ивана Молчанова. Выписано из книг Печатной Конторы № книги 355, лист 533, 7204года». В конце XVII в. тринадцать членов рода Блудовых владели населенными пунктами.

Блудов собирал сведения о землевладении своего рода и его формах. Выявленные и переписанные его рукой документы характеризуют социальную историю служилого рода небогатых землевладельцев Блудовых.

Документы дают представление об этических приоритетах Д. Н. Блудова. Для него было важно, что поместный оклад давался его предкам за службу. Ему удалось найти документы, связанные с земельными правами рода Блудовых, датированные первой половиной царствования Михаила Федоровича, а также временем правления царевны Софьи и Петра I. Все три царствования были в отечественной истории беспокойными.

Наиболее ранние материалы, выявленные Д. Н. Блудовым, относятся к XVI, а

также первой трети и к концу XVII в., что наводит на мысль о легендарности древне-киевского происхождения рода Блудовых, положенного в основу его родословия. Впрочем, легендарный исток дворянского рода Блудовых, зафиксированный еще Ковалевским, вполне соответствовал традициям отечественной дворянской генеалогии.

Характеристика рода Блудовых дана в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, начатом в 1797 г.», чье издание было предпринято согласно рескрипту императора Павла I. В соответствии со структурой источника, после описания герба рода, в нем дается характеристика предку рода, которая после публикации в «Гербовнике» приобретала официальный характер.

В «Гербовнике» сообщалось: «Предок фамилии Блудовых Ивещей Блуд, как в справке Разрядного Архива показано, в 981 году написан в Киевском печатном Летописце, и в то время, когда Великий Князь Владимир Святославич взял Киев, он, Ивещей Блуд, был в Киеве Воеводою. Сего Блуда дети, внучата и правнучата переведены во Владимир и пожалованы им многие деревни. От них произшедшие потомки Блудовы, равным образом Российскому Престолу служили дворянские службы в разных чинах, и жалованы были от Государей в 1036, 1518 и других годах поместьями. Все сие доказывается справками Архива Коллегии Иностранных дел, Разрядного Архива, Родословной Блудовых и Грамотою московского Дворянского собрания о внесении рода Блудовых в Дворянскую Родословную книгу в 6-ю часть древнего Дворянства».

«Удревнение» Блудовыми происхождения своего рода, родового имени и бережное отношение к исходной родовой легенде являлось общей чертой дворянской генеалогии. Древнерусские истоки фамилии Дмитрия Николаевича Блудова подчеркивал его первый биограф Е. П. Ковалевский: «Блудовы ведут род свой от Ивещея, во Святом крещении Ионы Блудта, бывшего воеводой в Киеве в 981 г. и умертвившего князя Ярополка. Служа верно России, Блудт в битве с королем польским Бореславом Храбрым сложил голову. О сыне его, Гордене Блудовиче упоминается в древних наших песнях между богатырями великого князя Владимира». До нашествия монголо-татар на южную Русь и взятия Киева в 1240 г. потомки Блудта служили киевским князьям. В дальнейшем род Блудовых разделился на несколько ветвей: одни служили князьям моравским, другие ушли в Польшу, а третьи, оставшись в Малороссии, сражались «под Гедедином против татар и под Владиславом II Ягайлом, королем венгерским и польским, против турок». Ковалевский подчеркнул, что в битве под Варной Блудовы получили свой герб (топач).

Переход Блудовых (который осуществил Федор Блудт, уже Блудов) на службу московскому князю относится к периоду, последовавшему после смерти Владислава II в 1434 г., когда его потомки, проводя политику колонизации, начали преследовать «русские дворянские роды». Исследователи традиционно подчеркивают древнерусскую родословную Блудова и опыт служения его дворянского рода московским князьям, начиная с княжения великого князя Василия II Васильевича Темного (1425–1462). По данным Ковалевского, Блудовы основались в «смоленской вотчине» под Вязьмой.

Дмитрий Николаевич Блудов был не первым дипломатом в своем роду. Наиболее известным из дипломатов-предшественников рода Блудовых стал внук Федора Блудта — Борис, который, по летописным источникам был послом Ивана Васильевича IV Грозного при крымском хане Сайдет-Гирее.

Собранные Д. Н. Блудовым сведения о землевладении и социальном статусе предков помогают понять природу сложностей в осуществлении его намерения жениться на княжне Щербатовой, когда ее отец, представитель более древнего и знатного рода князей Щербатовых выразил категорическое нежелание породниться с ним. Одним из оснований отказа князя Щербатова не титулованному Блудову являлось отсутствие должной, с точки зрения Щербатова, знатности Блудовых. Столичные князья Щербатовы были потомками «Рюриковичей» (№ 17).

Род Щербатовых вел свое происхождение от черниговского княжеского дома Рюриковичей и был ответвлением рода князей Оболенских. Родоначальником Щербатовых стал их потомок князь Василий Андреевич Оболенский, живший в середине XV в. и представлявший XVII колена от Рюрика. Он носил прозвище Щербатый. По этой не вполне благозвучной причине его потомки стали именоваться князьями Щербатовыми. В начале XIX в. для старшего поколения «Рюриковичей» генеалогия рода все еще представляла важный социальный смысл.

Блудов стоял на более низкой, в глазах Щербатова, ступени дворянства, известной нам, скорее, по Петруше Гриневу из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Тем не менее, подобно детям других столбовых дворян, будучи еще младенцем, Д. Н. Блудов был записан в полк в соответствии с устоявшейся традицией. Наряду с типичностью в этом, казалось бы, бытовом событии, проявила себя и судьбоносная индивидуальность. В лейб-гвардию Измайловского полка младенца Дмитрия записал его двоюродный дядя по отцу — Гавриил Романович Державин (1743–1816) — известный русский поэт эпохи Просвещения и государственный деятель. Правда, затем, по просьбе матери, еще в детском возрасте Д. Н. Блудов был уволен из Измайловского полка. Военной карьеры для сына она не хотела. В современных справочниках мать Блудова ошибочно именуют Антониной Воиновной. Современники ее знали как Катерину (Екатерину) Ермолаевну, урожденную Тишину (1754–1807).

В «Записках» Державин описал обычай покровительства и его необходимость для карьерного роста небогатого дворянина. Он рассказал о системе покровительства как непрременном основании русской дворянской жизни на основании собственного жизненного опыта, показав данное явление со времен собственной военной службы. Традиция покровительства оказалась живучей.

Блудову повезло с покровителем. В отношении юного Дмитрия Николаевича его покровитель Державин действовал бескорыстно, в соответствии с принципом, который он выразил в поэтической форме: «Добро творить — не собираться, /А должно делать, делать в миг».

Державина многое связывало с Блудовыми. Поэт был бедным родственником Феклы Савишны Блудовой — двоюродной тетки Державина по матери (урожденной Феклы Андреевны Козловой). Ф. С. Блудова в 1762 г. проживала в Москве на Арбатской улице в собственном доме. В то время Державин, по его словам, был ей «порученным» своей матерью. Это давало тетке право на «страшную выгонку» племяннику. Державин вспоминал, как под угрозой написать матери, «буде он ее не слушает», Ф. С. Блудова помешала его намерению обратиться за протекцией к И. И. Шувалову, к тому времени «бывшему главному куратору» Московского университета и Казанской гимназии. «А как воспитан он был в страхе божием и родительском, то и было сие для него жестоким поражением...», поскольку ему ничего не оставалось, как «отправлять» «наряду с прочими солдатами все возложенные низшие должности». Позиция тетки оказалась непреодолимым препятствием для Державина. Полученный им от родственницы удар был тем чувствительней, что Державин не без основания рассчитывал на помощь Шувалова: тот однажды уже сыграл в его судьбе важную роль. Будучи куратором Казанской гимназии, Шувалов оказал поддержку ее ученику Державину. По воспоминаниям Державина, за неимением учителей в г. Яранске, т. е. месте службы отца, он был «научен от церковников читать и писать». Немецкому языку его учил сосланный в каторжную работу немец И. Розе, «сам невежда», не знавший грамматики. Математике обучали сослуживцы отца Лебедев и «артиллерии штык-юнкер Полетаев». В 1758 г. мать Державина отдала своих сыновей в открывшуюся в Казани гимназию, директором которой был М. И. Веревкин. Директору следовало отчитываться перед И. И. Шуваловым «в успехах» вверенной ему гимназии. Среди учеников, которые в качестве поощрения и награды были записаны «в службу в полки лейб-гвардии солдатами», был и Г. Р. Державин. В тексте «Записок» Державин неоднократно называл Шувалова «своим покровителем».

Ф. С. Блудова, «запрети» Державину «накрепко ходить к Шувалову»,

руководствовалась сложившимся у нее негативным отношением к И. И. Шувалову, как масону, что являлось выражением ею общего неприятия появившихся тогда в Москве масонов. В них она видела «отступников от веры, еретиков, богохульников, преданных антихристу». По-своему она старалась уберечь племянника. В отношении принадлежности И. И. Шувалова к масонству Ф. С. Блудова не ошибалась.

Все эти женщины: мать Державина — Фекла Андреевна, ее родственница и тезка — Ф. С. Блудова, а также мать Д. Н. Блудова — Катерина Ермолаевна, происходившая из новгородских дворян — представляли определенный тип русской дворянки XVIII в. Представляя разные поколения, они не принадлежали европеизированной великосветской элите. Малообразованные (по выражению Державина, «по тогдашнему веку непросвещенные»), но «по природе умные и благочестивые».

По свидетельству М. А. Дмитриева, записанному тем со слов представителя старшего поколения его дяди И. И. Дмитриева, близкого как Г. Р. Державину, так и Д. Н. Блудову, но старше последнего на четверть века, «барыни и девицы были почти все безграмотные», учились читать и писать только богатые и избранные. «Это было исключительным явлением, — писал М. А. Дмитриев, — что мой дед говорил по-немецки и понимал по-французски, и что моя бабка умела писать и читала книги».

Запомнившиеся Державину угрозы тетки Ф. С. Блудовой написать его матери — Ф. А. Державиной в случае его непослушания, сами по себе еще не доказывают умения писать. Письма могли писать по поручению дворян и «грамотники», в том числе из дворян. Но по свидетельству Я. К. Грота, имевшего возможность изучить несколько сохранившихся писем матери Державина Феклы Андреевны, она все же, хотя и была женщиной «без образования», тем не менее, писать умела, правда, «едва». И все же Грот делает предположение о вероятности диктования ею писем, что в целом подтверждает описанную М. А. Дмитриевым картину.

Сохранившиеся письма матушки Блудова к сыну свидетельствуют об ее принадлежности к числу «немногих» и умению писать. Писала она кратко и очень неразборчиво. От нее, видимо, подчерк унаследовал Дмитрий Николаевич. Но она могла позволить себе вести письменную дружескую беседу с приятными ей людьми.

По душевному складу Катерине Ермолаевне Блудовой наиболее близка Фекла Андреевна Державина. По отзывам своих сыновей, обе матери и Державина, и Блудова обладали нежностью и благочестием, умной и заботливой волей, способностью направлять развитие и образование детей и быть им влиятельными советницами. Они понимали цену образованию и не боялись «трудов и тревог для блага своих сыновей».

Державин благодаря матери в пять лет выучился читать. По словам поэта, она и потом «приохочивала» его к чтению, особенно духовных книг, «награждая за внимание игрушками и сладостями». Державин ценил, что мать «никогда не забывала о воспитании детей своих, но прилагала всевозможное попечение, какое только возможно было им доставить», в том числе и на уровне образования.

Академик Я. К. Грот, обобщив известные ему рассказы о матерях поэтов и писателей конца XVIII — начала XIX вв., заметил: «...то же самое рассказывал и Крылов о своей матери». Вероятность применения аналогичного воспитательного приема К. Е. Блудовой в отношении своего сына существовала.

Матери Г. Р. Державина и Д. Н. Блудова жили в разное время. Они не знали друг друга, но выстраивали очень похожие стратегии воспитания своих детей, оставшихся рано без отцов. Обе женщины-вдовы поднимали осиротевших детей, вели хозяйство, ответственно относились к «великим обязанностям матери и помещицы». Их дети были воспитаны в твердых правилах и семейных преданиях.

Будучи старше К. Е. Блудовой на одиннадцать лет, Г. Р. Державин разглядел в ней

близкие и дорогие ему черты материнского поведения. Выстраданный Державиным и «запечатленный на его сердце» принцип «без помощи, без обороны сирот и вдов не оставлять» поэт реализовывал «будучи потом в высоких достоинствах» в «роде Державина: гордо и благородно!». Поскольку от души помогать вдовам и сиротам Державин был готов всю свою жизнь, у нас есть основания полагать, что ставшая рано вдовой мать Блудова могла обратиться к Державину. Об этом говорит и историческая репутация, и поэтический автопортрет Державина: «Я любил чистосердечье, / Думал нравиться лишь им. / Ум и сердце человецье / Были гением моим...».

По мнению автора биографического описания Державина О. Н. Михайлова, «причина таилась в самом характере Державина». Добавим, и судьбы. Своих детей у Державина не было, но его «...дом был открыт для всех, радушно принимал близких и давал им место под своим кровом, воспитывал дочерей Н. А. Львова, заботился о живших у него трех сестрах Бакуниных. Помогал детям Капниста, Блудова, Гасвицкого».

В общественном укладе русской жизни последней четверти XVIII — первой четверти XIX вв. семья была одной из главных микроструктур, определяющих статус человека, форму его поведения и систему личных взаимоотношений. Характеризуя «образ воспитания», «характер», «привычки» и «склонности» Д. Н. Блудова, Ф. Ф. Вигель обратил внимание на роль его матери в их формировании.

Точная дата смерти отца Дмитрия Николаевича — помещика Владимирской губернии, прапорщика Николая Яковлевича Блудова не известна. Об отце Дмитрия Николаевича Е. П. Ковалевский писал: «Богатый дворянин Казанской губернии, служивший недолго, живший открыто, широко, расстроивший свое состояние псовой охотой и частью карточной игрой, он умер довольно молодым, простудившись в отъезде поле».

В справочной литературе дата смерти Н. Я. Блудова указывается примерно — середина 1780-х гг. (не ранее второй половины 1784 г.), поскольку его единственный сын Дмитрий родился 5 апреля 1785 г. Отец не мог оказывать непосредственного влияния на процесс воспитания наследника. Дмитрий Николаевич Блудов вырос в «теплице заботливости» «нежной, умной, попечительной и хворой матери». В год рождения сына К. Е. Блудовой был 31 год. Современники сходятся в том, что будущий государственный деятель рос в среде, наполненной материнской любовью.

Е. П. Ковалевский описал Катерину Ермолаевну Блудову как женщину «необыкновенной красоты, высокой нравственности» и очень умную. В отличие от добродетельной матери отец Блудова оставил по себе непривлекательную репутацию. В «Записках» Державин, хорошо знавший братьев Николая и Ивана Блудовых, более подробно описал дядю Д. Н. Блудова — Ивана Яковлевича (умер в 1791 г.). Этот бездетный дядя Иван оставил наследство Дмитрию Николаевичу. Сохранившиеся архивные материалы подтверждают, что «богатым дядей» был родной брат отца Блудова — капитан артиллерии Иван Яковлевич, скончавшийся в 1791 г. Документы помогают детализировать характер и структуру полученного Д. Н. Блудовым наследства.

В хранящемся в РГАЛИ фонде «Д. Н. и А. Д. Блудовых» есть «Выписка из межевой книги на земли И. Я. Блудова, перешедшие по наследству Д. Н. Блудову». Там сказано, что наследство, которое по воле бездетного дяди в 1801 г. переходило (после его смерти) племяннику, составляли: межи Оренбургской губернии Бугурусланского уезда, пустоши-дачи, пашенные земли, сенные покосы, лесные и прочие угодья.

По неточному свидетельству Ф. Ф. Вигеля, Блудов наследовал «довольно богатому дяде» почти в то же время, когда лишился «обожаемой матери». В этом «почти» — разница в несколько лет — от вступления в наследство Дмитрием Николаевичем в 1801 г. до смерти его матери в начале 1807 г.

Для получения наследства Блудов действительно ездил в село Никольское Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. С этой поездкой, а точнее с остановкой Блудова на ночлег в Арзамасе, в литературе, с подачи Вигеля, связывают появление у Дмитрия Николаевича идеи создания дружеского литературного общества «Арзамас», реализованной им почти десять лет спустя.

Державин неллицеприятно описывает отца и дядю Дмитрия Николаевича, особенно их холостяцкую жизнь. Державин рассказал, как братья покупали по поручению матери у дворян Таптыковых в 1767 г. «деревушку душ 30» на Вятке, «...и, как за чем-то совершение остановилось, то отправил (Державин — И. С.) в Петербург меньшого брата...просил... себе на два месяца отсрочку, которую и получил...И как стоял он (Державин — И. С.) тогда у двоюродного своего брата господина Блудова, который и его двоюродный брат господин подпоручик Максимов, живши в одном с ним доме, завели его сперва в маленькую, а потом и в большую карточную игру, так что он проигрывал данные ему от матери на покупку деревни деньги. Тогда забыл о сроке, хотел проигранные деньги возвратить; но как не мог, то, заняв у него, Блудова, купил деревню на свое имя и ему оную с присовокуплением материнского имения, хотя и не имел на то и права, заложил», — так описал ситуацию Державин.

Я. К. Грот считает, что в 1767 г. в Москве Державин жил у И. Я. Блудова, в собственном его доме за Арбатскими воротами на Поварской. И. Я. Блудов завлек Державина в карточную игру и стал причиной его знакомства с игроками. Позднее сам поэт характеризовал их как «прикрытых благопристойными поступками и одеждою разбойниками». Державин винил в своей карточной «болезни», которую называл «несчастьем», не столько Блудова, сколько его родственника (двоюродного брата) поручика Сергея Тимофеевича Максимова: «...пробыв несколько еще месяцев в Москве, вел жизнь не лучше, как и прежде, а поелику жил он в упомянутом доме Блудова с сказанным же его родственником Максимовым, то и случилось с ним несколько замечательных происшествий», в основном малоприятных для Державина.

Негативная оценка братьев Блудовых основывалась на возможности их сравнения с людьми положительными, которые оказали молодому Державину бескорыстную помощь. Поэт с признательностью вспоминал своего «покровителя» «полкового секретаря Неклюдова». Он извлек опыт из проявленной людьми справедливости в конфликтных ситуациях, когда незнакомый до той поры человек становился другом. Таковым стал Державину «господин землемер...приехавший из Саратова, поручик Петр Алексеевич Гасвицкий». Его детям Державин впоследствии помогал. Полученный Державиным в молодости нравственный опыт отвечал душевному складу поэта.

На склоне лет, в 1812 г. Державин подвел итог в своих «Записках». О своем духе он писал: «склонен был всегда к морали», «правдою своею часто наскучивал», «по доброму...сердцу помогал ближним, сколько, где можно». Все эти обстоятельства объясняют участие бездетного Державина в судьбе своего двоюродного племянника — Д. Н. Блудова.

Воспитательное воздействие Державина на Д. Н. Блудова было положительным. Поэт располагал к себе: «вообще это было доброе русское, приветливое лицо, с первого же взгляда внушавшее сочувствие и доверие». Говорил он скороговоркой, но, по словам И. И. Дмитриева, «отрывочно и не красно»; он несколько шепелявил, «зато речь его отличалась искренностью, простотою и живостью. Особенным жаром воспламенялась она, и глаза его загорались ярким блеском, когда он высказывал одну из любимых идей своих, или рассуждал о величии и славе России, или рассказывал о деле, в котором ему приходилось горячо отстаивать правду».

В течение жизни у Державина сложились определенные связи, появились возможности. В период военной службы и позднее Державину помогали П. В. Неклюдов, А. В. Толстой и А. П. Протасов. Протасов «был ему приятелем» и одновременно «дядькою у великого князя Александра Павловича». Приятелем Державина был историк и археолог, позднее директор императорской Публичной

библиотеки Алексей Николаевич Оленин. Позднее Д. Н. Блудов и С. С. Уваров посещали дом Оленина и стали членами его кружка. В дальнейшем позиция «третьей силы» в дискуссии шишковистов и карамзинистов, которую занял триумvirат И. А. Крылова, Н. И. Гнедича и А. Н. Оленина перестала устраивать Д. Н. Блудова и С. С. Уварова. Они нашли союзников в лице В. А. Жуковского и Д. В. Дашкова, переехавших из Москвы в Петербург.

Д. Н. Блудов не мог помнить отца, но мать формировала у сына положительный образ родителя. Она взяла на себя все заботы по воспитанию единственного сына и создала определенный тип семейной модели с присущими ему отношениями.

Овдовев, Катерина Ермолаевна должна была вести хозяйство. К сожалению, данные о земельной собственности Блудовых отрывочны. В духовном завещании, датированном мартом 1864 г., то есть составленном незадолго до смерти, Д. Н. Блудов писал: «Почти все мое недвижимое имение есть родовое». Согласно формулярному списку Д. Н. Блудова от 1812 г. в разных губерниях он имел 1350 душ мужского пола «людей и крестьян». Более подробно описана его земельная собственность в формулярном списке 1848 г. На вопрос, содержащийся в формуляре: «Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат за женою недвижимое имение?» — Блудов ответил следующим образом. «У родителей и у самого него: родовое. Доставшиеся по наследству Казанской губернии в Чистопольском и Спасском уезде 805 (душ мужского пола — *И. С.*), Смоленской губернии в Вяземском уезде 314, Симбирской губ, в Ставропольском уезде 55 и Вологодской губ в Кадниковском уезде 45, всего 1219 ревизорских душ мужского пола».

В качестве «благоприобретенных» имений Блудов указал имение в Вяземском уезде Смоленской губернии, имевшее 16 «ревизских душ мужского пола».

И, наконец, «у жены, буде женат: благоприобретенные: нет; родовое — Нижегородской губернии в Ардатовском и Балахнинском уездах 931, и Казанской губернии в Спасском уезде 19, всего 950 ревизорских душ мужского пола».

После получения наследства Д. Н. Блудовым, его женьтыбы на княжне А. А. Щербатовой в 1812 г., и кончины его тещи — княгини А. В. Щербатовой в том же году, чета Блудовых владела имениями в нескольких губерниях: Смоленской, Вологодской, Самарской и Казанской.

По данным на 1820 г., приводимым Д. Н. Шиловым, у Д. Н. Блудова было 200 душ в Танкееве Спасского уезда Казанской губернии; 30 душ в Севской округе Вологодской губернии; а также 300 душ в селе Никольском Оренбургской губернии; 100 душ в Вятской и Симбирской губернии и 250 душ в Смоленской губернии. В собственности Блудова всего числилось не менее 830 крепостных душ, что свидетельствовало о несомненном достатке.

Забегая чуть вперед, скажем, что в дальнейшем география земельной собственности Блудовых изменилась, и увеличилось число крепостных. По данным на 1847 г., у Блудова помимо Танкеева (319 душ) были имения, расположенные в Вологодской губернии, в частности, родовое имение (45 душ) в Кадниковском уезде. Более крупные имения у него были в Чистопольском уезде Казанской губернии (486 душ). Кроме того, 55 душ у Блудова было в Ставропольском уезде Самарской губернии и 314 душ в Вяземском уезде Смоленской губернии. Таким образом, Дмитрий Николаевич был крупным помещиком, имевшим 1321 душ. Сведения о земельной собственности Блудова позволяют судить о структуре его землевладений и их географии.

Для характеристики мировоззрения Блудова и его представлений о роли дворянства в судьбах России необходимо учитывать социальный статус Дмитрия Николаевича и его отношение к дворянству и православию.

Он позиционировал себя дворянином и православным. Так, «надворный советник Дмитрий Николаевич сын Блудов 27 лет» на вопрос: «Из какого звания

происходит?», — согласно формулярному списку 1812 г., отвечал: «Из дворян, сын прапорщика». В формулярном списке 1848 г. действительный тайный советник Д. Н. Блудов о себе указал: «вероисповедания православного».

Блудов был убежден, что «дворянство приобретает свое политическое существование только службой, без которой знатнейший по рождению несет постыдное название недоросля». По существу, это ядро представлений Блудова объясняет линию его жизни.

В «Записке принца Ольденбургского и Блудова Д. Н. о мерах борьбы с объединением и измельчением дворянских родов» говорилось: «Благородному сословию в первобытном значении его предоставлялось исключительное право владения землею и крепостными людьми, с пожизненным обязательством службою. Бедность сего сословия, возраставшая в соразмерности с умножением оною, доходит ныне до нищеты». Эти мысли завершают размышления Блудова о причинах разорения многих дворянских имений в 1820-е-1830-е гг. Основное зло он видел в образе жизни дворян.

Тем не менее, Блудов считал необходимым поддерживать дворянское землевладение и позднее. В 1832 г. у него появилась такая практическая возможность. В переписке с Д. Бегичевым Блудов обсуждал размеры помощи или «пособия дворянству»: «Губернии разделить на классы и выдать дворянам — 1 класс — 600 руб. на ревизскую душу, 2 класс — 500 руб. и 3 класс — 400 руб.».

«Никакая Монархия без дворянства существовать не может, что с разрушением дворянства колеблется самый престол», — для Блудова это являлось аксиомой с самой его юности.

Блудов вырос, повзрослел и стал самостоятельной фигурой в тесном кругу людей, избранных его матерью. Эмоциональная связь с матерью была долго действующим фактором. Уже после ее смерти (в начале 1807 г.) он чувствовал ее влияние в течение многих лет, а в отдельных случаях — и всей своей жизни.

Среди тех избранных, которым доверила своего сына Е. Е. Блудова, были: не только Г. Р. Державин, но также В. А. Озеров и графы Каменские. А. С. Пушкин называл род Каменских в ряду других родов: Мусиных, Бобрищевых, Мятлевых, Поводовых, Бутурлиных, Кологривовых, Шерешетдиновых и Товарковых, которые пошли от «Прусского Выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит Летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время Княжества Св. Александра Ярославина Невского», и от которого сам Пушкин вел свой род.

Державин, Озеров и Каменские были значимыми в истории России и судьбе Д. Н. Блудова людьми. Они были близки Е. Е. Блудовой. В дальнейшем данное обстоятельство сыграло важную роль в карьерном росте Д. Н. Блудова и его общественном положении, которое, впрочем, ему давали помимо протекции, связей и знакомств, его личные качества, способности и трудолюбие.

Блудов проявил себя в разных сферах — увлекался литературой и театром, дружил с видными представителями «золотого века» русской культуры. Он не преувеличивал значения собственной литературной деятельности, но и обойтись без нее не мог, как и без друзей — литераторов.

Большое значение в литературной судьбе Д. Н. Блудова сыграл его двоюродный брат, драматург и поэт Владислав Александрович Озеров (1769–1816), который был старше Блудова на шестнадцать лет. Немногочисленные сохранившиеся письма Озерова к Блудову свидетельствуют о несомненном доверии, которым Озеров пользовался у матушки Блудова. В одном из таких писем от 7 июня 1803 г., написанном из Москвы (замечим, что согласно тексту письма Блудов был недоволен отъездом Озерова из Петербурга), Озеров передает своему кузену пожелания служебных успехов, высказанных его матерью. Озерова и Блудова объединяла их страсть к театру.

У Блудова был счастливый характер. Так, Вигель по возвращении в 1807 г. после двухлетнего отсутствия в Петербург вспоминал: «...въехал я прямо к Блудову, уверен будучи, что он не поскучает ни хандрой моей, ни лихорадкой, и в том не ошибся». Его нрав (несмотря на смерть матери и получение богатого наследства от дяди) «не переставал быть живым и веселым, а сердце сострадательным». К «другим похвальным и любезным качествам» у Блудова появилась возможность проявлять гостеприимство и помощь, в том числе, в случае необходимости и медицинскую, посылая «за врачом своим, англичанином Безерлеем».

В воспоминаниях представителей отечественного дворянства, их размышлениях над собственным прошлым, ими традиционно ставился вопрос о том, насколько «семья, ее лицо и характер определяют судьбу своих сыновей и дочерей», а «семейные традиции и традиции рода, прошлое дедов и прадедов» оказывают влияние на судьбу потомков. Определить, «в какой степени это прошлое» оказало влияние на собственную жизнь изучаемой историком личности, — задача, которую исследователь решает в каждом *случае* индивидуально.

Социальной истории присуще стремление за социальными структурами видеть «исполненное внутреннего драматизма борение интенций живых людей». В отношении Блудова это стремление реализовалось в той настойчивости, которую он проявлял в решении основной проблемы своей личной жизни. Ему пришлось ждать согласия на брак с княжной Анной Андреевной Щербатовой почти одиннадцать лет. Препятствием стала твердая негативная позиция родителей, в первую очередь княгини Щербатовой, по отношению к Блудову — юному, небогатому, незнатному. В Дмитрие Николаевиче они видели «малочиновного дворянчика», выращенного матерью, чей отец имел сомнительную репутацию игрока и кутилы.

В обществе история сватовства Блудова получила известность. В числе «препятствий» к заключению брака, Вигель называл «гордость своей знатностью» родителей княжны, особенно ее матери. В характерной для него легкой и одновременно желчной манере изложения Вигель отметил факт самого знакомства семьи Щербатовых (князя Андрея Николаевича с супругой и дочерью) с Д. Н. Блудовым. В недоброжелательном перечислении поведенческих особенностей княжны Щербатовой Вигель, не являвшийся любителем женщин, справедливости ради, мимоходом отметил и те черты ее характера, которые в дальнейшем обеспечили долгий и счастливый брак Блудовым — «ангельскую кротость» княжны, ее верность и преданность Дмитрию Николаевичу.

Знакомство Блудова с княжной Щербатовой состоялось в сентябре 1801 г. во время коронации Александра Павловича в Москве. Щербатовы приехали в Москву и остановились в доме своих родственников — графов Каменских, «в соседстве и тесной дружбе» с которыми, особенно со статс-дамою, графиней Каменской, состояла Катерина Ермолаевна Блудова.

Мать Блудова жила в собственном доме. По описанию Ковалевского, он находился «в ружейной улице», «у Благовещения на бережках», около Смоленского рынка на Арбатской.

Дома Блудовых и Каменских находились рядом. Сады двух усадеб соединяла калитка, которая позволяла подругам, не нарушая этикета, видеться ежедневно. Эта калитка играла важную роль. Жена фельдмаршала не могла показаться пешком на улице. Поэтому другие дома она могла посещать, только совершая выезд.

Живописное описание будущей супруги Д. Н. Блудова составил Вигель: «Молодая княжна Анна Андреевна Щербатова примечательна была нежными чертами лица, и при дворе, где она находилась фрейлиной, многие находили в ней сходство с императрицей Елисаветой Алексеевной <...>. Присутствие петербургской девицы оживило однообразие графини Каменской <..>. Она пленила его, хотя никак о том не думала и несколькими годами была его старше. Эта страсть в следующем году привлекла его в Петербург. За нее должен благодарить он небо: она истребила в

нем все порочные побуждения, жар души его направила к добру и чести».

Вигель бросил упрек князьям Щербатовым в том, что они не учитывали родословной Блудова «длиною восемь столетий, наполненной именами бояр и воевод», «...но что это значит для России? Под словом *знатность* разумеется в ней совсем новая или, по крайней мере, подновленная знаменитость», — в этих словах проявилась еще и неизжитая глубокая юношеская обида самого Вигеля, приживальщика в домах вельмож Салтыковых и Голицыных. Болезненно-недоброжелательное отношение к знати Вигеля в 1920-е гг. было замечено С. Я. Штрайхом.

Обида, безусловно, повлияла на отношение Вигеля к вельможной знати. Но тот факт, что в глазах неродовитого Вигеля родословная Блудова выглядела представительно, в отличие от имевших совершенно иное мнение князей Щербатовых, свидетельствует о неоднородности окружавшего Блудова дворянства и непростых внутри сословных отношениях. Внутренние конфликты не всегда позволяли разглядеть общее между титулованной знатью и нетитулованными дворянами. Среди перечисленных Вигелем в неприязненном контексте черт княгини Щербатовой, следует обратить внимание на то, что она была женщина, «известная своею набожностью, строгими правилами». Именно это качество объединяло ее с женщинами, растившими и воспитывавшими Блудова.

Представляется, что в глазах Щербатовых, отнюдь не «смягчающими» были родственные связи матушки Блудова (урожденной Тишиной) с Г. Р. Державиным и драматургом В. А. Озеровым. Как Тишины и Державины, так и Блудовы принадлежали нетитулованным дворянским родам.

Г. Р. Державин был моложе А. Н. Щербатова на 15 лет и принадлежал другому поколению. Он по многим причинам не мог нравиться князю Андрею, хотя каждый по-своему реализовал себя при Екатерине II. Но у Державина было преимущество. Вместе с Преображенским полком Державин участвовал в перевороте, в результате которого была возведена на престол Екатерина II.

Отличие Державина от кн. Щербатова заключалось в том, что поэт вышел из социального слоя бедного служилого дворянства. В эпоху дворцовых переворотов, пугачевщины, временщиков он энергично выдвинулся в первые ряды дворянства, оттеснив родовитую титулованную знать и стал опорой екатерининского трона. Сын мелкого помещика Казанской губернии, Державин любил подчеркивать, что он происходит от татарского мурзы Багрима. «Я в день шепчу по одному. / Державин род с потопа влекся; /...Мой дед мурза...», — сообщал о себе уже «отставной поэт» в стихотворении «Привратнику» (1808). Одновременно поэт выражал гордость своим гербом.

Щербатов, в свою очередь, гордился происхождением Рюриковича. Оно было закреплено в «Гербовнике» и родословной. За ярко выраженным социальным тщеславием и амбициями князя Щербатова все же были социально-психологические основания. Он защищался психологически, презирая вышедшего из «низкой доли», но достигшего министерского кресла и «стула» сенатора Российской империи Державина, причем достигшего его в то время, когда сам кн. Щербатов был в отставке, и оказался не востребованным новым императором Александром I. При императоре Павле I и Державин, и Щербатов были удалены. Князь Щербатов был уволен со службы. Державин ушел в силу собственной правдивости и нетерпеливости, а также интриг придворных. Он не счел возможным быть «докладчиком», т. е. делать доклады императору.

Князю Щербатову не могла импонировать хорошо известная еще с екатерининских времен служебная деятельность и поэзия Державина, направленная против родовитой знати.

Социальную природу неприятия Державина старшим поколением титулованной семьи Щербатовых отражает содержание державинской поэзии. В 1794 г. при дворе наделала шума ода Державина «Вельможа». Едва ли о ней не слышал князь

Щербатов. И хотя непосредственно ода была обращена к П. А. Румянцеву, многие вельможи приняли «сатирическое изображение придворных Екатерины II» на свой счет.

«Ни знатный род, ни сан» не могли в глазах Державина состязаться с «доблестью», которой только и можно снискать «себе почтенье от граждан». «Я князь — коль мой сияет дух; / Владелец — коль страстными владею; / Болярин — коль за всех болею, / Царю, закону, церкви друг».

Для достижения желанной жизненной цели — женитьбы на избраннице сердца — княжне Щербатовой Блудову потребовалось содействие графа Каменского в его продвижении по службе.

Вигель рассказал, что после смерти матери Блудова, все ее обязанности по отношению к Дмитрию Николаевичу приняла на себя ее подруга, родственница Щербатовых графиня Каменская, которая сразу приступила к улаживанию дела о браке своего подопечного и княжны Щербатовой. Взялись за дело с повышения статуса Дмитрия Николаевича. «Для доставления скорейшего повышения будущему родственнику Каменский назначил его правителем своей заграничной канцелярии, что было очень важно для надворного советника, которому не было двадцати пяти лет от роду», — записал в воспоминаниях Вигель.

Свадьба Блудова на фрейлине княжне Анне Андреевне Щербатовой состоялась 28 апреля 1812 г., два года спустя после смерти князя А. Н. Щербатова и незадолго до кончины от рака его вдовы — княгини А. В. Щербатовой. Шаферами жениха были поэт Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) и Александр Иванович Тургенев (1784–1845). Посажеными отцом и матерью стали граф А. Н. Салтыков и его супруга.

Скромное бракосочетание прошло в домовая церкви протоиерея Андрея Афанасьевича Самборского (1733–1815), духовника Александра I. По словам Е. П. Ковалевского, Самборский очень любил Блудова, и сам его венчал. В свое время установлению доверительных отношений между Блудовым и Самборским поспособствовал Алексей Федорович Малиновский (1762–1840). Он был родственником Самборского и сослуживцем Блудова по Московскому архиву Коллегии иностранных дел. Позднее А. Ф. Малиновский стал главным управляющим архива.

Семьи, составлявшие дворянскую элиту Российской империи, были сильны крепостью родственных и дружеских связей. Бракосочетание укрепило родственные связи Блудова с титулованным дворянством и его контакты при дворе.

Другое важное для Блудова московское знакомство состоялось также благодаря сотрудникам архива коллегии иностранных дел А. И. Тургенева и Д. В. Дашкова. Они познакомили Блудова с поэтом В. А. Жуковским. Вскоре между ними сложились дружеские отношения и совместное участие в литературном процессе, которое прерывала только дипломатическая служба Блудова за рубежом.

Вскоре после женитьбы Блудова назначили поверенным в делах русского посольства в Швеции, и в сентябре 1812 г. он уехал в Стокгольм. Осенью 1812 г. умирает княгиня А. В. Щербатова. В 1813 г. в Стокгольме у Блудова родилась его старшая дочь, названная в честь тещи — «гордой княгини» — Антониной. Ей предстояло стать известной мемуаристкой и писательницей, выразительницей панславистских настроений. Спустя еще два года родилась вторая дочь Блудова — Лидия. В 1817 г. на свет появился сын Андрей. Он продолжил отцовские принципы служения России на дипломатическом поприще. Младший сын Вадим (родился в 1819 г.) позднее служил при Азиатском департаменте МИДа.

Известной долей истины обладает утверждение С. Я. Штрайха о том, что к 1820-м гг. Блудов выдвинулся, «благодаря своим связям в аристократических придворных кругах». К сожалению, Штрайх оставил вне поля зрения личностно-характерологический фактор и его содержательную характеристику, и не учел, что

Блудов мог принять покровительство только со стороны близких ему людей. «Совершенная разность в характере и воспитании» становилась для него непреодолимым препятствием в общении. Но в этом отношении судьба благоволила Блудову. Покровители Дмитрия Николаевич любили и оберегали его, симпатизировали ему. Они благоприятно влияли не только на служебный рост Блудова, но и его профессиональное развитие.

§ 2. Блудовская концепция создания системы национального образования в России

Детство и отрочество Блудова пришлось на время, когда Россия переживала последствия Великой французской революции. Одним из них был приток эмигрантов, сочувственное внимание к ним русского дворянства, мода на французских гувернанток и гувернеров и обучение французскому языку. В жизнь входило поколение, выращенное при непосредственном участии французов.

О внимании к французскому языку русских женщин язвительно заметил Вигель: «Высшее общество, более чем когда, в это время было управляемо женщинами: в их руках были законодательство и расправа его. Французский язык в их глазах был один способен выражать благородные чувства, высокие мысли и все тонкости ума, и он же был их исключительная собственность. И жены чиновников, жительницы предместий Петербурга, и молодые дворянки в Москве и в провинциях думают смешным образом пользоваться одинаковыми с ними правами. Какие дуры! Спасибо Крылову, и они одобряли его усилия и улыбались им. Что может быть общего у французского языка, сделавшегося их отечественным, с тем, что происходит во Франции? И она, грозившая овладеть полвселенною, в их глазах находилась в переходном состоянии. Таково было упорное мнение эмигранток, их воспитавших, которое они с ними усердно разделяли. И, к счастью, они не ошиблись».

Под руководством приглашенных матерью Блудова профессоров Московского университета он получил хорошее для своего времени домашнее образование. Помимо французского языка и отчасти древних языков Блудов знал немецкий и итальянский языки. Английскому языку он учился самостоятельно, уже, будучи советником русского посольства в Лондоне. Но больше всего юный Блудов увлекался французской литературой. «Никто из тогдашних молодых людей, не исключая даже Уварова, так основательно не знал этой (французской, — И. С.) литературы, так хорошо не мог судить о ней», — считал один из учредителей «Арзамаса» Вигель. Блудов одинаково свободно говорил и думал по-русски и по-французски, был двуязычным, как бы сказали сегодня, «билингвом».

Рубежом, заставившим Блудова обратить внимание на проблемы русского дворянства, стал 1812 год и десятилетний опыт работы за рубежом (1812–1822). Разносторонне образованный, с молодости впитавший западноевропейские влияния идей Просвещения, пройдя дипломатическую школу в Западной Европе, он имел возможность приглядеться к состоянию европейской нравственности.

В этом отношении Блудов повторил путь близкого ему по духу и мироощущению Н. М. Карамзина. Он пришел к убеждению, что национальное образование должно основываться на «исконно русских началах»: «Одаренные молодые люди, воспитанные за рубежом, возвращаются в Россию с ложными о ней представлениями. Они чужие для своего отечества». Образование, полученное вне русского общества, Блудов считал для России невыгодным, потому что «большинство таких людей не способны заниматься полезной деятельностью». Они не понимают и не принимают русские нравы, мнения. После многолетней дипломатической работы в Западной Европе Блудов убедился в ее враждебности по отношению к России.

По мнению Блудова, пример Западной Европы назидателен для России тем, что он уже продемонстрировал опасную закономерность: если в обществе идет процесс нравственного разложения, «тогда ничто не удержит государство от гибели».

Победа в Отечественной войне 1812 г. истолковывалась современниками Блудова «как торжество православной России над безбожной Европой». Внимание уделялось, с одной стороны, теме духовного и морального разложения «просвещенных» европейцев, а с другой — необходимости укрепления основы общества — русской семьи. Современные исследователи усматривают в этой идее основание для создания условий «христианизации народного образования».

Блудов изложил на бумаге свои взгляды об образовании в конце 1820-х — начале 1830-х гг., в связи со служебными обязанностями товарища министра просвещения. В их основе лежали его личный жизненный опыт и размышления, приобретенные им в более ранний период.

Система образования в России, над реформацией которой размышлял Блудов, должна, по его мнению, состоять из двух уровней институциональных учреждений: для элиты и народа. Понятие элиты им мыслилось шире, чем сословно-дворянское. Помимо представителей дворянского сословия он включал в нее верхушку духовенства и знатного купечества.

Блудов поставил вопрос о формировании единой национальной интеллектуальной элиты, рекрутируемой из высшего слоя трех сословий империи. По мысли Блудова, русская элита должна воспитываться «в отечественных публичных заведениях, или в домах своих, под надзором родителей и опекунов, но всегда в России». Размышляя о воспитании и образовании российской элиты, он подошел к вопросу с позиции гендерного анализа, разделяя и отдельно рассматривая мужское и женское воспитание.

Блудов придавал вопросу о народном образовании важное значение, считая его самым значимым для России, государственным делом. По свидетельству его дочери Антонины Дмитриевны Блудовой (1813–1891), отец неоднократно обсуждал проблемы народного образования на заседаниях Государственного совета. Его волновал вопрос: «Кому должно быть вверено первоначальное обучение народа?». С него Блудов начинает «Записку о первоначальном обучении народа». Для самого автора ответ был очевиден: по праву оно может быть вверено духовенству. Рассуждая об эффективности народного образования, Блудов обращал внимание на психологические факторы. Он писал, что у народа существовало «особенное воззрение на грамотность. Грамота для народа есть дело, в некоторой степени священное: она есть дверь, отверзаемая к уразумению божественного писания. Книжная мудрость».

Блудов тонко отметил, что крестьяне и купцы охотнее отдают детей на обучение к священнику, которое находится намного ближе, а не в казенное училище. В любых селах и городах в доме священника можно найти маленькие школы грамотности. Каждый крестьянин был готов платить пять рублей в год за обучение своего сына у священника или дьякона. Немного дешевле стоило обучение у дьячка. Когда совсем не было средств, то обращались к «отставному солдату или своему брату крестьянину». Данное свидетельство Блудова тем интереснее, что он, являясь крупным помещиком, владельцем имений в нескольких губерниях (Смоленской, Вологодской, Самарской, Казанской) знал психологию крестьян не понаслышке.

Блудов поставил вопрос перед Государственным советом о мерах, которые необходимо предпринять, чтобы к сельскому учителю в казенном заведении пошел учиться простой народ. Для этого предстояло подготовить самого учителя, отвечающего необходимым требованиям. Предстояло пройти «основательную подготовку», получить знания, которыми он потом будет делиться с воспитанниками. Масштабная постановка Блудовым государственной задачи о развитии народного образования в условиях крепостничества требовала нахождения социальных источников для образования учителей. У Блудова речь шла о тех же крепостных крестьянах, из которых набирались учителя. Но понимание им узости социальной базы и специфики менталитета крепостных крестьян привела Блудова к мысли о необходимости одновременного следования «путем принуждения и соблазна».

Привлекательность звания сельского учителя виделась Блудову в том, что это своеобразная «дверь для выхода из податного состояния», избавление от рекрутства и телесных наказаний. Вместе с тем, он предлагал оговорить условия «освобождения», ограничив его определенными условиями. Крестьянин должен проработать в звании учителя несколько лет, и только после этого его могли наградить «чином или званием почетного гражданина». Таким образом, запускался в действие социальный «лифт» по преодолению сословных рамок. Но

здесь же, по мнению Блудова, подстерегали сложности в реализации намеченного пути реформирования народного образования. Он понимал, что народ любить учителя не будет, так как «выходцы из низшей среды всегда испытывают недоброжелательство своей прежней братии». Крестьянин-учитель тянется к своим, которые его уже не принимают. «Действительное положение учителя никогда не будет соответствовать его мечтаниям».

Блудов подметил психологические особенности отношения народа к *учению* и учителю: «Народ сам признает духовенство законным своим учителем», тогда как казенное учение воспринимается народом больше как житейское.

Блудов не считал, что помещик в состоянии сыграть роль народного учителя в требуемом для страны масштабе. Он отмечал, что иногда помещики выступают в роли учителей. Обычно речь шла о занятиях помещиков лишь «с несколькими крестьянскими ребятишками». Мотивация деятельности — «от скуки» — не позволяла строить на них государственный расчет.

Перечисляя социальные типы учителей, помимо помещиков Блудов выделил сельских писарей (подьячих) и выгнанных приказных и отставных солдат. Последних он характеризовал крайне негативно, поскольку видел в них соединение пороков «лихоимца-чиновника с пороками развратного крестьянина».

Будучи человеком государственным, Блудов подчеркивал, что народ един, и тот, «кто владеет образованием — владеет народной мыслью». В этом русле консервативная реформаторская мысль искала возможности укрепления российской государственности. Основные опасения вызвала угроза падения нравственности и необратимость печальных последствий. Блудов предупреждал, что, если в народе происходит «нравственное разложение, тогда ничто не удержит государство от гибели».

Таким образом, «антитеза: европейское Просвещение — русское Православие», остро обозначившаяся после победы над Наполеоном, привела Блудова к убеждению, что образование должно основываться на «исконно русских началах», а российское духовенство «есть сила наиболее хранительная в государстве». Основной целью образования Блудов считал необходимость помочь народу глубже и сознательнее утвердиться в церковном учении. Данный аргумент он считал принципиальным в суждении о том, что обучение народа должно быть вверено духовенству и никому другому. Речь шла о роли духовенства в воспитании светского детства и юношества.

Но если право обучать народ, по мнению Блудова, можно предоставить каждому желающему, то духовенству необходимо «поставить это в неприменную обязанность» и дать ему средства для обучения народа. Священники должны получать материальную помощь или жалование за «учительство» и поддержку светского общества. И тогда народ ни к кому, кроме священнослужителей не пойдет.

Важную составляющую системы отечественного образования Блудов видел в женском воспитании и образовании. Именно здесь в деле народного образования открывались неиспользованные русским обществом резервы. Выход из современного положения ему представлялся в открытии женских школ для воспитания дочерей священно церковнослужителей.

Получение народного женского образования Блудов ограничивал церковными школами, в которых преподают жены и дочери священнослужителей. «Священники также могут содержать у себя воспитанниц за определенное вознаграждение, а наставники их обучать», — писал он.

Блудов полагал, что священники должны объединиться между собой и открыть школы «в зависимости от средств и расстояния живущих в благочинии семейств духовного звания». Для преподавания в женских школах требовались хорошие наставники, работающие «из христианской любви», «с необходимым только для

жизни вознаграждением», которых можно приглашать из других городов, но только духовного звания.

Контролировать преподавание в этих школах должны «местные благочинные», то есть жены и родственницы русских чиновников, которые также были «обязаны содействовать к приобретению средств для поддержания школ».

Блудов отмечал, что такие школы в Российской империи уже существовали, но их было недостаточно. Действовавшие школы требовали «удаления детей из родительского дома», что далеко не всех устраивало. Сам Блудов был противником «вырывания» ребенка из семьи. Поэтому он поставил вопрос о необходимости строительства небольших учебных заведений, расположенных недалеко от родительского дома.

Давая оценку правительственным усилиям в сфере образования, Блудов писал, что правительство хорошо обеспечивает учебные заведения в России. Однако объективная потребность в получении образования за границей существовала, и Блудов полагал необходимым ее удовлетворять, но на определенных условиях. Он предлагал следующую последовательность реализации намерений. Так, для углубления знаний по какой-либо специальности, можно посещать другие университеты, но только после «окончания того истинного воспитания, в коем с самого младенчества, и не одними наставлениями, но через все внешние впечатления, развивающие понятия, образуется характер и решается вся будущая судьба». Первичное, базовое «воспитание должно быть непременно отечественное».

В этом Блудов был убежден. Он считал, что дети и юноши мужского пола в возрасте от десяти до восемнадцати лет, принадлежащие к дворянскому сословию, духовенству и знатному купечеству, должны воспитываться «в отечественных публичных заведениях, или в домах своих, под надзором родителей и опекунов, но всегда в России».

В дальнейшем его взгляды получили развитие в связи с ужесточением позиции правительства в январе-феврале 1831 г. в отношении возможностей получения заграничного воспитания и образования русским юношеством. Это нашло свое выражение в «Записке» Блудова, на основании которой был составлен соответствующий правительственный указ.

В правительственных документах высказывалось предостережение для тех, кто не будет соблюдать эти правила. Тот «подвергнется невыгодному замечанию правительства, а дети их или питомцы, воспитанные за границей лишаются права вступать в какую-либо воинскую или гражданскую службу». Оправдательным обстоятельством могла быть только болезнь либо молодого человека, обучающегося за границей, либо его родителей (опекунов).

Таким образом, представители реформационного консервативного направления отечественной бюрократии, и в их числе Блудов, размышляли о формировании системы народного образования, а также воспитания и образования национальной элиты, имея в виду своей целью — укрепление фундамента российской государственности.

Понимая, что речь идет о будущем России, Блудов уделял особое внимание проблемам образования и воспитания молодого поколения. И это происходило задолго до постановки вопроса о народном образовании Т. И. Филипповым (1826–1899) или оформления идей о церковно-приходских школах К. Н. Победоносцевым (1827–1907) в пореформенной России.

У Блудова сложилась реформационная концепция формирования национальной системы образования в России. Она намечала пути совершенствования в сфере народного образования и не противоречила «теории официальной народности», которую примут в будущем. Образование для Блудова являлось основанием в решении коренных проблем, которые стояли перед страной, в том числе и на

международной арене.

Семья — одна из главных микроструктур, определяющих статус человека, его поведение и личные отношения, сформировала сущностные параметры личности Дмитрия Николаевича Блудова, систему его ценностей и выбор им жизненного пути.

Источником «формирования человеческих отношений к миру», который предшествует «вращиванию человеческого отношения к человеку, в чем, видимо, и заключается подлинная духовность, подлинная событийность жизни и истоки сознания» для Блудова стала его мать — Катерина Ермолаевна Блудова (урожденная Тишина). Она не только определила направление воспитания личности и характера сына, но создала ему условия для получения достойного образования.

Несмотря на то, что немаловажное значение придавалось знанию французского языка, кругозор Блудова им не ограничивался, чему способствовало его взросление и формирование в кругу выдающихся, талантливых людей, олицетворявших государственную, военную и литературную элиту России екатерининского, павловского и александровского времени.

Благоприятные условия развития и индивидуальность самого Блудова помогли ему определиться. Впитав характерное для рубежа XVIII-XIX вв. сочетание отечественной и западноевропейской культур, он отдал душевное предпочтение литературе и стал знатоком русской и французской литературы.

Текущая дипломатическая практика скорректировала круг его общения, сформировала вокруг него интеллектуальную среду сверстников — так называемых «архивных юношей», которые талантливо проявили себя в истории русской литературы и дипломатии.

Самое непосредственное влияние на эволюцию отношения Блудова к представителям старших поколений, в том числе и родственникам, оказывал характер дружеского и профессионального общения. Социальное воспитание, среда и выработанное в семье понимание долга, осознание необходимости повышения статуса предопределили приоритетность государственной службы для Блудова. Они же создали благоприятные предпосылки для карьерного роста одаренного, широко и государственно мыслящего чиновника.

§ 1. Дипломатическая служба Д. И. Блудова в период реформирования кадровой подготовки русских дипломатов

Дмитрий Николаевич Блудов начал службу в Коллегии иностранных дел в последний год жизни императора Павла I (1754–1801). Сотрудников принимали туда по личной рекомендации, протекции или родственным связям. Покровительство могло включать все виды или отдельные элементы.

Блудову помогли близкое знакомство его матери с графами Каменскими и ее родственные связи «с Наумовым, другом Бантыш-Каменского». Археограф Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814) был в 1800 г. утвержден в должности управляющего московским архивом Коллегии иностранных дел. Он подготовил к печати и издал многие международные договоры и древнерусские памятники.

В 1800 г. Дмитрий Николаевич был «определен по знанию иностранных языков» в Коллегию иностранных дел в Московский архив юнкером, а 1 января 1801 г. «произведен переводчиком».

Таким образом, Блудов поступает на дипломатическую службу при кабинет-министре Ф. В. Ростопчине, который возглавлял Коллегию иностранных дел с 1798 г. по 1800 г. В московском архиве Блудов познакомился с будущими «арзамасцами» — дипломатами: Д. В. Дашковым, А. И. Тургеневым, кн. Г. И. Гагариным. Он особенно сблизился с Дашковым и Тургеневым.

Становление Блудова-дипломата продолжилось в правление императора Александра I. Его дипломатическая карьера разворачивалась в годы решающих внешнеполитических решений александровского царствования (1801–1822). По поручению Александра I Блудов участвовал в подготовке важных международных документов, работу над которой курировал лично император. Профессиональное закалывание Дмитрия Николаевича осуществлялось в международных условиях традиционного предубеждения Европы против России, которую не оставляла мысль «о русской опасности» и наполеоновских войн.

Руководство внешней политикой России и определение направленности внешнеполитического курса государства являлось прерогативой императора. Блестяще образованный, тонкий интеллект Александр I был талантливым и признанным дипломатом. После 1814 г. в лице императора Александра I современники видели победителя, низвергнувшего «гениального полководца и талантливого государственного деятеля

Наполеона». Русский император стоял во главе анти-французской европейской коалиции. Ему требовались квалифицированные советники и помощники.

Блудов подчинялся главе внешнеполитического ведомства, действовавшего в соответствии с волей императора. За годы его дипломатической службы с 1801 г. по 1822 г. во внешнеполитическом ведомстве Российской империи сменились семь руководителей:

Н. П. Панин (1801), А. Р. Воронцов (1802–1804), В. П. Кочубей (1801–1802), Адам Чарторыйский (1804–1806), А. Я. Будберг (1806–1808), Н. П. Румянцев (1808–1814) и И. А. Каподистрия, назначенный управляющим МИДом 9 (21) августа 1816 г.

Н. П. Румянцев, став министром иностранных дел и канцлером в 1811 г., «усердствуя пользам <...> иностранного департамента и желая споспешествовать образованию чиновников, посвящающих себя сему служению, равно как и распространению общепользующих сведений», представил Александру I проект издания на свои личные средства документов российской истории и прежде всего истории дипломатии. Была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров во главе с Н. Н. Бантыш-Каменским.

Из всех министров, под началом которых служил Блудов, наибольшее влияние на него оказал И. А. Каподистрия. Н. М. Карамзин характеризовал Каподистрию,

грека на русской службе, как человека, каких мало уже осталось: «Европа погребла греков. Дай Бог воскресения мертвых».

Еще 11 сентября 1815 г. Александр I подписал указ о назначении И. А. Каподистрии статс-секретарем по иностранным делам. Ему были поручены заключительные мирные переговоры с Францией. От имени России Каподистрия подписал Парижский мирный договор от 20 ноября 1815 г. В январе 1816 г. в силу расположения к нему и доверия императора он стал одним из влиятельнейших министров русского правительства — министром иностранных дел. Служивший в 1818 г. в канцелярии К. В. Нессельроде М. А. Дмитриев позднее охарактеризовал в письме к М. П. Погодину степень влияния Каподистрии и своего непосредственного начальника: «Я помню, что еще во времена александровских конгрессов гр. Нессельроде считался неспособным и что он шагу не ступал без дядьки — Кападострио».

Александр I советовался с Каподистрией по вопросам тактики дипломатических переговоров во время Венского конгресса. Блудову импонировали взгляды Каподистрии. Отметим, что отставка Каподистрии и уход из дипломатии Блудова состоялись одновременно, в 1822 г.

На состояние отечественной дипломатии оказывали влияние личные качества императора, они не могли не отражаться на результатах проводимой Россией внешней политики. Не случайно исследователи придавали этому вопросу большое значение.

Негативно относившиеся к Александру I историки Н. К. Шильдер и великий князь Николай Михайлович писали о тщеславии императора и его желании оттенить собственное величие. Они подчеркивали данную черту как коренную, проявившуюся у него еще в детстве. Но они же признавали в Александре I качества, которые являются сильной стороной дипломата. Так, Шильдер писал об «...упорстве во мнениях своих»: «<...> он (Александр I — И. С.) во всем <...> уверит и переуверит человека, когда захочет».

Заметим, что даже недоброжелательный по отношению к Александру I великий князь Николай Михайлович не мог не отметить в Александре важное для правителя качество — способность умело обращаться с людьми. Данный навык прививался Александру I с детства. Ему придавала важное воспитательное значение Екатерина II: «Изучайте людей <...>, старайтесь пользоваться ими, не вверяйтесь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство <...> поступайте так, чтобы <...> все вас уважали».

Александр I прекрасно понимал, что дипломатия является занятием разносторонним, и ее результаты определяются не только внешними обстоятельствами, но и внутренними, в том числе и личными факторами. Качества и профессионализм личности нередко становились решающими. В сфере международных переговоров император чувствовал себя уверенно, он был в своей стихии, любил лично, без посредников вести переговоры.

Великий князь Николай Михайлович ставил в вину императору отдававшееся им предпочтение «нейтральным сотрудникам». Называя «нейтральных» сотрудников Александра I, великий князь Николай Михайлович говорил только об «открытых врагах», имея в виду А. Чарторыйского, «бездарностях» и «бесцветных, устарелых остзейцах». По мнению великого князя, император пренебрегал талантливыми людьми и пользовался одними «посредственностями, слепыми орудиями его предначертаний».

Нельзя не заметить, что привлечение Александром I И. А. Каподистрии нарушает логику рассуждений великого князя Николая Михайловича.

Однако сам термин «нейтральные сотрудники» представляется нам удачным, поскольку он, независимо от вложенного в него содержания великим князем, отражал задачи, которые предстояло решать министерству иностранных дел на

пути повышения профессионализации его кадрового состава. Историк игнорировал принципы кадровой политики Александра I, называя в качестве единственной мотивации императора при назначении на должность конкретного лица — зависимость от нужд «данного момента, под непроницаемой завесой мистической гуманности к слабостям человеческих страстей и необходимостью жертвовать лучшими силами для выгоды обстановки».

Александр I остро ощущал государственную необходимость в мобилизации личностных ресурсов. И такие ресурсы были. За период, прошедший со времени утверждения его бабкой Екатериной II (1785) «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», в российском государстве были созданы условия для активизации интеллектуально развитого личностного ресурса дворянского сословия. У русского дворянства появились новые возможности для реализации индивидуальных интересов, способностей и талантов в разных сферах. У дворян для этого появилось личное время. Возникли новые альтернативы, в частности, литературой.

Государственная политика Екатерины II в отношении дворянства дала положительные результаты. Образованные и талантливые русские дворяне внесли заметный вклад в золотой фонд русской литературы и ее достойное представительство за рубежом. Литературная образованность обогатила отечественную дипломатию.

Важной государственной мерой, которая способствовала привлечению сил к решению задач внешней политики и отечественной дипломатии, было создание Александром I в рамках реформы министерства иностранных дел.

Как известно, реформа центрального управления российским государством заключалась в замене устаревшей коллегиальной системы, сложившейся при Петре I, министерской, основанной на единоначалии. В 1802 г. на смену Коллегии иностранных дел, которой управлял В. П. Кочубей, пришло Министерство иностранных дел во главе с А. Р. Воронцовым.

Издавая 8 (20) сентября 1802 г. Манифест об учреждении министерств, Александр I надеялся, что министерства будут «споспешествовать к утверждению народного спокойствия, сего истинного и ненарушимого оплота царей и царств; к сохранению и возвышению общего всех благосостояния и к возданию каждому должного от лица правосудия; к оживлению трудолюбия промышленности и торговли; к распространению наук и художеств, столь необходимых для благоденствия народов: словом, к приведению всех частей государственного управления в прочное и намерению нашему соответственное устройство».

Каждому министру предписывалось создать канцелярию и «иметь товарища». Министры должны были поддерживать непрерывную связь со всеми подведомственными «местами», каждое из которых обязывалось посылать министру еженедельные мемории обо всех текущих делах, а о делах «затруднительных» — особые представления. Министр после рассмотрения меморий и представлений должен был давать свои предложения. В затруднительных случаях министр был обязан «входить с докладом» к императору. В конце года министры должны были предоставлять императору письменный отчет о деятельности своего министерства, исключив из него сверхсекретные дела.

Во исполнение Манифеста Воронцов сформировал из чиновников Коллегии иностранных дел Временную канцелярию министра иностранных дел во главе с правителем канцелярии. После ухода в 1804 г. Воронцова (по болезни) управление МИДом было поручено товарищу министра иностранных дел князю А. Чарторыйскому.

О своей дипломатической деятельности Чарторыйский вспоминал: «с момента учреждения Министерства я стал принимать участие во всех совещаниях графа Воронцова с иностранными представителями, и граф поручал мне составление протоколов, представляемых им на высочайшее усмотрение. Работу эту я исполнял

с большой тщательностью, и он оставался ею очень доволен <...> кроме того, заседания, на которых я присутствовал, знакомили меня с отношениями России к иностранным державам». Однако в июне 1806 г. он был уволен в отставку, поскольку не одобрял сближения России с Пруссией и привлечение ее в четвертую антинаполеоновскую коалицию.

В июне 1806 г. министром иностранных дел был назначен генерал от инфантерии, барон А. Я. Будберг, приближенный Александра I и сторонник продолжения войны с Францией. Будберг пробыл на этом посту около года. 30 августа /11 сентября 1807 г. Александр I подписал указ о его увольнении от должности по случаю болезни.

Позитивные изменения в системе государственного управления и в области социальных отношений не могли осуществляться без подъема общекультурного уровня, в первую очередь дворян, а также формирования слоя квалифицированной управленческой элиты. Императору Александру I представлялось, что «благодаря просвещению среди чиновников» государственный аппарат станет более совершенным. Ему приходилось одновременно решать две задачи: преобразования системы государственных учреждений и подбора кадров для выполнения наиболее ответственных поручений.

Александр I проводил преобразования в сложной обстановке. Принципы государственной политики в сфере образования находились еще только в стадии становления. Практика использования дипломатических кадров была крайне неэффективной. В дневниковых записях С. П. Жихарев отмечал, что в 1807 г. он устал «бить баклуши», имея «добрую волю» служить и «кой-какие способности».

Жихарев заметил, что мелкие чиновники, к числу которых он относил себя, разделяются на два разряда. Тех, которые подобно ему, «ежедневно ходят к должности» и подобно ему... «решительно ничего не делают», и других, которые почти никогда не бывают на службе, «а между тем имеют постоянные занятия». «Желал бы я знать: какая причина такому неравенству в распределении работы? Ну, пусть бы не занимали тех, которые не хотят и не умеют ничего делать...», — так рассуждал 18-ти летний Жихарев, вынужденный проводить время в театре и у знакомых, прежде всего у Г. Р. Державина, поддерживавшего молодежь, а также на литературных вечерах, известных как литературное общество «Беседа любителей русского слова».

В то время пересечений на дипломатическом поприще Жихарева и Блудова, судя по подробным записям жихаревского дневника, не было. Их дружеский контакт относится к более позднему времени и связан с литературным обществом «Арзамас».

В предвоенных условиях правительство принимает ряд решений по кадровому вопросу. Перед министерством иностранных дел ставится задача серьезной подготовки профессиональных переводчиков, которая была тогда невысокой. Проект постановления «Об учреждении при Государственной Коллегии Иностранных дел переводческого отделения...» в 1806 г. подготовил министр иностранных дел А. Я. Будберг. С этого времени министерство создает подразделения, содействовавшие профессионализации дипломатического корпуса. Так, 16 (28) июля 1806 г. при Государственной Коллегии учреждается Переводческое отделение, состоявшее из двух частей: европейской и азиатской. При Переводческом отделении создается Коллежская библиотека, причем в роли библиотекаря выступал переводчик. В целях подготовки квалифицированных кадров для работы в европейских странах: Швеции, Франции, Италии, Саксонии, Англии, Голландии, Испании и Португалии — в 1807 г. в отделение были направлены 8 студентов для изучения «тамошних природных языков». При российской миссии в Константинополе восстановили училище на 10 мест для обучения студентов турецкому, арабскому, греческому, итальянскому и французскому языкам. Китайскому и маньчжурскому языкам обучались четыре студента при Российской духовной миссии в Пекине; калмыцкий язык преподавали в школе, рассчитанной на 6 мест, при Главном приставе при улусах. В Казанском

университете было введено преподавание восточных языков. На смену отдельному случаю пришла система.

В Коллегии иностранных дел и до реформы служили знающие и способные люди. В их числе были и те, кого хорошо знал Блудов. Так, с 1798 г. до ноября 1801 г. переводчиком коллегии иностранных дел служил Петр Иванович Полетика (1778–1849), позднее приглашенный Блудовым в литературное общество «Арзамас».

Решение кадровой проблемы — формирования корпуса профессионально обученных чиновников — требовало от власти системных мер по совершенствованию образования. Именно в области народного просвещения правительство Александра I добилось наибольших успехов. Университетская реформа оказалась наиболее продуманной и наиболее последовательной из всех государственных преобразований первого десятилетия XIX в. 6 августа 1809 г. Александр I издал Сенату указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». Вдохновителем и автором указа был М. М. Сперанский. Введение указа мотивировалось государственной потребностью поднятия образовательного уровня чиновничества для достижения чинов «заслугами и отличными познаниями», а не «по одним пребыванием и счислением лет службы».

С этого времени производство в чин коллежского асессора (VIII класса) разрешалось только лицам, имеющим высшее образование, или выдержавшим экзамен по установленной программе (помимо соответствующей выслуги лет).

Отношение к этому указу в обществе было разным, в том числе и среди знакомых Блудова: скептическим у Н. М. Карамзина, враждебно-негативным у Ф. Ф. Вигеля и позитивным у М. А. Дмитриева.

М. А. Дмитриев писал: «Но в начале его (Александра — И. С.) царствования. До этого указа, как и чему учили? — Во-первых, по-французски; потом (предмет необходимый) мифологии; наконец un peu d'histoire et de geographie — все на французском же языке. Под историей разумелась только древняя; а о средней и новейшей и помину не было. — Русской грамматике и закону божию совсем не учили, потому что для этих двух предметов не было учителей. Домашние учителя грамматике не знали; а сельские священники, происходя постепенно из дьячков, знали только практику церковной службы, по навыку, а катехизиса и сами не знали. — Так учили и меня, пока я не вступил в университетский благородный пансион. Можно себе представить, как трудно было привыкать к основательному учению и к множеству предметов, о которых и не слыхивал! — Благодетельный указ... все переделал; но и ему покорились немногие».

Однако указ 1809 г. не стал достаточным стимулом для повышения образовательного уровня чиновничества. В скором времени возникла служебная необходимость делать исключения из установленных правил в виду кадровых трудностей при замещении должностей. Возникла необходимость пересмотра указа от 6 августа 1809 г. и нахождения более эффективных средств повышения образовательного уровня чиновничества.

По указанию Александра I 10 апреля 1812 г. был образован особый комитет. На него возлагалось «составление общих по всем частям гражданской службы правил, для какого рода службы, каких именно наук познание нужно, дабы, определив то, подвергать при производстве в чины экзамену, с сим сообразному».

С началом Отечественной войны работа комитета была приостановлена и возобновилась только в 1814 г.

До Указа 6 августа 1809 г. форма и место образования, полученного дипломатом, принципиального значения не имели. Оно могло быть домашним, как у Блудова, или университетским, в том числе было достаточно образования, полученного в Московском университетском благородном пансионе, который окончили многие из дипломатов, друзей Блудова, в частности, Д. В. Дашков, Ал. И. Тургенев и др.

Домашнее образование получил сам Александр I и многие дворяне. Блудов получил домашнее образование под руководством «лучших учителей и профессоров университета и университетского пансиона». Что же касается министров иностранных дел, при которых служил Дмитрий Николаевич, то прекрасное домашнее образование получил Адам Чарторыйский, к которому приглашали известных педагогов. Иоанн Каподистрия окончил курс философии и медицины в Падуанском университете, после чего поступил на дипломатическую службу на своей родине в Греции. Карл Нессельроде получил гимназическое образование в Пруссии.

Из числа нововведений, способствующих профессионализации, следует отметить создание особой канцелярии для издания газеты на французском языке — «Journal du Nord», основной задачей которой было противодействие наполеоновской пропаганде в Европе.

Император лично утвердил в ноябре 1806 г. штат этой газеты — из четырех человек: двух литераторов (Д. Н. Блудова и С. И. Ланского) и двух переводчиков. На момент зачисления в штат газеты Блудову было двадцать лет. Из работавших в этой газете литераторов только Блудов, «оставаясь дипломатом, впоследствии войдет в русскую литературу, став членом пушкинского объединения „Арзамас“ и Вольного общества любителей словесности».

В обязанности сотрудников газеты входило наблюдение за публикациями внешнеполитических материалов в России, за зарубежными журналами и газетами. В случае необходимости перед ними ставилась задача приобретения «нужного влияния над журналами и газетами в чужих краях». На этапе становления издания «Journal du Nord» Блудов главной роли в нем не играл. Позднее он стал его главным редактором. В этой работе он проявил литературные способности и навыки.

Размышляя о природе трудностей решения кадровых проблем, стоявших перед властью, современный исследователь Е. М. Марасинова пришла к выводу, что «абсолютистское государство действительно было зажато между стремлением иметь преданную престолу политическую верхушку и реальной потребностью в деятельной личности, равной по масштабу веку европейского Просвещения».

Император, который в целом не отрицал принципа профессиональной годности людей, не назначал на высшие посты высокообразованных людей. В научной литературе их называют «универсалами», и на них держалось дело. Александр I также неохотно назначал на государственные посты представителей родовой аристократии, которая вела себя независимо.

Занятие дипломатией было служилым и сословным. При назначении на должность принадлежность к дворянскому сословию являлась обязательной. Однако имущественное положение дворянства при дипломатических назначениях не являлось главным. Высокие посты могли занять как беспоместные, так и крупные земельные собственники. Александр I не придавал особого значения конкретной национальности дипломата или его вероисповеданию. Среди министров иностранных дел были: немец (Нессельроде, протестант), грек (Каподистрия, православный), поляк (Чарторыйский, католик). Их объединяли язык дипломатии, которым был французский, и служба российскому императору.

Блудов отвечал основным социальным параметрам кадровой линии Александра I в отношении внешнеполитического ведомства. Он был дворянином, свободно владел французским языком и был хорошо подготовлен к выполнению профессиональных обязанностей дипломата-переводчика.

Согласно сведениям формулярного списка Блудова от 1812 г., он был «пожалован в коллежские асессоры» 14 октября 1801 г. 29 октября 1802 г. Дмитрий Николаевич «перемещен» из Московского архива к делам коллегии иностранных дел, в связи с чем и переехал из Москвы, где жил с матерью, в Петербург, где остановился у В. А. Озерова.

Представитель классической дипломатии Блудов принадлежал к числу немногих дипломатов-литераторов, которые глубоко чувствовали в равной мере и русский, и французский язык, знали обе культуры. Его эрудиции было достаточно для обоснования своей аргументации литературным языком. Стилю письма и общения он учился у крупных писателей. На ниве перевода Блудов имел несомненные профессиональные достоинства. Его любовь к русской литературе и знание французской помогали на дипломатической службе.

Блудов был украшением в «служебном» дипломатическом окружении Александра I. Он обладал личным, неформальным статусом и для многих, в частности И. А. Каподистрии, был знающим, авторитетным человеком. Инициативная роль Блудова раскрывается при анализе поведения и взаимодействия окружавших его людей, среди которых были дипломаты, привлеченные им в литературное общество «Арзамас»: П. И. Полетика и Д. П. Северин. Однако наиболее ценной личностной характеристикой Блудова-дипломата, является его целеустремленность как человека государственного, для которого было характерно мечтать о благе России «более чем о почестях».

Все же отметим, что взлету дипломатической карьеры Блудова в большой мере содействовали традиционные для правящей элиты отношения патронажа. В начале 1807 г. в трудные для него дни траура по матери, к которой Блудов был сильно привязан, его начальник граф (позднее князь) А. Н. Салтыков, в то время состоявший в руководстве Коллегии иностранных дел, сострадав и «желая рассеять» горе молодого сотрудника, командировал его за границу. Так состоялась первая дипломатическая поездка Блудова в Голландию с миссией сблизиться с королем Людовиком и поднести ему орден св. Андрея Первозванного.

О своей работе в Голландии Блудов докладывал в посылаемых им депешах, черновики которых в настоящее время хранятся в РГАДА. Служба молодого русского дипломата была признана голландской стороной успешной, и в 1808 г. Блудов был пожалован голландским королем орденом Согласия.

Лестные отзывы голландского короля Людовика о Блудове, высказанные его величеством российскому посланнику кн. Долгорукову, были переданы последним императору Александру I. Таким образом, Блудов оказался в поле зрения императора. В карьерном росте Блудова удачно сочетались его профессионализм и поддержка, которую обеспечивали родственные связи.

В продвижении по службе свою роль сыграло участие в судьбе молодого дипломата его будущего родственника и хорошего знакомого матери — фельдмаршала графа Н. М. Каменского (1771-1811) — ученика А. В. Суворова, получившего известность в войне 1806 г. с Турцией. По просьбе Каменского Блудов был назначен «правителем дипломатической канцелярии главнокомандующего Молдавской армией графа Н. М. Каменского», и 10 февраля 1810 г. отправлен к фельдмаршалу в Румынию на театр боевых действий «по дипломатическим делам». В этот достаточно опасный для жизни Блудова период его всячески старался поддерживать В. А. Жуковский. В 1810 г. поэт написал послание «К Блудову при отъезде его в Турецкую армию». Еще шла русско-турецкая война, начатая в 1806 г.

Служившие «в Валахии и за Дунаем» при графе Каменском Блудов и Закревский играли, по словам Вигеля, «важные роли», «...и хотя не было между ними несогласий, а еще менее вражды, но совершенная разность в характере и воспитании никогда не допускала их сойтись между собой».

В 1810 г. Александр I наградил генерала Каменского орденом Владимира I степени за победу над турками при Базарджике, «где был истреблен сильный корпус турецких войск, и начальствовавший Серакир Пегливан взят в плен», и за «падение крепости Силистрии». Блудов был пожалован «Кавалером Ордена Св. Владимира 4-й степени».

Личная встреча Блудова с Александром I произошла в 1810 г., благодаря Каменскому. Главнокомандующий поручил Блудову достойно объяснить

императору сложное положение русских войск под турецкой крепостью Рушук.

Турецкую крепость Рушук оборонял 20-тысячный гарнизон. 17-тысячная русская армия под командование Каменского попыталась взять ее 22 июля 1810 г. Турецкий гарнизон сопротивлялся и контратаковал. После многочисленных тяжелых атак, потеряв до половины личного состава, армия Каменского взяла турецкую крепость в осаду. В начале августа турецкие войска направились на выручку своим с двух сторон. С одной стороны наступала 60-тысячная армия Османа-паши, с другой — 30-тысячное войско Кушакчи.

Каменский выдвинулся навстречу Кушакчи с 21-тысячным войском и разгромил его. Потери русских составили полторы тысячи человек, турок — около десяти тысяч, после чего турки отказались от спасения крепости. 15 сентября 1810 г. Рушук капитулировал.

В Петербурге у Каменского «среди опытных людей» была репутация «отличного тактика», к его «военным соображениям» относились с долей скепсиса. Поскольку в то время еще не существовало телеграфа и других возможностей для быстрой передачи сообщений, то в подаче информации личные качества имели особенно важное значение. Доклад о положении русской армии в Дунайских княжествах, по желанию Каменского, был представлен государю устами Блудова.

Возвратившись на театр боевых действий к Каменскому, Блудов по поручению главнокомандующего продолжал писать донесения и депеши императору. Умение убедительно и аргументировано объяснять сложные ситуации, присущее Дмитрию Николаевичу, власть использовала сначала во внешней, а позднее во внутренней политике. Даваемые Блудову поручения оказывались не всегда полезными его исторической репутации.

После смерти Каменского в марте 1811 г. молдавскую армию возглавил генерал Михаил Илларионович Кутузов. Он вызвал к себе Блудова как знающего ситуацию в регионе. Полученная от него информация стала для главнокомандующего основной для предпринятых действий. 4 июля 1811 г. Кутузову удалось нанести решающее поражение турецким войскам великого визиря Ахмет-паши под Рушуком и вынудить их заключить мир. Свою лепту в победу внес и Блудов.

Потребность в Блудове-дипломате возросла в обстоятельствах военного времени. И хотя Дмитрий Николаевич «в походах против неприятеля и в самих сражениях не был», он выполнял важные для страны поручения дипломата. Одновременно, во время войны как и многие другие помещики Блудов, в том числе и в период заграничных походов русской армии, «предоставлял провиант для армии, несмотря на комиссионные».

Согласно формулярному списку, в 1812 г. Блудов был признан способным к продолжению статской службы и достойным к повышению чина.

Осенью 1812 г. грамотного и уже опытного дипломата, коллежского советника Блудова направили с миссией в столицу Швеции Стокгольм для улучшения отношений между обоими государствами. Получив 30 сентября 1812 г. «по высочайшему именному указу» назначение советником посольства стокгольмской миссии в Швеции, Блудов вскоре отбыл из Петербурга в Стокгольм. Его супруга присоединилась к нему только в 1813 г. Об этом свидетельствует депеша из Стокгольма, в которой Блудов просит разрешения для своей жены. О том, насколько в 1812 г. данное направление было важным для Александра I, свидетельствует «Высочайшее повеление товарищу министра иностранных дел графу Салтыкову», в котором сообщалось: «Если изволите получить из Швеции депеши на Имя Государя Императора с курьером или иным каким образом, то таковые поспешнее отправлять с нарочным по Московскому тракту к Его Императорскому Величеству».

На Блудова возлагалась обязанность сообщать в Петербург новости о происходящем в Европе, особенно на театре боевых действий. Послания Блудова,

черновики которых сохранились в архивах, стали для

Александра I тем источником информации, который оказывал влияние на принятие политических и дипломатических решений. В сложившихся внешнеполитических условиях Блудову «надлежало проявить много такта, смекалки и изворотливости в шведской столице: там, на родине Карла XII, громко раздавались голоса за вступление Швеции в войну против России». Блудов помог наследному принцу Бернадоту одолеть «французскую партию» в Стокгольме, и Швеция стала участником антинаполеоновской коалиции. За службу в Стокгольме Блудов был «пожалован кавалером ордена Св. Анны 2-й степени» 8 сентября 1813 г.

В начале ноября 1813 г. Блудов возвращается в Петербург и продолжает свои усилия уже в России по созданию благоприятного образа страны за рубежом, а также «насаждению умеренно-конституционалистских идей как фундамента будущего здания Европы». Эту задачу, по мнению М. Л. Майофис, совместно решали Д. Н. Блудов и С. С. Уваров.

Блудов участвовал в работе еженедельника МИДа, основной задачей которого являлось формирование благоприятного образа России в глазах европейцев. Сначала это периодическое издание распространялось за рубежом, главным образом в Германии, а затем во Франции. Уваров, бывший с 1813 г. попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, осуществлял редактуру еженедельника российского МИДа.

С сентября 1814 г. до мая 1815 г. Блудов состоял в канцелярии графа И. А. Каподистрии (1776–1831), находясь на конгрессе Священного союза в Вене, после чего возвратился в Петербург. В 1815 г. Блудову было доверено сопровождать И. А. Каподистрию на конгресс Священного союза в Вене.

Характеризуя государственную службу выдающихся представителей отечественной бюрократии, как правило, не обращается внимания на вопрос, а какой ценой для здоровья давалась служба, и как, преодолевая недуг или недуги, в нашем случае Блудов откликнулся на вызовы власти и времени. Данные об отпусках и болезнях, перечень которых приводится в формулярном списке о службе Блудова от 1848 г., характеризует отношение Александра I не только лично к Блудову, но также и своим сотрудникам. Крепким здоровьем Блудов не отличался, вероятно, сказалась наследственность («хворой» была мать, неумеренно употреблял напитки отец). В продолжительные отпуска по болезни он начинает периодически уходить с 1807 г., т. е. с 23-х лет. Хронический холецистит его мучил в течение всей жизни, начиная с 1819 г. Не являлось ли это последствием непрямого поедания «ритуального арзамасского гуся» после заседаний литературного общества «Арзамас»?

Так, в феврале 1807 г. Блудов ушел в отпуск, из которого «за болезнью» возвратился лишь 25 июня. В 1821 г. он имел отпуск «бессрочный для излечения болезни и находился в оном с 28 мая по 1 сентября». В 1824 г. он был «уволен в бессрочный отпуск для излечения болезни, в котором находился с 5 июля 1824 г. по 3 сентября 1825 г.»¹.

Таким образом, реформационные усилия императора Александра I (создание Министерства иностранных дел, университетская реформа, Указ от 6 августа 1809 г., согласно которому чиновники 8-го и выше класса должны были иметь университетское образование) свидетельствовали об острой необходимости государственной власти в мобилизации «личностного ресурса» русского дворянства и его эффективном использовании. Император Александр I, сам не лишенный дипломатических способностей и в совершенстве владевший дипломатическим искусством, требовал от тех людей, которых он призывал на дипломатическую службу, таланта и мастерства. Одним из таких призванных был Блудов, отвечавший основным социальным и профессиональным требованиям, предъявляемым к отечественным дипломатам. В первую очередь, он был честным и верным исполнителем, благонамеренным, умным и энергичным чиновником. Историческая эпоха выдвинула запрос на ум, честь и энергию, синтез которых

составлял фундамент профессионализма Блудова.

§ 2. Переводческая деятельность Д. Н. Блудова в условиях процесса профессионализации

Ценностные ориентиры, которых Дмитрий Николаевич Блудов придерживался в своей дипломатической работе (1800–1822), в том числе на поприще перевода дипломатических документов, имели в своей основе полученное им сословное дворянское воспитание. В литературе отмечалось, что понятия «государственная служба» и «служба императору» в документах, вышедших из-под пера представителей дворянского сословия, либо встречаются вместе, либо заменяют друг друга как тождественные.

Блудов не представлял исключения из правила, которое современный исследователь характеризует следующим образом: «Действительно, в сознании представителей дворянского сословия образ монарха был главным критерием, смыслом, стимулом государственной службы. Царское расположение, милостивый прием, личное приглашение ко двору, „своеручное письмо“ считались представителями служащего сословия самыми желаемыми наградами, ценились выше чина, должности, пожалования».

Дмитрий Николаевич мог рассчитывать на царское расположение благодаря умению формулировать и письменно излагать важнейшие государственные дипломатические задачи, переводить важные документы. Он прошел прекрасную школу перевода у Н. Н. Бантыш-Каменского. Отношение служившей в архиве молодежи к Бантыш-Каменскому-старшему, а также созданную им атмосферу для работы, живописно передал С. П. Жихарев: «Да это не человек, а сокровище; с виду неказист: так, старичишка лет семидесяти, маленький и худощавенький, а что за бездна познаний! Принял благосклонно и удивлялся, отчего я не просился на службу в Архив, как то делают все московские баричи. В том-то и дело, сказал я, что я не московский барич и мне нужна служба деятельная. Он похвалил, но прибавил, что кто желает быть полезным, тот найдет всюду дело. Он говорил большею частью о московской старине, об эпохе чумы и пугачевского бунта».

Более важным представляется свидетельство Е. П. Ковалевского, по сведениям которого Бантыш-Каменский заставлял переводить своих подопечных, среди которых был и Блудов, иностранных писателей. Из этих переводов «составился огромный писанный» том «Дипломатические статьи Всеобщего Робинстонова Словаря переведенного при московском Архиве, служащими благородными юношами в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах под надзором Статского Советника Алекс. Малиновского». С этого сборника собственно и начинается опыт Блудова-переводчика, который перевел для него статью «О союзах заключенных между государствами». Трудолюбие Блудова и его владение пером, умение формулировать официальную позицию, не остались незамеченными. 14 октября 1806 г. он был пожалован чином надворного советника.

В условиях жесткой международной дипломатической и информационной борьбы, с силой развернувшейся осенью 1814 г. и завершившейся победой отечественной дипломатии в 1815 г. особенно ценилось искусство Блудова излагать и переводить важнейшие положения и документы.

Дипломатическим итогом победы России в наполеоновских войнах стала международная дипломатическая основа европейского мира, выраженная в комплексе международных договоров, подготовленных под непосредственным наблюдением императора Александра I, и в работе над ними непосредственное участие принимал Блудов.

Несмотря на то, что дипломатическое поприще не принесло Блудову посмертной славы, тем не менее, оно оставило реальный след в истории дипломатии, к сожалению, до настоящего времени в должной мере не осмысленный, но достойный анализа. Речь идет о работе Блудова в качестве переводчика над документами, ставшими базовым международным правовым основанием Священного союза, которые заложили принципиально новые основания в

устройство послевоенного мира в Европе. Они подвели итоги победе русского оружия в 1812–1815 гг.

В конце 1820 г. Александр I поручил Блудову руководство подготовкой издания на русском языке «Россия в своих отношениях с Европой со времен Венского конгресса», о чем его уведомил К. В. Нессельроде в письме от 26 ноября/8 декабря 1820 г.

К этому времени за плечами Блудова была служба советником русского посольства в Лондоне (с 17 ноября 1817 г. до 6 июля 1820 г.). Накануне назначения в Лондон Блудов получил чин статского советника, за три дня до завершения своей службы был «пожалован кавалером ордена Св. Владимира 3-й степени». 6 июля 1820 г. он был «отозван к делам Государственной коллегии иностранных дел».

19 марта 1822 г. Блудов был пожалован в действительные статские советники. Повышение в чине обычно предшествовало важному высочайшему назначению или поручению.

Таким образом, Блудову был поручен перевод документов, составивших основу международного права после победы над Наполеоном и их издание, что рассматривалось Александром I как важнейшее государственное дело.

В письме Блудову от 22 апреля 1822 г. Нессельроде был «рад ему сообщить», что император назначил его ответственным за издание, в 1825 г. опубликованное под названием: «Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими». К письму Нессельроде была приложена копия с отношения к начальнику Главного штаба его императорского величества, также датированного от 22 апреля 1822 г.

В ней говорилось: «Министерство иностранных дел вследствие изъявленной на сие высочайшей воли приступает к изданию Трактатов, Конвенций и других дипломатических актов, подписанных нашими уполномоченными, или утвержденных согласием нашего кабинета со времен заключения всеобщего мира в 1814 году. Приведение сих актов в надлежащий порядок и рассмотрение за напечатанием оных поручено от меня состоящему в ведомстве Коллегии иностранных дел Действительному Статскому советнику Блудову, который ныне мне доносит, что вышеозначенное собрание ходовое название: Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими готов к изданию и может с согласия Вашего Сиятельства быть напечатано в типографии Главного штаба Его Императорского величества».

Поскольку издание, порученное Блудову, им практически уже было подготовлено, то 31 июля 1822 г. «по Высочайшему повелению» он был «прикомандирован к управляющему министерством внутренних дел по делам Бессарабии». С этого времени в жизни Блудова началась новая страница.

Таким образом, дипломатическая карьера Блудова завершалась его участием в большой работе по документальному закреплению итогов войн с Наполеоном, что было для него почетным, и вместе с тем наполнено глубоким смыслом.

Александр I не случайно доверил и поручил именно Блудову издание документов Венского конгресса 1814–1815 гг. и последовавших в 1818, 1820–1822 гг. конгрессов Священного союза (Аахенского, Троппауского, Лайбахского и Веронского). Блудов исключительно ответственно относился к «Слову» и «Письменам», полагая, что «великая польза гражданская происходит ощутительно от превосходства Письмен. Слава отбрасывает лучи свои на все общество. Красоты величественные и легкие приятности обработанного языка становятся титлами справедливой гордости народной, новым побуждением любви к отечеству». Трудолюбие позволило Блудову выработать «свой слог», которым «он владел вполне».

В результате дипломатические документы, над которыми он работал, следует

относить к документам, о которых говорят: «Дипломатические документы — не только высокие образцы делопроизводственной документации, но и ценные памятники языковой культуры, иногда и литературного мастерства».

Дмитрий Николаевич одинаково свободно говорил и думал по-русски и по-французски. Современные исследования, посвященные переходу к двуязычию в процессе освоения иностранного языка, дают основание видеть в данном явлении важную характеристику языковой культуры русских дипломатов первой четверти XIX в.

Свободное владение французским и русским, двуязычие Блудова ставило его в более выигрышное положение среди тех сослуживцев, которые, работая с делопроизводственной и актовой документацией, только овладевали навыками употребления французского языка. Высокая языковая культура Блудова позволяла ему осуществлять качественный перевод дипломатических документов. Владея «чистым» двуязычием, он не испытывал трудностей в процессе перевода. Исследователи отмечают, что «одновременное владение несколькими языками дает преимущества при когнитивных процессах, так как включает в себе металингвистическую осведомленность, способность разделять звучание и значение, создавать синонимы, употреблять слова в необычном контексте. Все уровни одного языка подвергаются выявлению и осмыслению средствами другого. В том числе особое восприятие фонетической системы двух языков, позволяет билингову воспринимать второй язык с точки зрения первого». Блудов воспринимал сосуществующие языковые системы как один язык, то есть два разных языка в его сознании функционировали как один язык.

Перед Дмитрием Николаевичем стояла задача: сделать адекватный перевод (точный и полный перевод, который воспринимался бы носителем языка перевода так же, как оригинал воспринимался носителем языка оригинала) текстов дипломатических документов. Для этого ему нужно было понимать и рассматривать тексты документов так, как их понимал и рассматривал сам автор. Выполняя поставленную задачу, Дмитрий Николаевич прибегал к идеоматическому переводу. Он старался сохранить смысл оригинального текста и выразить этот смысл наиболее естественно на языке перевода.

Переводчик имеет дело с определенным текстом, состоящим из слов и грамматических форм, которые выражают определенные понятия и связи, отражающие явления действительности. Инвариант (общность значений), при помощи которого осуществляется перевод, устанавливается на различных уровнях, которые зависят от подобия языковых форм, от схожести значения при формальном расхождении языковых средств и от идентичности описываемой ситуации. В зависимости от уровня, на котором устанавливается инвариант, выделяются основные виды эквивалентов: *формальный* эквивалент заключается в полном подобии слов, форм и значения; *смысловой* эквивалент заключается в том, что общий смысл передается в двух языках разными способами, но значения совпадают; *ситуационный* эквивалент заключается в том, что при описании одной и той же ситуации в двух языках используются разные языковые формы, выражающие разные значения. Элементы языка-источника и языка-цели достаточно редко полностью совпадают в лингвистическом плане, то есть слова и грамматические формы выражают определенные понятия и связи, которые отражают явления действительности, но они могут функционировать в одной и той же ситуации.

Блудов извлекал из текста языка источника максимум информации для передачи его содержания на язык-цель. Системы языков формировались и существовали в сознании Дмитрия Николаевича независимо друг от друга, и он пользовался ими свободно, когда ему нужно было подыскивать в одном языке соответствия единицам другого языка.

Важнейшей функцией языка в системе международных отношений является обеспечение национального престижа. Начиная с XVIII в., «господствующее положение в Европе как язык дипломатии, науки и философии» закрепил за собой

французский язык.

Распространению в Европе французского языка способствовали просветительские идеи французских философов XVIII в. и войны.

Идеологическое обоснование международной экспансии французского языка предшествовало внешнеполитической агрессии Франции. Теоретик французского языка К. Вожла уже в XVII в. проводил мысль о том, что французский язык должен соответствовать величию французской нации. Вольтер подчеркивал правомерность экспансии французского языка. Он считал, что французская литература и ее «приятные книги» более полезны, чем литература и книги других языков, в том числе и для интеллектуальной элиты других стран.

В дальнейшем французские исследователи рассматривали освоение «речи Парижа» представителями других народов в качестве «хорошего признака воспитания». По наблюдению Ш. Балли, «тот или иной язык в результате колонизации, завоевания или в силу престижа становится языком других народов, которые до этого говорили на ином языке...».

Наполеоновские войны убедили русскую дипломатию в том, что русский язык должен стать средством сдерживания «натиска французской дипломатии, проводившей активную линию на распространение в мире французского языка и культуры без взаимных обязательств».

Императору Александру I было важно, чтобы русский язык употреблялся в публичных сферах общения: в администрации и судопроизводстве, в науке и технике, в средствах массовой информации, в политике и дипломатии, и был выбран как средство общения, сообщения и воздействия в функции дипломатического языка. Для укрепления позиций русской дипломатии считалось необходимым сделать акцент на усилении выразительных средств русского дипломатического языка. Видимо, на этом основании М. М. Сперанский говорил о том, что представителям «классического» направления русской дипломатии было присуще «высшее красноречие».

Несмотря на то, что на рубеже XVIII-XIX вв. русское образованное общество, внимавшее политическим бурям времени, продолжало мыслить философскими и политико-правовыми категориями европейского Просвещения, активизировались процессы формирования русского литературного национального языка и, в частности, развития и совершенствования языка дипломатического. Следует отметить, что нормы официально-делового стиля русского дипломатического языка первой четверти XIX в. формировались одновременно с нормами русского литературного языка. Последний представлял собой на тот момент «объединение русской и западной культурно-языковой стихии». На нормах официально-делового стиля русского дипломатического языка сказалось «общественное воздействие карамзинской реформы», которая распространилась не только на язык литературы, но и на язык делопроизводства. Причем оба были сориентированы на разговорную речь светского общества.

Первая четверть XIX в. характеризуется как романтико-исторический период в истории русского просвещения из-за тяги «к национальному прошлому, к устной народной поэзии», роста «исторического непонимания» и развития «исторических знаний». Причиной этого влечения были войны с Наполеоном и особенно Отечественная война 1812 г. В этих условиях было необходимо сплотить нацию. Немаловажным средством для этого являлся национальный язык.

В каждую конкретную эпоху государственная власть вынуждена была определяться в средствах языкового выражения своей политики, что находило выражение в изменениях лексики политической и дипломатической элиты. Исследователи не случайно уподобляют эволюцию языка «барометру, способному уловить самое начало глубинных», в том числе и внешнеполитических «сдвигов». Так, Балли полагал, что «эволюция языка и эволюция общества параллельны и синхронны, что любое изменение в общественной и политической жизни группы

населения должно автоматически, немедленно и односторонне отражаться на структуре языка».

В первой четверти XIX в. происходят изменения в синтаксисе, как русского литературного языка, так и в синтаксисе официально-делового стиля. Нормой становится жесткий порядок слов в словосочетании и свободный порядок слов в предложении.

Помимо филологических способностей Блудов подходил Александру I как сотрудник, дипломат и переводчик — поведенчески и ментально. Блудов испытывал влияние идей Просвещения. Он считал, что «основания новейших государств получили последнее свое утверждение от разливания общего Просвещения, когда учения, науки, искусства сообщили вежливость народам и образовали разумы особ, призванных ко управлению оными».

Дмитрий Николаевич разъяснял неразрывную связь Просвещения с перспективами развития международных отношений. Просвещение, по мнению Блудова, «приготовило Европу к сему состоянию славы и превосходства, к сему владычеству над другими частями света. Оно изобрело сии образы правления, правосудия и постоянства, которыми процветают Государства; оно оградило их военным знанием, основало правосудие, законом основанное, отверзло пути в новые моря, в дикие земли, упрочило, соединило род человеческий взаимным обращением, людностью».

В ходе подготовки к публикации важнейших международных документов цели и задачи издания расширились, и претерпело изменение название. В 1823 и 1825 гг. в свет вышел двухтомник под заглавием: «Документы для истории сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 году до конгресса в Вероне в 1822 году» (далее в тексте: «ДдИДСР»).

Данное издание, опубликованное в 1823 и 1825 гг. и затем не переиздававшееся, стало подлинным памятником русской дипломатической мысли и дипломатической реализации победы России над наполеоновской Францией.

Поскольку «ДдИДСР» представляет собою собрание основных международных дипломатических документов Венского конгресса 1814–1815 гг. и Священного союза 1815–1822 гг., фактически оно документально подытоживает важный этап истории развития международных отношений европейских стран. Император Александр I отбирал документы для данного сборника лично. Поручение, данное Блудову в связи с его подготовкой к публикации, было вызвано рядом причин.

Во-первых, на «ДдИДСР» возлагалась определенная цель. Россия в первой трети XIX в. играла важную роль в международных отношениях как одна из стран-победительниц, участвовавшая в создании и регламенте новой системы международных отношений во время Венского конгресса. И ей требовалось закрепить изменившееся соотношение сил в Европе после поражения наполеоновской Франции. Однако для Александра I имел принципиальное значение характер лидерства России и ее международная репутация. Поэтому исключительно важным представлялось международное законодательное закрепление кодекса поведения победителей-государств — участников антинаполеоновской коалиции. Позицию императора разделяли русские дипломаты. Так, посол России во Франции Поцци ди Борго писал Нессельроде: «Прусские генералы (в первую очередь Блюхер) проявляют (в Париже) жестокость, доходящую до открытой мести. Они дают почувствовать свой гнет сверх дозволенных осторожностью пределов. Они злоупотребляют победой (выделено нами, — И. С.)...»

Для Александра I было важным гласно закрепить кодекс поведения победителя. В сборнике «ДдИДСР...», как отмечал Нессельроде, «все акты только публичные, следовательно, не требуется работа цензурного комитета». Таким образом, гласность осуществлявшего императором Александром внешнеполитического курса являлась основополагающим принципом и для Блудова.

Завоевательной политике Наполеона Александр I противопоставил политику христианскую. По свидетельству Альбера Сореля, Александр I вел себя «политично и великодушно, действуя как прямою и простотою, так и энергией и ловкостью». Он собственноручно составил помеченную 7(20) июля 1815 г. ноту, объявляющую расчленение Франции несовместимым с равновесием в Европе: «Нельзя обращаться с Францией как врагом. Державы не могут осуществлять там право завоевателей...».

В основе образа действий императора Александра I лежала «высокая религиозная и не менее высокая идея политическая», на которую обращалось внимание в дореволюционной литературе, но которая отвергалась в советской литературе.

«Обнажая меч за независимость России и Европы, — писал В. К. Надлер, — положивши твердо в сердце своем не влагать его в ножны до тех пор, пока владычество Наполеона не будет сокрушено окончательно, Александр вовсе не имел при этом в виду унижать Францию, мстить французскому народу за разорение России, или дать ему почувствовать во всей ее тяжести участь побежденных...он постоянно старался отделить французов от Наполеона».

По поручению императора Александра I Блудов включил в «ДДИДСР» международные документы 1816–1817 гг., подписанные между Венским (1815) и Ахенским (1818) конгрессами. В них уточнялись вопросы послевоенного устройства Европы (в частности, «Польский вопрос»), преодоления последствий войны (предлагалось решение проблемы дезертиров), а также был рассмотрен финансовый вопрос о долгах Франции. Согласно помещенной Тьером в «Истории консульства» речи русского императора перед французскими маршалами, состоявшейся во время аудиенции в Париже, Александр I старался «найти такую комбинацию, которая, обеспечивая благосостояние Франции, обеспечила бы в то же время и спокойствие Европы».

На аудиенции присутствовали помимо герцога Коленкура, маршала Нэя, Фавье, Мармона — убежденный сторонник Бурбунов генерал Дессоль. Свою позицию Александр I объяснил тем, что у него нет никакого договора с Бурбонами, и если он и склоняется в их пользу, «то единственно в силу необходимости, а не по добровольному выбору».

Война укрепила религиозные настроения русского императора. Он пережил годину тяжелых испытаний и внутреннего кризиса. В 1814–1815 гг. Александр I был проникнут идеальной религиозно-нравственной идеей о том, что мир и общественная безопасность, порядок, счастье и изобилие находятся в тесной зависимости от распространения познания Бога. Нравственное очищение войной и страданиями привело его к мысли о том, что «это царство зла должно было прекратиться отныне».

В поисках механизмов поддержания долговременного мира в Европе его надежды возлагались на построение порядка, основанного «не на одних только формальных и скоро преходящих дипломатических соглашениях, а на идее взаимного братства христианских народов, обнаружившейся с такою силою в только что закончившейся гигантской войне».

Поэтому он искал таких оснований, которые бы сделали непременно к исполнению в международных отношениях правила, обязательные для частной морали. Оставшись недооцененными и непонятыми современниками религиозные взгляды Александра I, как и религиозная составляющая написанных международных документов, которые не укладывались в плоскости национальных противоречий, прагматизма, революционной идеологии и борьбы, идеи Александра I опередили свое время и в этом отношении являлись утопией, отвергнутой практической дипломатией.

Мысли Александра I о необходимости кардинальных изменений в системе международных европейских отношений, в которых господствовали ложь и обман, были привлекательны особенно для русской дипломатии, и их разделял Блудов.

Они претворялись в дипломатические документы, которые содержали важные реалистичные решения, призванные укрепить безопасность европейского дома и работали на историческую перспективу.

Послевоенное устройство Европы, согласно мысли Александра I, должно было развиваться в трех взаимосвязанных направлениях, скрепляющих европейское пространство мирными и надежными скрепами: торгово-экономическом, социально-правовом и политическом, под которым подразумевалось урегулирование взаимоотношений между главами государств.

В переведенных Блудовым документах будущее послевоенной Европы представлялось в обеспечении прав и жизненных потребностей его жителей, совершенствовании их торгово-экономических контактов и расширении их возможностей, независимо от конфессиональной принадлежности.

Решения, принятые Венским конгрессом, переведенные Блудовым и опубликованные им в «ДДИДСР», отражают последовательную линию русской дипломатии. Так, город Франкфурт <...> объявлялся вольным и принадлежащим к Германскому союзу. «Основанием правительственных учреждений сего города полагается совершенное равенство прав между жителями различных христианских исповеданий. Сие равенство прав гражданских и политических будет свято соблюдено во всех делах и отношениях правительства с гражданами».

Жители присоединяемых к Бернскому и Базельскому Кантонам Епископства Базельского и города Биенны, не взирая на различие вероисповеданий, отныне могли «пользоваться всеми политическими и гражданскими правами, принадлежащими или могущими впредь принадлежать жителям прежних частей сих Кантонов».

От Блудова требовались мастерство и тщательность при переводе тех документов международного права, которые оберегали важные для экономического развития зоны. Он удивительным образом соединял в своем сознании написанное конкретным автором со свойствами, присущими его разуму и сердцу: «Добродетели писмен суть те же самые, что добродетели разума и сердца. Порок суть безобразен сам собою, что никогда с прекрасным соединиться не может». Материалы конгресса открывали европейцам новые перспективы. Так, в них было записано: «Его величество император австрийский, желая со своей стороны особенно благоприятствовать соседственным и торговым отношениям между Галициею и вольным городом Краковым, дарует на вечные времена прибрежному к Висле городу Подгорзу права вольного торгового города, подобные тем, которыми пользуется город Броды. <...> в оном (округе) не будет ни сбора военной силы, ни иного воинского заведения, могущего угрожать нейтралитету Кракова или стеснять свободу торговли...».

Для формирования благоприятного климата развития социально-экономических отношений предоставлялись политические гарантии. «Высочайшие договаривающиеся стороны <...> объявляют и обещают, что в возвращенных и уступленных сим Трактатом областях никто, какого бы состояния и звания он ни был, не будет ни под каким предлогом преследуем, тревожим или обеспокоен, ни лично, ни во владении собственностью, за свое прежнее поведение или мнения политические или за приверженность к которой-либо из договаривающихся сторон или даже к бывшим уничтоженным правительствам».

Объявлялась амнистия: «Никто из живущих в провинциях, находящихся во владении его величества короля саксонского, а равно и в тех, кои в силу сего трактата переходят во владение его величества короля прусского, не будет наказываем ни лично, ни лишением имения или пенсии и доходов какого-либо рода, или чинов, сана и преимуществ, и не будет ни под каким видом преследуем или тревожим за участие в политических или военных происшествиях, бывших со времени открытия войны...».

Налаживались необходимые в повседневной жизни контакты: «Для обеспечения

сообщений города Женева с другими частями Швейцарии, лежащими близ Женевского озера, Франция соглашается, чтоб проезд по дороге чрез Версуа был равно свободен обоюдным подданным. Оба правительства дружелюбно условятся в принятии нужных мер для предупреждения провоза запрещенных товаров, для учреждения хода почт и содержания оной дороги».

Снимались преграды для торгового судоходства: «Судоходство по Рейну, начиная с того места, где сия река становится судоходною до моря и обратно, будет совершенно свободно, и не может быть никому воспрещено. На будущем конгрессе займется постановлением правил, для определения следующих прибрежным к Рейну державам пошлин, на основаниях равно благоприятствующих торговле всех народов».

В развитие этой мысли принималось взаимовыгодное решение: «Его величество король прусский и его великобританское величество король ганноверский, побуждаемые желанием доставить своим обоюдным подданным равные и общие выгоды в торговле по реке Эмсу и в пристани Эмбден, постановляют для сего следующие условия и правила:

1. Правительство ганноверское обязывается произвести на свой счет в течении 1815 и 16 годов работы <...> чтобы сделать судоходной реку Эмс от прусской границы до устья; обязывается также содержать всю сию часть реки <...>.

2. Всем прусским подданным будет дозволено привозить беспрепятственно в пристань Эмбден и отвозить из оной всякие изделия, товары и произведения, как природы, так и искусства, и иметь в городе Эмбдене магазины для складки своих товаров: оныя могут храниться в сих магазинах два года, считая со дня привоза их в город, и за оными не будет никакого особого надзора, кроме того, который правительство имеет за магазинами, принадлежащим самим ганноверским подданным.

3. С судов прусских, равно и с купцов сей нации, не будет собираемо ни за судоходство, ни за ввоз, вывоз или складку товаров, никаких пошлин и податей, кроме тех, кои платят сами ганноверские подданные <...>.

4. Прусские подданные не будут обязаны торговать в Эмбдене через тамошних купцов; они могут свободно продавать сами свои товары как жителям эмбденским, так и приезжающими туда иностранцам, платя пошлины и подать наравне с ганноверскими подданными <...>. Его величество король прусский с своей стороны обязывается даровать ганноверским подданным свободу торговли по Стекницкому каналу; с них не будут взыскивать иных пошлин, кроме тех, кои будут платимы жителями Лауенбургского герцогства».

Аналогичное решение, облегчавшее сухопутное передвижение, в переводе Блудова гласило: «Его величество король прусский и его величество король соединенного королевства Великобритании и Ирландии король ганноверский, положили с взаимного согласия быть в их обоюдных владениях трем военным дорогам, именно: 1) Первой от Гальберштата чрез область Гильдесгеймскую к Миндену; 2) Второй от старой Мархии чрез Гифгорн и Нейштадт к Миндену; 3) Третьей от Оснабрика чрез Иппенбирен и Рейна к Бентгейму. Две первые будут служить для переходов прусских войск, а третья для ганноверских».

Организация таможенных служб европейских государств выстраивалась в соответствии с принципом создания в ближайшей исторической перспективе единого торгового европейского пространства и создания механизмов обеспечения в случае необходимости европейской безопасности: «Для утверждения торговых и военных сообщений между Женевою, Ваадтландским кантоном и прочими частями Швейцарии <... > его христианнейшее величество соглашается расположить цепь своих таможенных застав таким образом, чтобы дорога, ведущая из Женева через Варсоа в Швейцарию, была всегда свободна и чтоб ни почты, ни путешественники, ни транспорты товаров не были подвергаемы осмотру таможен или обязаны к заплате каких-либо пошлин. Разумеется также, что по сей дороге будут

беспрепятственно ходить швейцарские войски».

Оговаривались условия, на которых предполагалось выстраивать новый европейский порядок: «Его величество король сардинский соглашается сверх того, чтобы сообщение между кантоном Женевским и Валлисом по дороге, называемой Симплонскою, было свободно и на таком же основании, на каком будет с дозволения Франции сообщение между Женевою и кантоном Ваадтландским по дороге Версойской. Равномерно будет во всякое время свободно войскам женевским проходить из женевской области в ведомство Жюси и обратно; в случае же переправы чрез озеро к означенной Симплонской дороге, будут доставлены все нужные для того пособия».

С другой стороны, освобождались от транзитных пошлин изделия и товары, провозимые по Симплонской дороге через Валлис и Женевскую область из владений его величества короля сардинского и из вольного города Генуи. «Но сие постановление <...> относится только к транзитным пошлинам и не освобождает от тех, кои установлены для содержания дороги, ни от пошлин на изделия и товары, назначаемые для продажи или употребления во внутренности именованных земель».

Во время Венского конгресса были приняты «Постановления о свободном судоходстве по рекам». Отработанные на примере Германии принципы судоходства, удобные для европейских государств, предполагалось распространить на другие страны: «Общие правила, постановленные на Венском конгрессе в рассуждении судоходства по рекам Германии, будут применены и к реке По». Общие правила судоходства применялись также на реках Некар, Майн, Мозель, Маас, Шельд.

Также были приняты общие статьи о реках, которые протекают по разным государствам или служат границею этих государств: «Судоходство по всему течению таких рек <...> начиная с тех пунктов, где оныя становятся судоходными до самых устьй, будет совершенно свободно для торговли и не может быть никому воспрещено. Но всякой, однако же, обязан соображаться с правилами, кои будут установлены для порядка в сем судоходстве; оныя будут повсюду единообразны и сколь возможно благоприятны для торговли всех наций».

Создавалась общая система налогообложения для разных государств, прибрежных к судоходным рекам: «Собирание пошлин с судов будет повсюду единообразно, непременно, и даже (для того, чтобы подробный осмотр груза не был необходим, разве лишь в наказание за утайку, или иное нарушение закона), почти независимо от качества товаров. Сии пошлины, кои, впрочем, не должны ни в каком случае быть свыше собираемых ныне, будут определены по соображению с местными обстоятельствами <...>». Одновременно принималось решение уменьшить число застав для сбора пошлин.

«Каждая из прибрежных к судоходным рекам держав принимает на себя содержание в своих владениях дорог для прохода судов посредством бечей, также и очищение реки, предупреждая чрез то всякие препятствия для судоходства». Создавались условия, облегчающие судоходство: «Нигде не будет устанавливаемо сбора пошлин за складку, пристань, или принужденное причаливание к берегу. В местах же, где таковые сборы уже существуют, оные будут продолжаемы, но в таком только случае, если прибрежные державы признают оныя полезными для судоходства и торговли вообще, не принимая притом в уважение никаких местных выгод, или земли, где оныя установлены». Было определено, что «таможни прибрежных государств не должны вмешиваться в сбор пошлин за судоходство».

Переведенные Блудовым документы открывали перспективы для экономического развития и консолидации европейских стран, которые являлись наилучшей гарантией устойчивости европейского мира.

Жителям предоставлялась свобода передвижения и выбора места жительства: «Во всех землях, кои должны или будут должны перейти во владение иных государей,

как в силу сего трактата, так равно и других в следствие имеющих быть постановлений, будет дан всем жителям природным и чужестранным, какого бы звания и народа оные ни были, срок в шесть лет,

считая со времени размена ратификаций, для продажи или уступки, буде они за благо рассудят, имуществ, приобретенных ими прежде ли или после прекращаемой ныне войны, и для переселения в то государство, которое они изберут себе местом жительства».

«Чиновникам, занимающим места, за кои они внесли денежные залого, и не имеющим казенных денег в своем распоряжении, залого их будут выплачиваемы в Париже».

Защищались права французских подданных. «Французское правительство со своей стороны будет обязано уплатить все денежные суммы внесенные подданными (земель отходящих от Франции — *И. С.*) в казначейства французские в виде залогов, вкладов или для сохранения». «Государственные имущества, купленные или иным образом, но не даром приобретенные французскими под данными вне старых границ <... > останутся в бесспорном владении приобретателей».

Особенно бережным у императора Александра I было отношение к Польше.

«В Польше будет объявлено всем вообще и каждому в особенности полное и совершенное прощение, какого бы кто звания, пола и состояния ни был <...> впредь никто и никаким образом не может быть судим или беспокоиваем за какое-либо участие, посредственно или непосредственно им принятое, в каких бы то ни было гражданских, военных или политических делах в Польше, и в какое бы то ни было время».

На европейских правителей налагались обязательства, определявшие принципы их поведения в отношении подданных. «Его величество король прусский обещает в рассуждении всего, что будет касаться до собственности и дел взаимных подданных (Пруссии и Саксонии), учинить распоряжения основанные на самых благоприятствующих выгодам их правил. Сие будет в особенности наблюдаемо в отношении к тем, коих имения находятся в обоих владениях прусском и саксонском, к торговле города Лейпцига и всему подобному; а дабы личная свобода жителей, как уступаемых, так и других провинций, не была ни мало стесняема, то им дозволяется, за исключением обязанностей по военной службе и с соблюдением порядка установленного законами, перейти из одного государства в другое. Они могут вывезти с собою свои имущества, не подвергаясь платежу пошлин за выход или вывоз».

Для сохранения равновесия в отношениях было принято решение, согласно которому: «Владетельные государи и вольные города германские положили с общего согласия, утвердить за всеми подданными держав Союза, следующие права: а) Право покупать вне государства, где имеют жительство, недвижимые имения и спокойно владеть оными, не подвергаясь никаким лишним против подданных оной чуждой державы налогам или повинностям; б) Право: 1) переселяться из одного государства Союза германского в другое, только доказав, что правительство, к коему они переходят, согласно принять их в подданство; 2) вступить в службу гражданскую или военную всякой державы Союза <...>; с) Право вывозить свои имущества из одного государства Союза в другое, без платы и учета за выход или вывоз, если только сие не будет воспрещено обеими державами в силу особой конвенции».

Придавая большое социально-политическое значение дворянству, Александр I включил в «ДдИДСР» статьи, законодательно обеспечивавшие дворянству экономическую поддержку в европейских странах. «В рассуждении прав, преимуществ и содержания князя Примаса, как прежнего духовного владетельного князя, постановляется следующее: 1. Ему будет назначено содержание <...> 2. <... > пожизненный доход <...> сумма будет выплачиваема <...> теми государями, к коим переходят во владение провинции и округи, составлявшие Грос-Герцогство

Франкфуртское, и по соразмерности с получаемую каждым из них частью.
3. Суммы, выданные заимообразно князем примасом из собственного его капитала общественной кассе княжества Фульдского, будут по должном рассмотрении счетов и доказательств возвращены ему, наследникам его, или поверенным <...> 4. все вещи, о коих будет доказано, что оныя принадлежат к личному имуществу князя Примаса, должны быть ему возвращены».

«Для взаимного между собою удовлетворения, кантоны Аргауский, Ваадшландский, Тесинский и Сентгальский должны старым кантонам Швицкому, Унтервалденскому, Урийскому, Гларисскому, Цугскому и Аппенцельскому заплатить сумму денег, которая сими кантонами будет употреблена на учебные заведения для народного воспитания, или на необходимые издержки правительства, но преимущественно на первое».

Документы, представленные в «ДдИДСР», отражали новый порядок коллективного принятия решений. Конгрессы должны были собираться всякий раз, когда возникнет вопрос, представляющий взаимный интерес.

Сама идея конгрессов европейских монархов не была новой для европейской дипломатии. Ее использовали в XVII и XVIII в. Александр I постарался внести иной смысл в данную форму международного общения на высшем уровне.

После пережитых военных испытаний, императору казалось, что «потрясающие события последнего времени должны были убедить европейское человечество, в лице его верховных руководителей, в полной несостоятельности старой политической системы». Он надеялся, что бедствий непрекращающихся войн достаточно, чтобы «подготовить умы к восприятию и проведению новой системы, основанной на возвышенных и в то же время простых и общепонятных правилах евангельской нравственности».

Император исходил из того, что достаточно уже одного «торжественного провозглашения с высоты престолов заповедей любви, правды и мира», «одного обещания трех союзных монархов руководствоваться отныне во всех своих правительственных и политических деяниях сими заповедями». Это «должно произвести великий переворот в политическом мире и направить общественную жизнь Европы на новый путь».

Однако Александру I пришлось пережить тяжелое рассеяние его иллюзий. Искренность миротворческих усилий Александра I не вызвала сомнений только у русских дипломатов. Не сомневался в ней и Блудов. Религиозные убеждения русского императора, которые повлияли на форму и содержание декларации, не похожую ни на один из ранее утверждавшихся в истории международных отношений трактатов, не принимались во внимание европейцами.

По мнению В. К. Надлера, этот документ мог выйти только из-под пера Александра I. Свою точку зрения ученый аргументировал следующим образом: «Вдумываясь в общий смысл приведенного документа, равно как и в его отдельные выражения, мы приходим к заключению, что акт Священного союза мог выйти только из-под пера Александра, что в нем выразились именно те мысли и убеждения, которые зародились и созрели в душе императора, под влиянием великих мировых событий последнего трехлетия. Идея Священного союза заключалась в применении принципов христианской этики в области международных и государственных отношений. Александр полагал, что только внесение этих начал в сферу политической жизни может положить предел господству традиционной лжи, систематического обмана и эксплуатации интересов ближних путем всевозможных безнравственных средств. Не исключая и самого последнего из них, грубого насилия».

Православные убеждения Александра I не мешали ему в проявлении широты взглядов и конфессиональной толерантности. Акты Священного союза провозглашали равенство в гражданских и политических правах, независимо от вероисповедания.

Во время Ахенского (1818) конгресса российская делегация во главе с императором Александром I предложила план создания «всеобщего союза» европейских государств, согласно которому Священный союз имел перспективу превращения во все европейский политический орган сохранения и укрепления «венской системы». Европейские государства отказались принять план русского императора. Тем не менее, и после распада Священного союза конгрессы, как форма обсуждения и принятия международных решений не военными средствами, прижились в европейской практике международных отношений. В исторической перспективе такой же прецедент в решении межгосударственных споров в ходе мирных переговоров создал потомок Александра I — император Николай II, инициировав созыв Гаагских конференций в 1899 и 1907 гг. Преимуществом линии двух императоров также оказалась в литературе не замеченной.

Акты Ахенского конгресса раскрывают содержательную сторону деятельности Священного союза, которую в наиболее концентрированной форме отражают пакты, где был решен вопрос о досрочном выводе союзных оккупационных войск из Франции, приняты меры к сохранению в Европе государственных границ, установленных Венским конгрессом, а также абсолютистских режимов.

В преувеличенном свидетельстве Вигеля о том, что Блудов был «почти единственным государственным человеком, который о благе ее [России] мечтает более, чем о почестях», есть доля истины, и она заключается в том, что Дмитрий Николаевич в своей работе руководствовался соображениями о благе России.

Изменение отношений между государствами вносило серьезные коррективы в методы дипломатии. Блудов практически оказался у истоков нового периода отечественной дипломатии, который сами дипломаты традиционно называют «классическим». Его литературные способности и навыки глубокое знание им французской и русской литературы сослужили добрую службу отечественной дипломатии. Исполняя волю императора, Блудов служил александровской идее Священного союза, идеалу новой системы международных отношений, в правовую основу которую русские дипломаты старались внести принципы христианского равенства народов. И в этом отношении привлечение Александром I на дипломатическую службу в качестве переводчика Блудова себя полностью оправдало.

Результатом переосмысления конституционализма религиозным сознанием императора стала идея о международном праве как христианской нравственности. Таким образом, Александр I намного опередил свое время. Русская правовая мысль XIX — начала XX вв. развивалась в русле исследования и поиска нравственных этических оценок права. Позднее интерес к метафизическому осмыслению норм права особенно возрастал в пору законодательных преобразований в России.

Александр I оказался понятым немногими современниками и среди этих немногих был Д. Н. Блудов.

До 1828 г. бумаги кабинета Александра I еще не разбирались. По всей вероятности, такое поручение имел Блудов. Но Дмитрий Николаевич искал для этой работы профессионала и нашел его. Именно нашел. Блудов был тогда товарищем министра народного просвещения. В этом качестве он посещал конкурсы на занятие вакантных должностей учителей в петербургских гимназиях. Во время посещения одного из таких конкурсов на замещение вакантной должности учителя истории в третьей Петербургской гимназии чиновник познакомился с молодым историком, только что закончившим Петербургский университет и искавшим работу, Николаем Герасимовичем Устряловым (1805–1870). Блудов высоко оценил исторические знания и педагогические умения претендента. Устрялов понравился Дмитрию Николаевичу. Блудов попросил Устрялова помочь «разобрать бумаги», хранящиеся в кабинете покойного императора Александра I. И не пожалел. А перед Устряловым открылась уникальная возможность соприкоснуться с документами секретного характера, закрытыми для других историков. С этого времени Устрялов пользовался доверием Николая I. Император сам читал первый вариант «Русской истории» от древности

до современности, написанный Н. Г. Устряловым. В отношении способностей и профессиональных возможностей молодого Устрялова как историка Блудов оказался прозорлив. Оказав ему «трудовую помощь», Дмитрий Николаевич сделал большую услугу отечественной исторической науке.

§ 1. Культурная среда и литературное окружение Д. Н. Блудова: преемственность и борьба поколений

Историко-культурные истоки литературной образованности Д. Н. Блудова, которая признавалась очевидной как его современниками, так и исследователями, формировались в интеллектуально насыщенной культурной среде XVIII в. Он имел возможность познавать русскую литературу не только по книгам.

Дмитрию Николаевичу посчастливилось взрослеть, набирать умственную силу, обретать навыки литературного труда, собственный стиль и вкус в блестящем окружении русских поэтов XVIII — начала XIX вв. Он был вхож в литературный круг Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина, посещал кружок А. Н. Оленина, близкого его дяде — Державину.

У Оленина бывали И. А. Крылов и Н. И. Гнедич. Блудов посещал дом поэта, баснописца и государственного деятеля Ивана Ивановича Дмитриева, который бывал «всякий день почти в доме Державина и коротко был знаком» с ним. Дом И. И. Дмитриева посещали известнейшие русские писатели: Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. А. Шаховской, В. Л. Пушкин и многие другие. Позднее у Дмитриева бывал А. С. Пушкин. До конца жизни И. И. Дмитриева Блудов поддерживал с ним общение, в основном через переписку.

Выросший в атмосфере деятельной активности лучших представителей отечественной культуры XVIII в. Блудов принадлежал к тем немногим представителям чиновной отечественной элиты, которые знали русскую и зарубежную литературу и их историю с XVII до начала XIX вв.

Его интересовала проблема отношений традиции и новации, преемственности и принципиальных отличий, а также вектора их взаимодействия, на которые у Блудова были собственные ответы.

В конце XVIII в. Россия еще не изжила энциклопедичность и универсальность, явленную ей М. В. Ломоносовым. Имя Ломоносова для России Блудов считал национальным символом. Он писал: «С восхищением произносится у Итальянцев имя Петрарково, Расиново у Французов, Мильтоново у Англичан. Повторяя имена сии, Россия воспоминает своего Ломоносова».

Большое влияние на юного Блудова оказал Г. Р. Державин и его окружение. Оно было представлено многогранными личностями, составившими славу отечественной литературы, архитектуры, музыкального искусства. Каждому из них посвящена большая специальная литература. В сознании Блудова искусства были соединены «некоторым общим союзом», благодаря которому они «подают себе взаимную помощь».

В окружение Державина входили выдающиеся представители русской культуры XVIII в.: Ипполит Федорович Богданович — его поэму «Душенька» читала вся Россия; Николай Александрович Львов — архитектор, график, поэт, переводчик и музыкант. Занимаясь историей, он обнаружил летопись XVI века, известную сейчас как «Львовская летопись». В литературных спорах с Львовым, Капнистом, Хемницером к Державину постепенно пришло осознание и видение себя поэтом. Державин признавался в «Записках», что этот домашний кружок заставил его заново оценить свое творчество. Увлеченность, страсть к познанию являлась их высшей страстью в жизни. Они формировали вокруг себя творческую интеллектуальную среду. Являясь преобразователями, заботившимися, прежде всего, о пользе отечества, представляя русскую литературу и искусство, они были государственными, служилыми людьми. Государственная служба, которую они несли достойно, для них оставалась приоритетной. Данное историко-психологическое обстоятельство оказало влияние и на ментальность Блудова.

В хлебосольном доме Державина часто собирался кружок, в котором, по словам поэта, «поселились Словесность, Поэзия, Живопись, Архитектура, лепные работы и Музыка». «В XVIII-м веке резкие, угловатые характеры были гораздо

обыкновеннее, чем в наше время (*речь идет о XIX в. — И. С.*), когда более распространенное между всеми сословиями и притом более искусственное воспитание подводит всех под один довольно общий уровень образования и на всех кладет однообразную печать сдержанности и приличия. Вместо нынешнего сходства форм и приемов прежние люди зачастую обнаруживали особенности, которые в наше время навлекают на человека кличку чудака», — считал Я. К. Грот.

Печать, наложенная временем на окружение Державина, делала его представителей незабываемыми и притягательными в глазах тех представителей молодого поколения, которые обладали литературными и поэтическими способностями, даже в том случае, когда позднее они приходили к отрицанию значения творчества старшего поколения.

Время вносило свои коррективы. Определенную эволюцию претерпела традиция патронажа, оформление которого происходит в XVIII в. «Век Екатерины — век одобрений», — писал А. С. Пушкин.

Безусловно, поиск покровителей для талантливых людей из небогатых дворян среди фаворитов и титулованных вельмож был вынужденной необходимостью.

Но это явление имело и обратную сторону: вельможи с помощью талантов, которыми они себя окружали, показывали собственную просвещенность и блистали при дворе Екатерины II. Следствием органичного единства двух названных линий было появление неповторимой атмосферы, благоприятствовавшей развитию талантов и отечественной культуры.

Репутация Державина внушала уважение, которое ему выражали как выдающиеся представители культуры, успевшие многое сделать в XVIII в., так и молодое поколение, вступившее в самостоятельную жизнь в начале XIX века. Среди них: княгиня Е. Р. Дашкова, И. И. Шувалов, И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. Творчество Державина и других русских литераторов XVIII в. Блудову было известно, также как и их значение. Державин и близкие ему литераторы выводили литературный процесс на новый общественный уровень, превращая его в важную составляющую жизни русского общества, и соответственно ставя не только новые задачи в области развития национальной литературы, но и предъявляя качественно иные требования читающему обществу и элите.

Вступавшее на рубеже XVIII–XIX вв. на литературное поприще молодое поколение ставило вопросы о национальном самосознании и самопознании, самостоятельно и энергично рефлексировало как на литературное творчество предшествующих поколений, так и современную литературу, вырабатывало собственное отношение к ней и ее носителям. В Москве, где до 1802 г. жил Блудов, ядро таких активных интеллектуалов составили выпускники Московского университетского благородного пансиона — братья Андрей и Александр Тургеневы, Д. В. Дашков и В. А. Жуковский. С Тургеневыми и Дашковым Блудов был знаком по службе в Московском архиве, благодаря им он познакомился с Жуковским. Особенно глубокое влияние на молодежь оказывали Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. Литературные споры вокруг Карамзина вели к кристаллизации позиций, в дальнейшем изменившей состав окружения Державина, перегруппировку сил, выделение лиц, т. е. «беседчиков», как их называли Блудов и его друзья, для сатирической критики которых в дальнейшем Д. Н. Блудовым, В. А. Жуковским, С. С. Уваровым, Д. В. Дашковым, С. П. Жихревым, Ал. И. Тургеневым, при поддержке москвичей П. А. Вяземского, В. Л. Пушкина и К. Н. Батюшкова в 1815 г. создается «Арзамас».

С нашей точки зрения, представляется важным рассмотрение параметров, имеющих непосредственное отношение к развитию литературно-общественного процесса в России. В их числе — формы литературного этикета и быта — кружки, общества, дружеские и творческие связи, а также рассмотрение сферы инноваций, выявление тех новых элементов, которые появлялись в формирующихся структурах, наблюдавшихся в процессе складывания новых систем.

Долгое время в советской литературе идеологема «классовой борьбы» исключала возможность анализа конфигурации фактов, в нее не вмещающихся. В их числе были дружеские и уважительные отношения Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина и И. И. Дмитриева, Г. Р. Державина и В. А. Жуковского, продолжавшиеся до конца жизни Державина и зафиксированные источниками.

На протяжении нескольких десятилетий в советском литературоведении личность Державина трактовалась в противопоставлении литературному обществу Арзамас, при этом не проводилось детального анализа теоретических позиций самого Державина, остались без внимания точки его личного и творческого соприкосновения с кругом Карамзина и арзамасцев. Источники позволяют все это рассмотреть.

В частности, дневники чиновника С. П. Жихарева, начинавшего общественно-литературную деятельность в «Беседе», а затем ставшего наряду с Блудовым и Уваровым одним из основателей «Арзамаса». Жихарев описал своеобразную манеру опеки творческой молодежи Державиным. Юный Жихарев приехал в 1806 г. из Липецка в Петербург. Он вез на суд Г. Р. Державина свою трагедию «Артабан» и передал собственные ощущения — ощущения автора, посвятившего произведение именитому поэту и решившемуся его вручить своему кумиру.

Поскольку Державин покровительствовал молодым людям, проявлявшим хоть какой-то интерес к сочинительству, то он ласково и внимательно отнесся к молодому автору. «Я стал говорить, — пишет Жихарев, — о его сочинениях, многие цитировал целиком; рассказал о знакомстве моем с И. И. Дмитриевым, о его к нему послании...; распространился о некоторых московских литераторах, особенно о Мерзлякове и Жуковском, которые были ему вовсе неизвестны, — словом, сделался чрезвычайно смел».

Гаврила Романович лукавил: через два года, обращаясь к Жуковскому, Державин напишет: «Тебе в наследие, Жуковской! / Я ветху лиру отдаю; / А я над бездной гроба скользкой / Уж преклоня чело стою».

Но для самого Жихарева опека прославленного поэта оказалась неожиданной, и от этого еще более приятной: «Был у Державина — и до сих пор не могу прийти в себя от сердечного восхищения. С именем Державина соединено было все в моем понятии, все, что составляло достоинство человека: вера в Бога, честь, правда, любовь к ближнему, высокий талант и труд бескорыстный... и вот я увидел этого мужа».

Отметим, что у Блудова, хорошо знавшему Державина с детства, в 1806 г. не было чувства благоговения и новизны перед поэтом. Поэзия Державина в 1800-е — первой половине 1810-х гг. утратила для молодых друзей Блудова «значительную долю своего обаяния». Но и перспектива «разъять анатомическим ножом» слог Державина, чтобы увидеть «необыкновенное соединение самых высоких слов с самыми низкими и простыми», Блудова не привлекала. Едва ли он догадывался о самой возможности подобного литературно-критического анализа, мысль о котором принадлежала Н. В. Гоголю и была высказана в литературе позднее.

К 1806 г. уже проявилось разное понимание драматургии и драматической поэзии двумя родственниками Блудова — Державиным и Озеровым. По возрасту и отношению к искусству Блудову был ближе Озеров.

Страсть к театру, господствовавшая в Блудове, по словам Е. П. Ковалевского, с молодости, сближала его с Озеровым. В письме П. А. Вяземскому от 20 февраля 1817 г. Блудов вспоминал: «...пока Озеров скучал в деревне и думал об Эдипе, я приехал в Петербург (1802 г. — И. С.) и вызвал его своими письмами».

Блудов «мог прочесть наизусть целые тирады, почти, почти целые трагедии Озерова и Расина и в этом случае память не изменяла ему до глубокой старости».

Эволюция литературного отношения Блудова к Державину показывает, с одной

стороны, преемственность, а с другой стороны, выявляет новые шаги в понимании задач литературы, характерном для молодого поколения писательского окружения Блудова.

Многое по историческим меркам быстро менялось, прежде всего, статус «сочинительства» и психология отношения к процессу общения знатного и чиновного дворянства с поэтами. В конце XVIII в. «сочинительство», особенно, в тех случаях, когда поэт, соединяя службу и литературную деятельность, не просто писал, но печатал свои стихи и вращался в обществе подобных себе, «в глазах вельможи», как всякий чиновник, «дерзавший пускаться в литературу», презрительно назывался «живописцем» и считался «никуда не годным» для службы.

В начале XIX в. положение стало иным. Суть изменений А. С. Пушкин определил следующим образом: «У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин — дьявольская разница!».

Отметим, не последнюю роль в изменении психологического климата восприятия и отношения к литературе сыграли поэты и литераторы, одновременно являвшиеся представителями бюрократической элиты. Среди них: Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев и А. С. Шишков.

Для Блудова и его молодых современников были очевидны перемены, происшедшие благодаря тем же самым «никуда не годным живописцам». Для них стали особенно привлекательны и общественно значимы организационные формы литературного общения, существовавшие у старшего поколения.

А старшее поколение, в свою очередь, сознавало пределы полученного им в юности образования. Так, Державин написал об этом в одном незаконченном сочинении, которое он начал в 1811 г. для чтения в «Беседе любителей русского слова»: «Недостаток мой исповедую в том, что я был воспитан в то время и в тех пределах империи, когда и куда не проникало еще в полной мере просвещение наук не только на умы народа, но и на то состояние, к которому принадлежу. Нас учили тогда: вере — без катехизиса, языкам — без грамматики, числам и измерению — без доказательств, музыке — без нот и тому подобное. Книг, кроме духовных, почти никаких не читали, откуда бы можно было почерпнуть глубокие и обширные сведения».

Чуждость для Державина литературных вкусов поколения Блудова объяснялась приверженностью старшего поколения литературным принципам XVIII столетия. Грот считал, что следы влияния «писаний Сумарокова и Тредьяковского, читанных Державиным в молодости, никогда не переставали более или менее отражаться на его собственных сочинениях, особенно прозаических».

Литературные вкусы поколения Блудова были более утонченными. «Новое поколение, по словам А. С. Пушкина, воспитанное под влиянием Европейским, час от часу более привыкло к выгодам просвещения». Блудов воспользовался преимуществами, доступными ему в сфере образования, которых не хватало Державину, но при этом он не стал ни поэтом, ни видным литератором. В дипломатический период своей жизни Блудов состоял «при литературе», имел организационный талант, и благодаря этому служил ее истинным представителям, с некоторыми из них поддерживал дружеские отношения в течение жизни.

Но и сам он не был лишен зоркости литературного критика и способностей сатирика, высказывал суждения о назначении и предназначении писателя. Блудов считал, что писатель служит добродетели. И никакой писатель не возьмет на себя «защитение» порока «пред лицом вселенной!» «Обличенный в преступлении порок шествует во тьме, с трепетом, с угрызениями, под личиною притворства. Он

охлаждает писания и унижает дарования», — писал Блудов.

Общение Блудова с Державиным, в том числе и знакомство с его творчеством не прошло для племянника бесследно. Во-первых, круг Державина представлял интеллектуальную и государственную элиту и формировал определенное пространство идей и этики, отношение к государственной службе, монархии, интересам Российской империи, составляя, таким образом, почву для традиции, влияние которой в дальнейшем не всегда в полной мере осознавалось, но в сочетании с которой появлялись ростки нового.

С. С. Уваров вспоминал: «...дом Державина был важным двигателем тогдашней литературной жизни. Если это движение не принесло больших плодов, оно, по крайней мере, свидетельствует об общей в то время, на всех ступенях общества, склонности к занятиям литературным, особенно к поэзии лирической и драматической, — склонности, которую отличала по преимуществу эпоха от Ломоносова до Державина».

А. С. Пушкин считал, что его поколение должно быть благодарно старшему поколению за оживление литературной жизни. Свое письмо А. А. Бестужеву, написанное в начале июня 1825 г. в Михайловском и посланное в Петербург, Пушкин окончил упреком: «...и спасибо не сказал старику Шишкову. Кому же, как не ему обязаны мы нашим оживлением?».

В отношении Блудова к Державину очевидно, что поэзия дяди оказала судьбоносное воздействие на жизненные принципы и стратегии племянника. Особый интерес в этом отношении представляет «Идиллия, сочиненная в Александровском на случай маскарада, бывшего в 1778 году июля 18 дня» с подзаголовком «Подражание г. Геснеру», опубликованная Державиным в «Санкт-Петербургском вестнике» в сентябре 1779 г.

Линия поведения Д. Н. Блудова по отношению к княжне А. А. Щербатовой, ставшей затем его женой, удивительно похожа на ту, которую изобразил в «Идиллии...» Державин, как явление Любви во время празднования 10-летия бракосочетания князя Вяземского с его супругой, урожденной княжной Трубецкой. О сходстве описанной в «Идиллии...» Державиным поэтической ситуации, которую спустя годы Блудов реализовал в своей жизни, свидетельствует переписка супругов Блудовых. Данное наблюдение, сделанное на основе изучения «Идиллии...» Державина и переписки Блудовых, дает основание согласиться с мнением Ю. М. Лотмана о сознательном ориентировании представителей русского дворянства на художественный текст в выстраивании форм обычной, каждодневной деятельности, которые переживались ими эстетически, и признать его справедливым. Таким образом, социально-культурный феномен, когда культурные и поэтические образцы моделировали семейное поведение дворянства, определяя его векторные линии, формировали определенный климат, получил свое развитие в жизни Блудова. Оказав несомненное воспитательное влияние на юного Блудова, поэзия его дяди содействовала укреплению ядра личности самого Дмитрия Николаевича и его отношения к любимой женщине. Формируя определенный образ и настроение, она не препятствовала генезису самой личности Блудова и его семейных представлений.

И, наконец, племянник Державина принадлежал к той же породе «немногих русских людей», что и дядя. Нельзя не согласиться с мнением Я. К. Грота, что «немного было русских людей, которые бы в такой мере, как он (*Державин*, — *И. С.*), умели соединить литературную деятельность с общественной и служебной». Это наблюдение в полной мере относится и к Блудову. В связи с этим влияние Державина на Блудова видится в том, что у поэта Блудов научился быть государственным человеком, и в качестве такового стать памятным «по своей энергии, честности, человечности и гражданскому мужеству».

Блудов, представлявший другое, по сравнению с Державиным поколение, был отмечен уже иным западноевропейским культурным влиянием, в первую очередь, французским. Вместе с тем, в способностях и навыках Державина и Блудова, было

и общее: искусство в составлении разного рода писем, в том числе императрице (у Державина) и императору (у Блудова). Державин, по его словам, «обрабатывал иногда и доклады к престолу», Блудову поручались написание и перевод важнейших государственных бумаг. Блудов хорошо усвоил мысль, неустанно проводимую Державиным о том, что «призвание писателей — развивать и направлять духовную жизнь народа».

Общим для Блудова и Державина было и то, что оба много читали и принадлежали к категории высказывающихся людей. Тот и другой занимались переводами. Державин — литературными, главным образом с немецкого. В литературе встречается выражение «стиль державинской эпохи». Своеобразие ей, безусловно, придавал сам Державин. Для его стиля было характерно дифференцированное употребление форм высокого и среднего стиля (например, «ея» — «ее», «лицем» — «лицом», «душей» — «душой»), характерные лексические, орфоэпические и синтаксические особенности написания, которые отличали литературный язык эпохи.

Оба занимались переводом: Державин — литературным, Блудов — дипломатическим. Поэтому понимание ими задач перевода и подходов к нему, представляет интерес. Как показали новейшие исследования, Державин довольно точно следовал оригиналу, досконально воспроизводя его детали. Он тонко чувствовал стиль оригинала. Об этом свидетельствует достижение Державиным поэтизации при переводе Гердера путем организации текста в небольшие, равновеликие синтаксические единицы. Он не ритмизовал прозу, в этом случае, как делал при переводе идиллий Гесснера.

Блудов по долгу службы переводил дипломатические документы с французского языка на русский и с русского на французский язык. Он наслаждался чтением иностранной литературы в подлиннике. Отечественная, а также немецкая литература, посвященная анализу перевода немецких авторов на славянские языки, и в первую очередь русский, в сочетании и материалами «Собрания бумаг Державина» (ОР РНБ, ф. 247), дали основания А. Койтен говорить о том, что гердеровское понимание античности нашло отклик не только у Державина. Не меньший интерес оно представляло и для арзамасцев, полемизировавших в 1810-е гг. с обществом «Беседа любителей русского слова».

К началу 1980-х гг. в советской науке меняется подход к рассмотрению «принципиальной качественной новизны» взглядов И. Г. Гердера, происходит отход от его противопоставления мыслителям Просвещения. Н. А. Жирмунская обратила внимание на то, что в историческом мышлении Гердера, действительно «со всей очевидностью выступает преодоление существенных сторон просветительской философии истории, преодоление ее ограниченности и механистичности, прежде всего прямолинейного истолкования идеи прогресса. Но при всем том Гердер сохраняет ряд важных моментов, характерных именно для просветительского подхода к истории. В новейшей литературе о Гердере подчеркивается эта связь его с Просвещением». И в то же время Гердер считается бесспорным предшественником великих мыслителей следующего поколения — Гегеля и В. Гумбольта.

Характер интереса к творчеству Гердера (1744–1803), который проявлял его ровесник Державин, будучи всего на год старше немецкого автора, а также представители другой литературной эпохи — арзамасцы, вносит новые оттенки в характеристику положения Державина в русском литературном процессе.

На заседаниях Арзамаса 18 ноября и 16 декабря 1815 г. Д. В. Дашков читал свои переводы «Парамифий» И. Г. Гердера, а их автор получил почетное прозвище «германского арзамасца». Позже Дашков, занимаясь переводами из греческой антологии, позаимствовал название своего сборника у Гердера — «Цветы, выбранные из греческой антологии». По замечанию П. Древса, две эпиграммы Дашкова прямо указывают на гердеровские — «Аякс во гробу» («Ajax im Grabe») и «Союз дружбы» («Bund der Freundschaft»). Почти одновременно с Дашковым к греческой антологии обратились арзамасцы С. С. Уваров и К. Н. Батюшков.

Известно глубокое и продолжительное увлечение Жуковского творчеством Гердера. В 1817 г. Жуковский писал Дашкову о намерении включить «Парамифии» в сборник переводов из «образцовых немецких писателей», но этот проект не был реализован.

Среди литераторов, обращавшихся после Державина к «Парамифиям», был Владимир Карлович Бриммер, пользовавшийся в 1814–1816 гг. поддержкой Державина и переложивший на немецкий язык державинский «Глас Санкт-Петербургского общества...». В 1818 г. в первом томе «Соревнователя просвещения» был опубликован его перевод гердеровской парамифии «Выбор Флоры» («Die Wahl der Flora»). Привлекательным и в глазах Державина, и в глазах арзамасцев выглядел подход Гесснера — все рассматривать с точки зрения «духа своего времени».

Завершая сопоставление общего в литературных вкусах Державина и Блудова, следует отметить, что оба — и дядя, и племянник были способными организаторами условий для проведения литературного досуга поэтами и писателями, составившими золотой фонд отечественной литературы.

Блудову, благодаря Державину, была известна с юности форма небольшого дружеского литературного, хотя и не имевшего названия, общества, поскольку оно являлось средством общения людей, отличавшихся «просвещением, талантами, вкусом, любовью к художествам, к музыке и вообще изящному».

Впоследствии Блудов развивает и совершенствует эту форму, создает вместе с друзьями дружеское литературное общество «Арзамас». Блудову пригодился еще один известный прием: характеристика реальных лиц под вымышленным именем. Он использовался в русской литературе XVIII в., в том числе и Державиным. Поэт называл вымышленным именем императрицу — «Фелицей», а также близких ему людей: «Пленирой» — свою первую жену Е. Я. Бастидонову, а позднее — «Миленой» — свою вторую жену Д. А. Дьякову. Время внесло изменения в стилистику общения. Из моды вышли оды, однако, сам прием, утратив тяжеловесность и патетичность и обретя легкость, изящность и нередко шуточный характер пригодился и применялся в дружеском кругу «Арзамаса», где каждый из членов имел собственное прозвище.

Среди отличий Державина и Блудова следует назвать разный характер их литературной одаренности.

У них были разные сферы приложения способностей и талантов. Державин был поэт. Блудов обладал способностями литературного критика. Мнение Блудова как литературного критика высоко ценилось современниками, в частности В. А. Жуковским. В литературе подчеркивается, что Блудов был «литературно образованным» приятелем Жуковского. Он был ценим поэтом «как критик, вкусу которого Жуковский доверял больше, чем своему». Восторженно характеризуя Жуковского в письме к П. А. Вяземскому в январе 1813 г., К. Н. Батюшков упомянул и Блудова, как человека, способного оценить поэзию Жуковского: «Редкая душа! Редкое дарование! Душа и дарование, которому цену, кроме тебя, меня и Блудова, вряд ли кто знает. Мы должны гордиться Жуковским: он наш, мы его понимаем».

Ал. И. Тургенев характеризовал Блудова как прирожденного литературного критика, обладающего «мастерским пером». Исключение составлял А. С. Пушкин, не питавший к Блудову особой симпатии и скептически относившийся к его мнению. Пушкин не советовал Жуковскому следовать советам Блудова при издании своих произведений. «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. Выбрасывая, уничтожая самовластно, он не исключил из собрания послания к нему — произведения, конечно слабого. Нет, Жуковский *Веселого пути /Я Блудову желаю /Кодревнему Дунаю ИИ (—)*», — написал Пушкин в письме

Жуковскому от 20 апреля 1825 г. Учитывая мнение А. С. Пушкина о том, что «литература кой-какая у нас есть, а критики нет», способности Блудова, в случае их творческой литературной реализации, могли бы оказаться полезными. По мнению П. А. Вяземского, этого не произошло.

Тот ролевой тип, который в среде русских литераторов был определен Блудовым самому себе, в известной степени, базировался на нормах должностного поведения и не позволял ему отдать приоритет занятиям литературой перед служебными обязанностями. Возможно, это объясняет его напряженное психологическое состояние, постоянную неуверенность, которую он испытывал в общении с литераторами, и о которой признался только И. И. Дмитриеву. «Мне всякий раз, — писал Блудов И. И. Дмитриеву, — когда я думаю приняться за перо, приходит на мысль, что эти два слова для вас не имеют никакого интереса — и что письмо мое, несмотря на свой формат и кратость, падет к вам в руки со всей тяжестью официального и пустого отношения».

В определенной мере официальная роль, базирующаяся на нормах должностного поведения (в случае Блудова — чиновника-дипломата), определяла границы сферы возможных для него действий на литературном и переводческом поприще.

Рассмотрение межпоколенческой трансляции ценностей, установок и опыта позволяет обобщить эмпирические наблюдения. Из державинского круга на литературные вкусы Блудова едва ли оказали заметное влияние И. Ф. Богданович (1743–1803), П. Л. Вельяминов (ум. 1805; вступил на военную службу в 1762 г., скорее всего, он был ровесником Державина) и Н. А. Львов (1753–1803). Редко бывал у Державина В. В. Капнист (1757–1823), поскольку он жил в своем поместье Обуховке, где был избран предводителем дворянства Миргородского уезда. В год рождения Д. Н. Блудова (1785) Капнист стал киевским дворянством в губернские предводители.

Из поколения «шестидесятников» наиболее были близки по духу и взглядам Блудову — И. И. Дмитриев (1760–1837), Н. М. Карамзин (1766–1826) и В. А. Озеров (1769–1816). Блудов чаще общался с Дмитриевым и Озеровым. Общение Блудова с современными литераторами носило достаточно интенсивный характер.

Представляет интерес смысловая структура понятия «поколения» применительно к отношениям Д. Н. Блудова со старшими. И, прежде всего, с И. И. Дмитриевым (1760–1837) — государственным деятелем, поэтом и баснописцем, другом Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина, представителем сентиментализма.

Дмитриев был старше Блудова на четверть века и моложе Державина на 17 лет. Почти ровесник Н. М. Карамзина он был старше знаменитого историка всего на шесть лет. По мнению кн. П. А. Вяземского, А. С. Пушкин в VIII главе «Евгения Онегина», «вероятно, имел в виду И. И. Дмитриева»: Тут был в душистых седилах / Старик, по-старому шутивший:/ Отменно тонко и умно, / Что нынче несколько смешно. Манеры конца «осмнадцатого столетия», стиль утонченного остроумия и изысканной вежливости Дмитриев сохранял до конца своей жизни. Безусловно, литературным учителем Блудова наряду с Державиным и Карамзиным был Дмитриев. Как писал В. А. Жуковский, «Дмитриев установил поэтический язык».

Характер сложившихся у Блудова отношений с Дмитриевым, раскрывают письма, хранящиеся в РГАДА, двенадцать из которых опубликованы еще в 1867 г.

До отъезда Блудова в Петербург он мог встречаться с Дмитриевым в Москве. Позднее, в Петербурге, где Дмитриев жил с 1810 г. по 1814 г. Однако поскольку большую часть времени Дмитриев жил в Москве (1799–1819 гг. и 1814–1837 гг.), Блудов мог поддерживать с ним отношения, в основном, по переписке.

В Москве Дмитриев поселился у Красных ворот, вел неторопливую жизнь, общаясь с близкими ему людьми. В их числе были Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Ал. И. Тургенев. По желанию Александра I в 1806 г. Дмитриев вернулся на службу в Московский департамент Сената, а в 1810 г. переехал в Петербург, где был

назначен членом Государственного совета и министром юстиции. Письма отражают пиетет Блудова перед Дмитриевым, а также содержательную сторону их общения.

Дмитриев вел обширную переписку со многими лицами. К Блудову он обращался, главным образом, с просьбой о покупке для себя книг за рубежом. Но Блудову хотелось от их переписки большего. Мешало чувство робости по отношению к Дмитриеву: «О чем же, так думал я, буду писать, какая идея, достойная вас, может выйти из моей бедной головы, обремененной так называемыми текущими делами».

Блудов отдавал себе отчет, что его характер, привычки или как он говорил «странности», давно известны Дмитриеву, которого он в письмах всегда называет «ваше высокопревосходительство». В числе таких «особенностей» или черт своего характера Блудов выделял «боязнь страха быть в тягость», которую он называл «особой нравственной болезнью», томившей его.

Он откровенен с Дмитриевым в отношении повседневной жизни, состояния здоровья и духа, психологических проблем и настроения. Однако в тех случаях, когда Блудов пишет о своих впечатлениях в отношении состояния отечественной словесности, то позволяет себе вводить в письма Дмитриеву элементы литературной критики, на основании которой мы можем в какой-то мере судить о стиле Блудова-критика.

Представляет интерес письмо Блудова из Петербурга от 20 июня 1820, написанное им вскоре после возвращения из Лондона, и отправленное в Москву Дмитриеву. Характеризуя общее состояние современной русской литературы, Блудов находит его «плачевным». Упрекнув Дмитриева в измене музам для юстиции и литературном молчании, а Жуковского в пристрастии к придворной педагогике, Блудов в отношении себя неоднократно использует определение «верный Арзамасец», воспринимающий критику и замечания Дмитриева «с радостью» и «смирением».

Дмитриев был всегда рад возвращению Блудова из заграницы. Блудов же с готовностью выполнял поручения Дмитриева по покупке книг в Европе, в частности Париже. О выполнении или невыполнении поручений старшего друга Блудов сообщал ему, как и о способе отправки книг с оказией, курьером. Дмитрия Николаевича огорчало, что его поручения не всегда выполнялись своевременно и точно. Так, в одном из писем И. И. Дмитриеву, Блудов объяснял, почему «верный Арзамасец», речь шла о Северине, через которого он передавал книги Дмитриеву, воспользовавшись тем, что «Поццо отправлял курьера» (Северина — И. С.), но путь которого в Россию был достаточно долг, через Лондон, не выполнил поручения. Были, впрочем, и вполне удачные случаи доставки книг в Россию «друзьями-арзамасцами», бывшими как и Блудов, дипломатами. Данный канал поступления книг в Россию был удобен и Блудову, и Дмитриеву и был постоянным. Так, «французские покупки» Блудов отправил с Д. В. Дашковым, о чем известно из письма И. И. Дмитриева. Блудову, написанного в Петербурге 16 июля 1813 г. В нем говорится, что бывший тогда советником Русской миссии в Стокгольме Блудов, посылал Дмитриеву европейские издания «политических произведений». Попутно Дмитриев сообщал Блудову текущие литературные, общественно-политические новости. «Орел нашей Поэзии (Г. Р. Державин, — И. С.) от бранного шума направил полет свой к Киевским святым пещерам, которых вид, вероятно, пособит ему подарить нас вместо громкого чем-нибудь умилительным...». Дмитриев имел в виду, что в июне 1813 г. Державин отправился на Украину, а в августе на богомолье в Киев.

Некоторую информацию о круге чтения письма предоставляют. Блудов даже позволял себе давать советы И. И. Дмитриеву, что ему читать, в частности, в 1820 г. рекомендовал почитать Шатобриана. Блудов, видимо некоторым образом влиял на круг чтения. Так, приобретя на книжной выставке в Париже четыре тома записок иезуита аббата Жоржеля, он не отправил в Россию пятый том. Мотивировал же Блудов свой поступок сложившимся у него отношением к прочитанным запискам Жоржеля: «...я, конечно, должен и <...> часть его записок

и реляцию его путешествия; но признаться ли мне эти позднейшие произведения аббата аке-иезуита показались так мало достойны Вашего внимания, что я не захотел даже выписать их из Франции». По настоятельной просьбе Дмитриева позднее Блудов нашел пятый том Жоржеля в одной из лондонских лавок и послал Дмитриеву «через посредничество Капо дистрии».

В свою очередь, от Блудова Дмитриев узнавал о европейских литературных новинках. Служа в Лондоне, Блудов писал об английской поэзии и ее представителях, в частности, друге Байрона — Томасе Муре (1779–1852). Мур был известен как человек, которому были завещаны бумаги и мемуары Байрона, впоследствии им уничтоженные. В письме Дмитриеву из Лондона 6 апреля/25 марта 1820 г. Блудов отзывался о поэтической репутации Мура и том месте, которое ему отводилось соотечественниками на британском романтическом Парнасе: «Как у нас на Руси, в Московском университете удивляются одному Мерзлякову, в Беседе — Шихматову, в доме Оленина — Гнедичу, так и здесь ирландцы с упрямством и запальчивостью ставят всех выше своего земляка Мура, которого мы, „арзамасцы“, могли бы назвать английским Батюшковым; шотландцы готовы сражаться за поэмы, а особенно за романы, в самом деле прекрасные, Вальтер Скотта, как в старину сражались за свою независимость; наконец, англичане, и более других принадлежащие к оппозиции, не позволяют никого сравнивать с лордом Байроном. Вот мнения трех королевств о трех стихотворцах». Однако уже вскоре после отъезда из Лондона в 1822 г. Блудов отзывался о Муре холодно и равнодушно.

Книги, которыми Блудов старался обеспечить Дмитриева, а также посылка Дмитриевым своих произведений Блудову вносили в их общение важную для Блудова содержательную сторону. Этот канал общения иногда давал сбои, продолжительные во времени. Так, когда Блудов и Дмитриев находились в разных городах, а чаще и в разных странах, книги пересылались с помощью посредников. Иногда посылки находили адресатов много лет спустя. Так произошло с книгой Дмитриева «Литература родимая».

Отправленная автором в 1803 г. еще 18-летнему Блудову, она была получена тридцатипятилетним дипломатом, вернувшимся в Россию из Англии. Блудов по-иному уже воспринимал жизнь, по-другому видел в ней роль литературных процессов и многое др. Посредником в передаче книги был Александр И. Тургенев.

В начале XIX в. на общественно-литературные процессы и жизнь русского общества оказывал большое влияние театр. Немалая заслуга в усилении интереса к театру принадлежала двоюродному брату Блудова по матери — драматургу, поэту и трагику В. А. Озерову.

Его влияние на Блудова было иным, чем Державина. Заметим, что Озеров не входил в ближайшее литературное окружение Державина, а озеровское поколение «шестидесятников» принципиально отличалось от державинского поколения 1740-х гг. Тем не менее, общение было. В письме, написанном Державиным Озерову в 1804 г., он упомянул о литературном обществе, которое формируется около него после смерти Н. А. Львова в 1803 г. А. С. Стурдза, вспоминая Беседу Любителей Русского слова и Арзамас, отметил Озерова в числе тех, кто кроме Державина заседал за столом «Беседы».

Рассмотрение взаимоотношений Блудова и Озерова представляется важным для понимания содержания инновационных процессов, набравших силу в русском литературном процессе и связанными с ним общественно-литературными движениями. Сам характер влияния драматургии и театральной деятельности Озерова на литературную жизнь Блудова во многом формировал потенциал тех новаций, которые были связаны с «Арзамасом». Непосредственный контакт Блудова с Озеровым был несравненно более тесным, чем с Державиным.

По словам Е. П. Ковалевского мать Блудова «поручила» своего сына в Петербурге В. А. Озерову. Иным было мнение по этому вопросу Блудова, который считал себя уже самостоятельным, но жил какое-то время у Озерова. Для нас важнее

рассмотреть отношение Блудова к творчеству Озерова, понимание Дмитрием Николаевичем процесса развития своего кузена — драматурга-сентименталиста, и блудовскую оценку роли трагика Озерова в общественно-литературной жизни современной им России. Свои суждения об Озерове Блудов подробно высказал в переписке с П. А. Вяземским в 1816-1817 гг., когда речь шла о написании статьи, посвященной, к тому времени уже умершему Озерову. По этическим соображениям Блудов хотел, чтобы статью об Озерове писал Вяземский, не связанный с ним родственными узами. Поскольку Вяземский не знал Озерова лично, написание статьи затянулось, по поводу чего ему неоднократно пенял в своих письмах Блудов. Тем не менее, она все же была написана Вяземским. Важную информацию об Озерове Блудов сообщил Я. К. Гроту. Кроме того, рассказы Озерова Блудову, со слов Блудова, записал историк П. И. Бартенев.

Блудов был убежден, что «соединенные некоторым общим союзом, искусства подают себе взаимную помощь». Литературный синтез поэзии и театра, увлечение русского общества эпохи войн с Наполеоном драматическим искусством, делало Озерова общественно-значимой фигурой своего времени. По мнению С. С. Уварова, «полнозвучные стихи Озерова, прекрасно произнесенные, производили сильное впечатление» и в 1807 г., и в середине XIX в.

Лаконичный ответ Блудова на вопрос академика Грота, в каком году родился Озеров, «в один год с Наполеоном», Грот напечатал, потому что он показался историку литературы знаменательным. Престарелый в момент беседы с Гротом, уже вышедший в министры и графы, литератор Блудов назвал не только дату, но выделил нечто важное в озеровском поколении. Блудов определил Озерова как человека наполеоновской эпохи, человека, перед которым простирался тот же самый отрезок исторического времени, что и перед Наполеоном.

«Их поколение употребило свои десять-пятнадцать лет, которые всякий раз даются молодым людям, чтобы совершить то, чего не делали до них и не сделают после», — такой комментарий к ответу Блудова о своем двоюродном брате дал автор монографического исследования об Озерове М. А. Гордин. Более важным представляется понять, как распорядились своей жизнью представители этого поколения.

Блудов писал Вяземскому, что Озеров был *учеником* Княжнина более в отношении к слогу. Уже план его первой трагедии «Ярополк и Олег» (1798), «как ни слаб, но оказывает более таланта и искусства, нежели все трагедии Княжнина и Сумарокова».

По определению Уварова, выступление «на поприще» литературного «действия» Карамзина и Дмитриева и наравне с ними «трагедии Озерова составляли явления современности», благодаря им «уже занялась заря нового литературного дня».

Блудов помогал Озерову в реализации его творческих планов. Озеров обратился с просьбой Блудову в письме от 14 ноября 1804 г. о проведении переговоров с директорами московских театров на предмет постановки его пьес. Речь шла о постановке на московской сцене первой трагедии Озерова «Эдип в Афинах».

По свидетельству Уварова, чтение Озеровым рукописи «Эдип в Афинах» произошло в доме Оленина, «постоянно открытом для немногих». Озеров был близким приятелем Оленина. В числе «коротких приятелей» семейства Олениных с юности были также Блудов и Уваров. Там же у Олениных были и первые репетиции этой трагедии. Характеризуя гостиную Олениных тех лет, Уваров вспоминал: «Невзирая на грозные события, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла главного предмета разговора — она всегда уступала место литературе. Здесь нельзя не заметить, что не только у нас, но и вообще во всей Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словесности и склонность к мирным умственным занятиям именно в то время, когда потрясение всех начал гражданского порядка и дух воинских предприятий колебали все государства, стоявшие на краю гибели».

Премьера трагедии Озерова «Эдип в Афинах» в Петербурге состоялась 23 ноября 1804 г. (Я. К. Грот называет 24 ноября). По мнению современников, «много способствовал также успеху этой пьесы первый дебют молоденькой актрисы Семеновой» в роли Антигоны, которая собственно и писалась для нее по этому случаю. Я. Е. Шушерин играл Эдипа, А. С. Яковлев — Тезея.

В драматургии Озерова наметилось новое отношение к античности и античному миру, позднее усиленное в драматургии П. А. Катениным.

Драматургия создателя «русской псевдоромантической трагедии» Озерова оценивается критиками как «чувствительная мелодрама».

А. В. Архипова характеризовала Озерова как «ортодоксально настроенного русского драматурга начала XIX в.» По ее мнению, Озеров пытался внушить зрителю и читателю (поскольку трагедии печатались), в первую очередь, «государственный интерес». Он выстраивал свои трагедии таким образом, чтобы внешняя необходимость воспринималась личностью как благо, а дело этой личности, согласно драматургической логике Озерова, непременно должно было увенчаться успехом. Таким образом, у зрителя оставалось чувство, что судьба по отношению к герою может сложиться вполне счастливо. Особенность пьес Озерова заключалась в том, что напряженность драматического действия часто восполнялась «тяготением к внешней эффектности театрального спектакля, пришедшей на смену суровому аскетизму классицистической трагедии».

Озеров внес ряд новшеств в театральное дело, в частности, отказался «от единства места» (декорации меняются в каждом акте). Он ввел большое количество дивертисментных эпизодов — битв, шествий, танцев, появления таинственных духов, сопровождаемых световыми и звуковыми эффектами. В сюжете и образах драмы Озеров усилил «чувствительный» элемент. Сама возможность «благополучного» разрешения конфликта, заложенная в трагедии классицизма, хотя и не всегда в ней реализовалась, широко использовалась Озеровым, и для современников оказалась привлекательной. Русская публика, отвыкшая посещать русский театр, приняла трагедию «Эдип в Афинах» «с таким восторгом, какому давно не было примера». Высшее общество стало ездить на представления «Эдипа».

Я. К. Грот передал содержание разговора, состоявшегося у Державина с Александром I во дворце в Екатеринин день (7 декабря — И. С.). Император спросил, был ли он накануне в театре на первом представлении трагедии Озерова «Эдип в Афинах» и как ему эта трагедия понравилась. «Я и прочие, — говорит Державин в записке к Оленину, — ответствовали, что очень хороша, а он отозвался, что непременно поедет ее смотреть».

С этой пьесой были связаны два обстоятельства. Во-первых, разрыв отношений двух родственников Блудова — Державина и Озерова, конфликт, не оставивший в стороне и Блудова, а во-вторых, появление новых моментов в литературном процессе.

Конфликтная линия получила развитие в переписке родственников. В 1804 г. Озеров издал трагедию «Эдип в Афинах» и сопроводил издание посвящением Державину. В сопроводительном к изданной книге письме, адресованном Державину, Озеров восхвалял его, называя «единственным соперником Ломоносова». Державин ответил родственнику также достаточно напыщенным благодарственным письмом и стихотворным посланием «Г-ну Озерову на приписание „Эдипа“».

Смысл письма Державина заключался в его объяснительной части о причинах задержки с ответом. Эту задержку Державин аргументировал тем, что хотел присоединить к ответу замечания «некоторого общества приятелей, которое предприняв рассмотреть сие творение, думало приметить несравненные красоты его и некоторые погрешности». Заметим, что упоминаемое Державиным общество приятелей состояло из последователей А. С. Шишкова, составивших спустя

несколько лет «Беседу», в противостоянии которой и появился «Арзамас».

«Маленькие замечания», которые были высказаны Державиным от имени общества приятелей, содержали в себе серьезную критику трагедии Озерова «Эдип». Еще больше недостатков Державин нашел в трагедии Озерова «Дмитрий Донской», имевшей шумный успех в начале 1807 г. Державин был возмущен тем, что герой новой трагедии Озерова — Дмитрий Донской был весьма далек от исторического прототипа, а факты, изложенные в пьесе Озеровым, были очень условно связаны с событиями Куликовской битвы.

Однако состоявшаяся 14-го января 1807 г. премьера была успешной. Два дня спустя после премьеры С. П. Жихарев сделал запись в дневнике: «„Дмитрий Донской“ наделал такого шума, что только о нем и говорят. При первой встрече с кем-нибудь из знакомых можешь быть уверен, что встретишь и вопрос: „Что, видели ли Донского?“ А каков Яковлев? Озеров Озеровым — но мне кажется, что Яковлев в событии представления играет первую роль». И по прошествии нескольких десятилетий А. С. Стурдза восторженно описывал свое впечатление: «Я никогда не забуду всеобщего восторга, произведенного в столице представлением „Дмитрия Донского“ сперва в Эрмитаже, потом и на Большом театре».

В современной научной исторической литературе успех пьесы связывают с возможностью для публики выразить в театре недовольство заключенным Тильзитским миром. «В императорских театрах, — пишет Н. А. Троицкий, — публика устраивала овации на представлении трагедии В. А. Озерова „Дмитрий Донской“, когда в ответ на предложение заключить мир с Мамаем Дмитрий произносил слова: *Ах, лучше смерть в бою, / Чем мир принять бесчестный!*». Широко распространенное патриотическое настроение Троицкий передал, апеллируя к А. С. Пушкину: «Само слово „Тильзит“, как заметит А. С. Пушкин, стало „обидным звуком“ для русского уха».

Однако поскольку Тильзитский мир был подписан 25 июня (9июля) 1807 г., т. е. через полгода после премьеры «Дмитрия Донского» Озерова, речь могла идти о патриотическом настроении и готовности защищать родину безотносительно к тильзитскому договору. По свидетельству С. П. Жихарева, особенное впечатление произвели стихи Озерова: «Прославь, и утверди, и возвеличь Россию, / Как прах земной сотри врагов кичливых выю, / Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог: / Языки! Ведайте: велик российский Бог!». Однако последовавшие уже после 25 июня 1807 г. представления «Дмитрия Донского» позволяли публике выразить свое недовольство подписанным Александром I с Наполеоном соглашением в Тильзите.

Таким образом, успех трагедии объяснялся главным образом ее патриотическим содержанием, больше ориентированным на современные, чем исторические события и прекрасной игрой актера А. С. Яковлева.

Новая трагедия Озерова не понравилась Державину недостоверностью исторического материала. Свое мнение он высказал при дворе, после чего отношения между двумя известными родственниками Блудова расстроились. Последовала эскалация конфликта, который получил общественный резонанс.

Прекратив знакомство с Державиным, Озеров приписывал критику своей драматургии поэтом — его зависти. В свою очередь, решив «прочитать» трагика-Озерова, лирик-Державин начал сам писать трагедии, перечень которых быстро рос. Однако, по мнению Я. К. Грота, вступление Державина на поприще драматической поэзии, несмотря на его «изумительную производительность», была заблуждением.

Судя по всему, Блудову не пришлось выбирать между родственниками. Пониманию его позиции помогает выявленная в современной литературе «арзамаская мифологизация фигуры В. А. Озерова», т. е. своеобразное арзамаское «житие» Озерова, основные черты которого сложились за шесть-восемь лет до его смерти, последовавшей в 1816 г., т. е. в 1808 (1810) — 1810 гг.

В речи «Кассандры» на заседании Арзамаса 16 декабря 1815 г. Блудов представил проделанный им путь следующим образом: «...моя молодость протекла и исчезла среди Беседы и Академии; давно грызет мое сердце змея безвременной заботливости, и часто на пепле враждебной Трои я помышлял об опасностях Греции. Но сия заботливость не будет на пользу Арзамасу». Арзамасские друзья ставили Блудову в заслугу, что он нанес «первый удар сопернику слонов персидских Шутовскому» (т. е. Шаховскому, — И. С.) своей эпиграммой. Блудов, безусловно, обладал определенными способностями сатирика. По наблюдению Е. П. Ковалевского, ему стоило большого труда особенно в молодости «совладать со своим характером, чрезвычайно пылким. Его быстрый, острый ум нередко увлекал его к возражениям метким и колким, навлекавшим ему вражду людей».

Шаховской средствами драматургии и театрального представления начинал общественно-литературные атаки в 1807 г. на В. А. Озерова, Н. М. Карамзина, а в 1815 г. на В. А. Жуковского, которые вызвали широкий резонанс и противодействие. Играя роль «раздражителя» и тем самым активизируя литературные движения, комедиограф Шаховской сам вызывал насмешки. По словам А. С. Пушкина, даже А. С. Шишков и В. И. Бакунина, близкий друг А. А. Шаховского и сестра злейшего врага карамзинистов П. И. Голеницева-Кутузова несколько позднее в 1815 г. увенчали кн. Шаховского «лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием „Венчание Шутовского“». В лицейском дневнике 28 ноября 1815 г. А. С. Пушкин записал понравившиеся ему своей веселостью строки: «Он злой Карамзина гонитель, / Гроза Баллад; / В беседе добрый усыпитель, / Хлыстову брат. / И враг талантов записной! / Хвала, (хвала тебе, о, Шутовской!)».

Блудов оказывался неизменно в среде тех, кто противостоял Шаховскому. В письме П. А. Вяземскому от 27 февраля 1812 г. К. Н. Батюшков рассказывает о чтении 23 февраля на 7-м заседании «Беседы» Шаховским его новой поэмы «Расхищенные шубы», в которой «досталось... всем честным людям» — В. Л. Пушкину, Д. Н. Блудову и Н. М. Карамзину. М. Л. Майофис обратила внимание на то, что в первой, не дошедшей до нас редакции поэмы Шаховской, если верить Батюшкову, упрекал Блудова в том, что он ничего, кроме «*Mercuride France*», не читает.

О характере воздействия на Озерова, с одной стороны, А. А. Шаховского, а с другой — арзамасцев, в источниках и литературе высказываются разные точки зрения. Так, «сколько припомню, — писал арзамасец Вигель, — ...в пособиях, которыми дотоле Шаховской так щедро наделял его, как сказывали мне, стал он вдруг ему отказывать и, напротив, сколько мог, во всем начал ставить ему препятствия». В литературе отмечалось, что Блудов и круг его общения — арзамасцы-карамзинисты достаточно быстро стали оказывать влияние на прижизненную, а затем и посмертную судьбу творчества Озерова и его имя. В названной мифологизации оказались «изоморфны», т. е. сходны по форме и свойствам, и тесно связаны между собой два процесса: практический и внутри литературный. Если первый решал задачи литературной политики и борьбы, то второй был процессом творческим и формировал «модели отношений поэта и читателя».

Введенные гартуским филологом Д. А. Ивановым в научный оборот результаты своего исследования показали, что Владислав Озеров уже в начале драматургической карьеры получил в России «титул» и драматургический статус «русского Расина», одновременно став заложником образа французского драматурга. Его ближайшее окружение, критики и он сам якобы «проецировали» биографию и творчество русского драматурга на Расина. На Расине воспитывался Блудов. Трагическую впоследствии роль в жизни Озерова сыграла проекция одного из центральных эпизодов литературного пути французского драматурга на современность и личность Озерова, а именно: попытка обыграть в новых условиях старый сюжет: провал знаменитой трагедии Расина «Федра» и его конфликт с коллегой — Жаком Праноном.

Факт написания Озеровым в 1809 г. текста трагедии «Поликсены», авторское требование вернуть ему ее текст и прекратить представление в Петербурге, а также последовавший за этим уход драматурга из литературы — очевидны.

Д. А. Иванов высказал предположение, на которое опирается и М. Л. Майофис о том, что все это было сознательно продумано и разыграно как попытка повторения или выстраивание той же линии событий, как в свое время тех, что были связаны с опалой Расина.

По мнению Иванова, конфликт Расина и Прудона традиционно осмысливался как противостояние таланта и завистника и стал нарицательным после «постановки» Озерова на роль «русского Расина». После этого следовало найти кандидата на место «русского Прудона». Стараниями кружка А. Н. Оленина, а затем и арзамасцев (среди которых был и Д. Н. Блудов — *И. С.*) его место занял кн. Шаховской.

Мотивы обмана, зависти и подлости Шаховского «открыл и наиболее последовательно эксплуатировал в своем творчестве и переписке К. Н. Батюшков». В литературе обращено внимание на то обстоятельство, что до 1812 г. в рассказах об Озерове «существуют только образы таланта и невежественных читателей». Новый элемент внесло послание П. А. Вяземского «К Жуковскому», в котором «впервые на место „русского Прудона“ был поставлен А. А. Шаховской: здесь находим уже совершенно прозрачный намек на завистничество автора „Деборы“, но, ни слова — о его вине в болезни и уходе Озерова из литературы».

В жизни Озерова трагедия «Поликсена» стала последней, а его судьба в последующие семь лет до смерти, сложились трагически, что, впрочем, также было использовано будущим арзамасским кругом в своих интересах. Так, в конкретно исторической цепи событий использование имени Озерова в литературном контексте явилось средством литературной борьбы. Причиной умопомешательства В. А. Озерова арзамасцы называли А. А. Шаховского и его козни. Высказанные ими обвинения в адрес Шаховского, в свою очередь, имели в качестве следствия активизацию литературного противостояния арзамасцев и их противников.

Мы согласимся с мнением о том, что жизнь нарративного образа Озерова после 1809 г. уже не зависела от самого драматурга (к этому времени он был болен). Но на него едва ли мог оказывать влияние постоянно находившийся с осени 1812 г. за рубежом Д. Н. Блудов. Более активной, по сравнению с Блудовым, была роль, которую сыграли по отношению к Озерову жившие в России арзамасцы. К. Н. Батюшков включил имя В. А. Озерова в галерею лиц «эпохи Карамзина», чье творчество, по его мнению, составляло лицо эпохи, наряду с Хемницером, Крыловым, Жуковским и... Муравьевым.

Дипломатическая практика Блудова скорректировала круг его литературного общения. По тонкому определению В. Н. Топорова, Ан. И. Тургенев — старший брат Ал. И. Тургенева принадлежал к поколению Андрея Болконского и Пьера Безухова. Собственно, к этому поколению принадлежали также Д. Н. Блудов, В. А. Жуковский, Д. В. Дашков и Ал. И. Тургенев. Это поколение в лице его мыслящих и литературно одаренных представителей в большей или меньшей степени, но, тем не менее, остро, трагично и быстро переживали «драму становления, создания новой эпохи».

«Лиц, достойных замечания», собрал в своих Записках А. С. Пушкин. В пушкинской галерее мы видим Блудова в кругу Ал. И. Тургенева, В. Л. Пушкина, И. И. Дмитриева, Д. В. Дашкова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, Александра I и других современников. Составляя программу Записок, Пушкин прописал их план. Намечая будущее описание 1811 г., он посчитал необходимым отметить: «Дядя В(асилий) Л(ьвович). — Дм(итриев). Даш(ков). Блуд(ов)».

Место Блудова среди литераторов, хотя он и не был поэтом, определялось его способностями к литературной критике, активным участием в литературной борьбе, благодаря сатирическому выражению мнения карамзинистов, острие которого направлялось им против «Беседы». Кроме того, он был талантливым организатором и коммуникатором. Поддерживая связи с литераторами, Блудов любил литературу и писателей, следил за новинками. То уважение, которым он

пользовался у отечественных и иностранных (Шатобриана, г-жи де Сталь) писателей, объясняется глубокой любовью Блудова к русской литературе и его прекрасным знанием иностранной, прежде всего, французской литературы.

Служа за границей, Блудов общался с зарубежными литераторами. Особую роль играло его общение с мадам де Сталь. Он познакомился с нею в Стокгольме, куда французская писательница переехала из Петербурга после нападения Наполеона на Россию. Воспитателем сыновей мадам де Сталь был немецкий писатель Вильгельм Шлегер. В Стокгольме литературное общение с де Сталь и Шлегером у Блудова было почти ежедневным. По оценке А. С. Пушкина, мадам де Сталь «удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Байрон своей дружбы, Европа своего уважения...».

В бытность Блудова поверенным в делах английского посольства в Лондоне, он печатался в английских журналах. Д. Н. Блудов был одним из первых русских, кто писал о Байроне и его «Дон-Жуане» в Россию. О Байроне в России узнали не ранее 1818 г., когда о нем в Петербург из Лондона писал Блудов, из Италии — К. Н. Батюшков, из Варшавы — П. А. Вяземский.

Широкие слои русского общества не скрывали своей неудовлетворенности уклончивой политикой русского правительства в греческом вопросе. Это недовольство давало себя знать и в среде русских дипломатов. В «Воспоминаниях» А. Д. Блудовой (1812–1891), дочери Дмитрия Николаевича, встречаются отзвуки впечатлений, которые были получены ею в доме отца в то время, когда Блудов служил за границей по Министерству иностранных дел. В них отчетливо проявились отношения Блудова, друга Каподистрии, к Байрону. «Около этого времени, — пишет Блудова, еще один из наших близких сердцу, хотя не виданных в глаза друзей, принял деятельное участие, почти стал во главе греческого дела. Это был лорд Байрон <...> Childe Harold, лично участвовавший в восстании, еще более придал поэзии войне. Все это слышала я за обедом у нас. Со страстностью, на которую уже потом я не была способна, ловила я всякое известие, слушала все рассуждения *больших* и, улегшись в постель вечером, долго не засыпала, воображая сражения и схватки, опасности и горе, труды гречанок, старающихся доставить пищу или порох мужьям и братьям <...>. Так прошли 1823 г. и начало 1824 г., когда вдруг было получено известие о его смерти <...>. Помню хорошо грустное впечатление этой вести на отца моего. Он никогда не разделял мнения о Байроне, господствующего в английском обществе, именно в то время, когда мы приехали в Лондон; но отец мой вообще почитал *священный огонь* в поэзии за святое начало, и к великим двигателям мысли относился с великой любовью <...>. Итак, я не была воспитана в страхе лорда Байрона как какого-то демона, и у меня до сих пор хранится маленький томик избранных отрывков из Байрона, подаренный мне в детстве...».

Блудов сообщал своим друзьям по Арзамасу новинки английской литературы. В Англии бывали «арзасцы»-дипломаты Д. П. Северин и П. И. Полетика. В 1814 г. «туманный Альбион» посетил К. Н. Батюшков, бывал там А. И. Тургенев. Они приобретали рукописи, с которыми потом можно было познакомиться в России: Вяземский — байроновские, Д. В. Давыдов — переписку Вальтера Скотта.

Характер общения и сферы занятий (литературных и дипломатических) оказывали самое непосредственное влияние на эволюцию отношения Блудова к более старшим поколениям, помогая ему выработать собственную позицию, в частности в области литературы и оценки творчества своих известных родственников — Г. Р. Державина и В. А. Озерова. В период увлечения Блудова литературой и создания общества «Арзамас» (1815), его 30-тилетнего, и 72-летнего Державина (1843–1816) разделяло многое, это было вызвано не только возрастными границами. Редкое пребывание Блудова в России и более постоянное нахождение за рубежом, необходимость которого определялась несением им дипломатической службы, с одной стороны, привносило ему дополнительное знание европейских политических и литературных реалий, а с другой, кристаллизовало представления о своей стране и стоявших перед нею задачах.

Развитие и рост влияния Блудова на общественно-литературную жизнь влияли на характер его отношений с окружавшими его людьми. По своей природе и человеческим качествам Блудов был предрасположен к мягкому, тактичному, но твердому проведению своей линии, что нашло проявление в его деятельности, как на дипломатическом, так и общественно-литературном поприще.

Блудов признавал большой нереализованный потенциал «благодетельного действия» искусства и словесности для государственного развития в условиях европейской безопасности. Он говорил о прямой связи между укреплением государственности и развитием науки, литературы и искусства. Блудов писал: «...удобно приметить можно, что основания новейших государств получили последнее свое утверждение от разливания общего Просвещения, когда учения, науки, искусства сообщили вежливость народам и образовали разумы особ, призванных ко управлению оными». Одновременно он подчеркивал, что «признав сие благотворное действие искусств и словесности, мудрое правительство обращает на них промыслительное око, не полагая оскорбительных уз на мысль, вольную по существу своему, предоставляя себе направлять и умерять парение ее справедливым воздаянием хвалы или порицанием». Вместе с тем, «общество, которого вкус приобретет более нежности, от самого Просвещения... прилепиться будет к одному прекрасному и отринет все, что не достигнуто и не приблизилось к сей мете».

Культурная среда, непосредственно сформировавшая Блудова и окружавшая его, оказывала самое непосредственное воздействие на становление его личности и ценностных установок, во многом сопряженных с приоритетами Просвещения. Особую атмосферу в конце XVIII-начале XIX вв. формировали талантливые поэты и литераторы, которые расширяли и насыщали культурное пространство России новыми людьми, новыми идеями и настроениями. Их и впитывало молодое поколение, к которому принадлежал Блудов.

§ 2. Роль Д. Н. Блудова в формировании культурного пространства общественно-литературной жизни Петербурга в 1815-1818 гг

Как известно, идея Арзамасского общества безвестных людей (далее в тексте: АОБЛ) или «Арзамаса», а также самого названия общества принадлежала Д. Н. Блудову. В 1815–1818 гг. он не пропустил ни одного заседания общества, и в этом был уникален, в течение этих лет многое сделал для создания и работы общества.

Тема «Блудов, „Арзамас“ и арзамасцы» и тема «Блудов в „Арзамасе“» в литературе оказалась не достаточно прописанной, несмотря на то, что история Арзамасского общества безвестных людей (АОБЛ) или «Арзамаса», круга или кружка друзей-литераторов, занимавшего сатирически-наступательную позицию в битвах на «литературном Парнасе», неизменно привлекала и привлекает к себе внимание исследователей. Вклад «Арзамаса» и арзамасцев в историю русской литературы удостоен аналитических статей в информационносправочных изданиях. В них подчеркиваются усилия «карамзинского» направления в литературе по борьбе с «шишковистами», объединившимися в «Беседе любителей русского слова» и Российской академии.

Литературному обществу «Арзамас» давались противоположные оценки, по-разному расставлялись акценты. Диапазон подходов достаточно широк: от литературного общества «пушкинской поры» до литературного союза друзей Жуковского; от литературоведческой проблематики до постановки вопроса о выявлении «социального лица» арзамасцев, решения проблемы «типа сознания», «стиля мышления» участников «Арзамаса» и рассмотрения онтологического единства представлений столь разных людей, это общество составлявших; от размышлений о влиянии «официальной роли», играемой арзамасцами в жизни, на литературно-общественные процессы своего времени до рассмотрения бытовой повседневности и ее характеристики.

Несмотря на все разнообразие арзамаской тематики, она строго иерархична. Культура преобладает в «Арзамасе» над бытом, хотя и быт оказывает свое влияние на общество и его членов («Их Превосходительств»). Внутренняя убежденность над внешними связями и обстоятельствами. Несмотря на всю театральность и ритуализацию арзамаских заседаний, духовное начало господствует у арзамасцев над началом материальным.

Предметом штудий современных авторов стало рассмотрение личностной перспективы жизни и деятельности членов общества, видимого ими в «Арзамасе» (или в контексте «Арзамаса») сочетания литературных и жизненных интересов.

В последнее время законное место в историографии вернула себе сфера досуга. С учетом многозначности языка как знаковой системы современные культурологи стали рассматривать особенности и эволюцию словоупотребления понятия «праздность». Современные исследователи считают, что «среди дворян потребность в учреждении типа клубов возникла естественным путем, как результат развития их самосознания и культуры».

Изучение языковых и литературных явлений имеет важное значение в качестве индикатора разномасштабных сдвигов в сознании, социокультурной и конкретной исторической культурно-литературной реальности. В этом отношении заслуживает внимания опыт проведения досуга членами литературного общества «Арзамас», у истоков которого стоял Блудов. В отсутствие на заседаниях «Арзамаса» его постоянного секретаря общества В. А. Жуковского Дмитрий Николаевич написал семь протоколов общества.

Для нас важны обстоятельства встречи в Петербурге дипломата Блудова с друзьями и знакомыми, которые составили ядро «Арзамаса». Она произошла после его многолетней службы за рубежом и стала целым процессом, превратилась и оформилась в явление.

Дмитрий Николаевич возвратился в Петербург по завершении работы конгресса Священного союза в Вене в апреле 1815 г. Соскучившись по России и друзьям, он направил всю свою энергию еще молодого человека на общение с друзьями и участие в создании литературного общества «Арзамас», стал одним из его основателей.

За годы пребывания за границей у Блудова накопилась громадная потребность в духовном товарищеском общении с близкими его сердцу друзьями-литераторами. За рубежом, в Англии и во Франции он познакомился с опытом клубной культуры, формами проведения досуга в небольших объединениях, однородных по составу участников, которые создавались для общения и отдыха на добровольной и постоянной основе. Развитие клубной жизни было связано с развитием литературы и усилением роли периодической печати в общественной жизни. Они оказались популярной площадкой, где удовлетворялись потребности читающей публики в обсуждении вопросов, поднимаемых в печати и литературе. Поток печатной продукции давал пищу для клубных разговоров. Начиная с XVIII в., клубная культура, особенно в Англии, переживала подъем. Блудов знал западноевропейскую культуру клубов. Но она осталась ему чуждой.

Гораздо ближе для него была отечественная традиция, в которой он рос и жил с юности, проведения эмоционально и интеллектуально насыщенного литературного досуга общим союзом «людей государственных» и не служивших поэтов и писателей.

В период создания «Арзамаса» в окружении Блудова самым ярким поэтом был Жуковский. Клубная западноевропейская культура не подходила сознанию ни Блудова, ни Уварова, ни тем более Жуковского. Некоторые идеи, спародировав их и изменив содержание, организаторы «Арзамаса» взяли у французской академии, как например, «надгробную» речь при вступлении в общество, о чем будет сказано ниже.

На первый план в «Арзамасе» вышла иная роль — дружеской организации литературно-интеллектуального шуточного досуга. Соответствующим образом был придуман театрализованный ритуал вступления в общество с элементами маскарадной символики (колпак, чернильница-«гроб» и пр.), определен игровой характер общения. Шуточный характер не был безобидным. Арзамасцы развернули борьбу с другим обществом «Беседой», Г. Р. Державиным и А. С. Шишковым. Специфика стиля арзамасцев в этой литературной борьбе стала их демонстративная приверженность пародии, эпиграмме, насмешке и иронии. Первоначально весь пафос «Арзамаса» был направлен на острословие и сатиру против «Беседы». С кончиной в 1816 г. Г. Р. Державина, общество исчерпало питательную среду и первоначальный смысл своих заседаний. Обществу следовало обрести некий новый смысл. На завершающей стадии существования «Арзамаса» был написан устав общества или законы АОБЛ, придавшие обществу иной характер.

В уставе определялось максимальное количество избранных членов общества, «назначенных единогласием всех находящихся в России избранных арзамасцев» — не более 25-ти. Количество «природных членов» устав не ограничивал. Их назначали «всеобщим уважением Арзамаса» и приглашали участвовать «в рассуждениях и трудах Арзамаса».

Устав писался в условиях, когда общество переживало кризис. После вступления в общество в 1817 г. новых членов, впоследствии известных предстателей движения декабристов: М. Ф. Орлова, Н. М. Муравьева и Н. И. Тургенева — общество стало идеологически неоднородным. Но если общее число его членов выросло, то заседания, как и прежде, обычно посещало шесть-восемь человек, и судя по протоколам, редко присутствовавших было больше.

Блудов выделял серьезные негативные последствия вступления в общество Орлова. Его рассказ записал Я. К. Грот: «В 1818 г. Орлов хотел завлечь Арзамасское общество в свои якобинские идеи; в замысел его проникнули и, чтобы удалить его,

решились дать Арзамаскому обществу более серьезное направление и издавать в нем журнал. Однако ж план этот не состоялся, и общество рушилось».

У Блудова было совершенно определенное понимание характера «Арзамаса». Он был убежден в необходимости существования неполитической формы проведения досуга, отвечающей потребностям литературно образованного и интеллектуально требовательного, избранного мужского круга дворянского общества. Женщин на заседаниях ни «Арзамаса», ни «Беседы» не было. Данное обстоятельство отличало литературные общества от литературных салонов, один из которых уже позднее, в царствование императора Николая I собирался и у Блудова. В нем важную роль играла его дочь Антонина Дмитриевна.

В случае с «Арзамасом» речь шла о камерном характере литературного досуга, который, благодаря высокому уровню культуры арзамасцев, до поры до времени наполнялся ярко и весело. По существу это было закрытое литературное общество, в которое сначала принимали только друзей, поклявшихся в обожании Карамзина и ненависти к Шишкову.

Степень участия Блудова во вновь созданной оригинальной форме литературного общения, каковой стал «Арзамас», во многом определялась его личными свойствами. Авторитет среди друзей «Кассандры»-Блудова был высоким.

Так, П. А. Вяземский, который в середине 1810-х гг. «благоговел» перед «проницательностью» Блудова, называл его «пророком истинного вкуса».

В. А. Жуковский после своего возвращения 24 декабря 1816 г. к обязанностям секретаря «Арзамаса», которые в его отсутствие выполнял Блудов, произнес лестную «Речь», адресованную Кассандре: «С горем пополам принимаю обратно от вашего превосходительства священное звание секретаря Арзамаса. Вы были его украшением, и я чувствую в смиренности духа всю негодность мою в сравнении с вами, превосходительный друг Кассандра». Умение произнесения речей, остроумие Блудова и его способности к инсценировке ценили арзамасцы. Блудов был «блестящим оратором и острословом, редактором посмертного тома „Истории государства Российского“ Карамзина». У самого Блудова была неистребимая внутренняя потребность нахождения в литературной среде. Ему просто требовалось общение с литераторами. Это пристрастие было воспитанно с детства. По словам Дмитрия Николаевича, литературная среда питала «искусство слова». В свою очередь, слову были «нужны *силы душевные*, самые благороднейшие: воображение, память, рассудок». Все это давало только общение с талантливыми людьми. Блудов старался всячески содействовать самой возможности их выражения, участвуя в организации досуга государевых людей и служителей литературы.

Участие Блудова в жизни «Арзамаса», судя по протоколам общества, было многофункциональным. Наряду с В. А. Жуковским, С. С. Уваровым и Д. В. Дашковым он был одним из его «столпов». Блудову принадлежала идея «Арзамаса» (его сатирическое «Видение») и ее оформление. Это признается современниками и исследователями.

История названия общества — «Арзамас» — описана в литературе. Оно было взято из памфлета Блудова на комедию князя А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или липецкие воды», в которой князь-автор высмеивал В. А. Жуковского.

Блудов вступился за друга — Жуковского. Он принял вызов — брошенную Шаховским перчатку Жуковскому и, в свою очередь, направил стрелы аллюзии (шутки, намека) на задевшего его друзей литературного противника. Дмитрий Николаевич написал памфлет: «Видение в какой-то ограде», будто бы изданный обществом *ученых* людей, проживающих в Арзамасе. Выбор названия литературного общества Блудов объяснял тем, что Арзамас оказался близ его имени, и незадолго перед названной постановкой Шаховского, он туда ездил.

Свое «Видение...» Блудов сочинил, подражая французской шутке «Vision de Габё

Morrelet» (1760), написанной по поводу комедии Ш. Палиссо «Les philosophes», в которой были осмеяны энциклопедисты и Ж. Ж. Руссо. В качестве эпитафии к «Видению...» он выбрал мысль о том, что: «Levraipeutquelquefoisn'êtrerasvraisable». Усилия Блудова нашли в кругу друзей одобрительное понимание. Его ответный удар Шаховскому был поддержан, в первую очередь, Жуковским.

Благодаря Жуковскому и Блудову между арзамасцами как в устном, так и в письменном общении достаточно быстро утвердилось своеобразное шутовское «арзамасское наречие», которое по отношению к «Беседе» и всему, что с нею связано, было ироничным и саркастичным. Творческий арзамасский союз Жуковского и Блудова в 1815-1816 гг. был для них веселым и плодотворным.

Если Блудов, наряду с Уваровым, был одним из организаторов и координаторов арзамаских встреч и общения, к тому же активным и уважаемым оратором «Арзамаса», его Кассандрой, то Жуковский стал теоретиком общества и неистовым выдумщиком его театрализованных заседаний и «галиматьи».

Принятая «Арзамасом» философия смеха была сформулирована Жуковским еще за пять лет до создания общества. Проанализировав сатиру Кантемира, поэт высказал свои соображения об общественном значении веселости и сатиры. Веселость Жуковский почитал «одним из счастливейших состояний человеческого духа», а сатиру — оружием, осмеянием «человеческих заблуждений, глупостей и пороков». Если веселость — это характер, то смешное относится к категории общественно значимого, того, что противоречит понятию и чувству. «Насмешка сильнее всех философических убеждений опровергает упорный предрассудок и действует на порок», — считал Василий Андреевич, и с ним соглашались его друзья. Именно поэтому и был выбран сатирический подход в борьбе с литературным противником, которого арзамасцы видели в «Беседе».

Блудов рассказал Гроту, записавшему данное свидетельство, что каждый арзамасец «должен был сказать надгробное слово (по примеру французской академии), но не своему предшественнику, ибо в Арзамаском обществе покойников не было — все члены его бессмертны — а покойнику, взятому напрокат из Беседы». Таким образом, в общество приносились пародийно-шуточные элементы «французской учености».

Общество использовало в своей практике теоретические размышления Жуковского. «Философы и поэты, — писал он, — употребляют оружие насмешки для пользы нравов. Сатирик и комик имеют то сходство с моралистом-философом, что они действуют для одной цели, которой однако, достигают различными путями. Моралист рассуждает и, убеждая ум, говорит сердцу; напротив, комик и сатирик осмеивают моральное безобразие и тем самым привязывают нас к красоте моральной, которая становится ощутительнее от противоположности». Жуковский определил и нравственные границы дозволенного в сатире: «Личная сатира только что оскорбляет; а оскорбление почти никогда не может быть действительным лекарством».

Блудов и другие арзамасцы с удовольствием поддерживали предложенную литературную игру, приняв на себя имена «мученических» баллад Жуковского, которые были к этому времени написаны поэтом.

Так Д. Н. Блудов стал Кассандрой, а В. А. Жуковский — Светланой, Д. В. Дашков — Чу! С. С. Уваров превратился в Старушку, А. И. Тургенев — в Эолову арфу, С. П. Жихарев в Громобоя, Ф. Ф. Вигель в Ивикова журавля. Князя П. А. Вяземского называли Асмодеем, К. Н. Батюшкова — Ахиллом, В. Л. Пушкина — Вот. П. И. Полетику прозвали Очарованным челном (челноком), Д. П. Северина — Резвым котом, А. А. Плещеева — Черным враном, А. Ф. Воейкова — Дымной печуркой, Д. А. Кавелина — Пустынником, М. О. Орлова — Рейном, Н. И. Тургенева — Варвиком, Н. М. Муравьева — Альдестаном или Статным лебедем, Д. В. Давыдова — Армянином. Успел получить прозвище и самый младший арзамасец — А. С. Пушкин — Сверчка.

Примером обращения и стиля в письме к Блудову могут служить слова Вяземского: «Благодарю от всего сердца милостливую государыню, любезнейшую Кассандру Николаевну за милое ее письмо и присланные книги».

Блудов ответил Вяземскому: «Препровождая к Вам, сиятельный Асмодей, письмо уехавшей от нас Светланы, я чувствую непреодолимое желание сказать Вас несколько слов, т. е. попенять Вашему Арзамаскому Превосходительству и от себя, и от типографщика, и от Публики...». В письмах передавались приветы и «душевные поклоны», с ними обращался к петербургским «согусникам» преданный им «согусник»-москвич Асмодей (Вяземский). В переписке члены общества постоянно апеллировали к арзамаской символике и использовали знаковые ассоциации, как например, П. И. Полетика в письме Блудову от 23 сентября 1816 г.

Побывав на водах в северофранцузском городе Мобёже, Полетика поделился своими ощущениями от пройденного им лечения. В переписке он использовал принятую в общении между арзамасцами стилистику, отдавая должное ритуалу и уважению истории Арзамаса. В шуточной форме дипломат написал, ему, «как усердному арзамасцу» не следовало бы доверять «всему тому, что называют водами в справедливом опасении наткнуться на такие, кои, подобно Липецким, производят противные обещанному действие».

Однако общее впечатление от Мобёже у Полетики было приятным. На водах он встретил Ал. Тургенева. Письмо Полетики проливает свет на роль Блудова в поддержании контактов между арзамасцами. Отправляясь из Монбёже в Лондон, Полетика просил Блудова сообщать ему уже в английскую столицу новости, «кои могут появиться в Российской Словесности».

Согласно законам «Арзамаса», его члены могли быть «наличные и отсутствующие». Последние разделялись на заграничных членов и находящихся в России. И с теми, и с другими Блудов вел переписку, поддерживая и храня арзамаское братское единство, невзирая на расстояния.

Организационная роль Блудова в «Арзамасе» также отражена в источниках. Так, в протоколах отмечено участие Блудова в организационном собрании «Арзамаса»: «В лето первое от Липецкого потопа, в месяц первой от Видения, по обыкновенному исчислению 1815 года месяца Паздерника в 14 день, было первое совещание арзамасцев, и возобновление Арзамаса совершено... Шесть присутствующих братьев (Чу! (Д. В. Дашков — И. С.), Старушка (С. С. Уваров — И. С.), Кассандра (Д. Н. Блудов — И. С.), Громобой (С. П. Жихарев — И. С.), Эолова Арфа (Ал. И. Тургенев — И. С.), Светлана (В. А. Жуковский — И. С.)). Торжественно отреклись от имен своих, дабы означить тем преобразование свое из ветхих арзамасцев, оскверненном сообществом с халдеями Беседы и Академии, в новых, очистившихся через потоп Липецкий. И все приняли на себя имена мученических баллад, означая тем свою готовность: 1-е, потерпеть всякое страдание за честь Арзамаса, и 2-е, быть пугалами для всех противников его по образу и по подобию тех бесов и мертвецов, которые так ужасны в балладах».

На период существования «Арзамаса» с конца 1815 г. до начала 1818 г. гостиня Блудова становится одним из литературных центров Петербурга. «Арзамас» начинает играть в жизни Блудова особую роль. Представляется не случайным то обстоятельство, что период деятельности «Арзамаса» совпадает со временем пребывания Блудова в Петербурге. Это время, как говорили время «Арзамаса», по признанию Дмитрия Николаевича, было «счастливейшим расположением души, когда мы любили всех». Для Блудова, по свидетельству Е. П. Ковалевского, дружба с литераторами, самая искренняя и бескорыстная, была источником радости. Вся жизненная атмосфера была пронизана шутовством и беззаветным весельем. Блудов исключительно ценил время пребывания в Петербурге и был весьма активен, отдавая должное роскоши, которую он видел в самой возможности выражения мыслей и чувств среди понимающих его людей.

Предоставляя свою квартиру (наряду с С. С. Уваровым) для проведения заседаний

общества, Блудов тем самым поддерживал саму возможность встреч арзамасцев и их собраний.

22 октября 1815 г. в гостиной Блудова состоялось первое обыкновенное заседание общества. Согласно уставу или «Законам Арзамаского общества безвестных людей» заседания проводились по четвергам, вечером, не позднее восьми часов. В соответствии с принятой в Арзамасе стилистикой Жуковский записал в протоколе: «Месяца Падерника (*т. е. октября*, — *И. С.*) в 22 день по обыкновенному летоисчислению 1815-го года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Кассандры, был первый ординарный Новый Арзамас». Присутствовали Их Превосходительства благородные гуси: Старушка, Эолова Арфа, Кассандра, Светлана, С. С. Иванов, Ал. И. Тургенев, Д. Н. Блудов и В. А. Жуковский.

Второе ординарное собрание «Арзамаса» 29 октября 1815 г., согласно протоколам общества, также состоялось в гостиной Блудова. Речь шла о Шаховском, читались эпиграммы, присланные П. А. Вяземским. В гостиной Блудова проходило и четвертое ординарное собрание 18 ноября 1815 г. В протоколе этого заседания Жуковский записал: «Его превосходительство Кассандра предложил было заниматься критическим разбором лучших вновь выходящих книг русских и иностранных — но, кажется, что сие предложение не разлаголило членов и не произвело в умах их никакой приветственной похоти». Это предложение Блудова не встретило отклика у Дашкова, Тургенева, Уварова, Жихарева и Вигеля. В «Речи Кассандры», адресованной в тот день «Ивикову Журавлю» (*т. е. Вигелю*), Блудов вновь обратился к своей роли предсказательницы в борьбе с основным литературным оппонентом «Беседой», которую привычно играл в жанре видения или откровения. Играя роль Кассандры и обращаясь к собравшимся, Блудов заявил: «Я открыл глаза, обрадованные светом; мне показалось, что все шкапы раскрыты; что на полках оживились и Гомер, и Расин, и Фенелон, и Вергилий, они встречали какое-то существо, которое называлось учеником их. Я взглянул и увидел взлетевшего Гения; на лице его отражалась откровенность юности, во взорах сияла любовь к изящному, венец его был составлен из красивых невысоких башен; в одной руке он нес светильник тихий, но блестящий, в другой был щит с древним гербом Арзамаса. Я покровитель вашего города, — сказал Гений, и пришел открыть тебе таинство никому из вас не известное». Если принять во внимание, что последним членом, принятым в Арзамас в 1818 г. был А. С. Пушкин, следует отметить, что предчувствия Кассандры-Блудова оправдались.

16 декабря 1815 г. на «шестой ординарный Арзамас» «благородные гуси» вновь собрались в гостиной Блудова. На этот раз протокол зафиксировал подписи пришедших Жуковского, Дашкова, Уварова, Тургенева, Вигеля, Полетики и Северина, естественно, под их литературными псевдонимами. Речь Кассандры-Блудова, адресованная «почтенным Дружьям-Товарищам», была дипломатична и комплиментарна: «Не дрожащим ли голосом я должен говорить с Вами? Не должен ли я с трепетом приближаться к славным мужам, которых чудесная скромность именуется безвестными. Куда ни обращу взор мой, везде я вижу ряды трофеев иди главы, отягощенные лаврами, или раны, достойные благоговения. А чем же предстану я, рядовой арзамасский воин?» Начав с реминисценции, Блудов-Кассандра заметил: «...моя молодость протекла и исчезла среди Беседы и Академии...», «...и Арзамаса еще не было, а я служил Арзамасу; дышал усердной ненавистью к его неприятелям и часто проникал в их грозный стан, презирая опасность усыпления, но еще чаще я наблюдал за ними издали...»

Блудову было недостаточно только организационной роли в обществе, которую он реализовал в разных формах, в том числе и председательствуя на целом ряде заседаний. Он был исполнительнейшим арзамасцем, присутствовал на всех заседаниях общества, что также для арзамасцев было не характерно. Привлекая в ряды «Арзамас» новых членов, Блудов пригласил сослуживцев-дипломатов П. И. Полетику (*Очарованный челнок — И. С.*) (1778–1849) и Д. П. Северина (*Резвый кот — К. С.*) (1792–1865).

Для Блудова была важна творческая реализация его литературного потенциала, а

также присущих ему способностей критика и сатирика, которые он старательно демонстрировал в «Речах Кассандры».

Игра стала формой социокультурной активности арзамасцев. Но их шутки и пародии в отношении «Беседы» были направлены на принципиальные для них вещи. По мнению О. А. Проскурина, «игра, пронизывающая всю деятельность „Арзамаса“, и вносящая в нее элемент импровизационности и непредсказуемости, была вместе с тем глубочайшим образом *структурирована*. „Арзамас“ отказался от многих стеснительных установлений „нормальных“ литературных обществ, чтобы добровольно подчиниться законам гораздо более глобальным и жестким — законам особого мироустройства. Не пожелав быть обычной литературной организацией, „Арзамас“ захотел стать космосом». Не случайно «Арзамас» отождествил себя с городом и принял имя города как символа и образа мира. «Ветхим» Арзамасом представлялся «Новому Арзамасу» 1815–1818 гг. московский кружок литераторов-карамзинистов, оформившийся в 1801 г. в «Дружеское литературное общество» и просуществовавший полгода.

Используя сакральные темы и священные тексты, арзамасцы противопоставляли «Беседе» своего Бога Вкуса — категорию карамзинской эстетики. Понятие «вкуса» исследователи называют родовой чертой карамзинизма у арзамасцев.

Шуточное прозвище членов общества «Арзамас» «благородные гуси» сложилось в том числе и благодаря устоявшейся традиции, согласно которой, правило, на ужин подавали гуся.

Протокол каждого заседания завершался пунктом об ужине, в том *случае*, если не было гуся, «желудки их превосходительств были наполнены тоскою по отчизне», о чем вносилась соответствующая протокольная запись.

За шуточным единством скрывалось единство более серьезное — духовной общности, объединявшей столь разных арзамасцев. Сакрализация гуся, которая отразилась в речах и переписке арзамасцев, была связана с темой вкуса (каламбуром, направленным против неприятия А. С. Шишковым нематериального французского значения слова «вкус»). Поэтому гастрономические ассоциации вкуса гуся у арзамасцев сочетались с приобщением новоизбранных арзамасцев к таинствам, а гусь обретал значение метафоры.

Почетным гусем «Арзамаса» стал Н. М. Карамзин, бывавший на его заседаниях. Блудов упоминал о том, что некоторые главы «Истории государства Российского» Карамзина писались не без влияния «Арзамаса». Почетными гусями также были князь Г. И. Гагарин, И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, князя А. Н. Салтыков и М. А. Салтыков.

Имя Карамзина являлось для арзамасцев сакральным. Писатель и историограф был для них примером, идеалом, «канон» образцового поведения писателя и гражданина и... безупречного вкуса. В начале февраля 1816 г. Карамзин впервые после двадцатипятилетнего перерыва в сопровождении друзей арзамасцев-москвичей П. А. Вяземского и В. Л. Пушкина прибыл в Петербург для решения вопроса об издании первых восьми томов «Истории государства Российского». Контуры грандиозного произведения давали арзамасцам надежду реализовать свою потребность в объединении под сенью могучего литературного авторитета.

15 апреля 1816 г. на заседании «Арзамаса», проходившего в гостиной Блудова, Карамзину был вручен «Диплом» «арзамасцами, верными его обожателями» — «вексель на дружбу», как «лучшему из людей». В сказанной по этому поводу «Речи» говорилось: «Его Высокородие Николай Михайлович Карамзин, славный отец наших предков, ибо он вместе с юною красавицею Музою истории, произвел их (*исторических лиц*, — И. С.) на свет таковыми точно, каковыми они есть, и сдунул с лица земли тех самозванцев и самохвалов, которые в арлекинских платьях таскались по миру под их священными самоназваниями».

Чествование Карамзина относилось к знаковым событиям истории «Арзамаса»,

который уже в 1816 г. переживал непростые времена, его преследовали драматические события. В шестом заседании «Арзамаса» 16 декабря 1815 г. Блудов читал пародийную надгробную речь И. С. Захарову, автору «Похвалы женам», сообщив присутствующим, что в предшествовавший вечер оратор Захаров скончался публично на середине «Похвального слова женам»; отвечавший ему Дашков упомянул, что, не в пример «древней Кассандре», новая пророчица снискала всеобщее доверие — пусть же она предвестит мир после чернильной брани «и гибель врагам любезного Арзамаса». «Предвещание» вскоре сбылось: Захаров скончался 30 января 1816 г. Этот факт получил подробное и широкое освещение в литературе. В стихах об «Арзамасе» Пушкин написал: «Где смерть Захарова пророчила Кассандра». К концу 1816 г. арзамасская «карнавальность» обретала все больше негативный оттенок и все меньше удовлетворяла самих арзамасцев.

При вступлении в «Арзамас» К. Н. Батюшкова осенью 1817 г. Блудов в «Речи», посвященной этому событию, с сожалением, констатировал: «Увы! Любезный Ахилл, вступающий в сию храмину, вы искали Арзамаса и находите один труп его, неодоушевленный. Искалеченный ударами рока. Где многие из подпор наших? Где вещей Чу? (Дашков — И. С.) Где волшебная Старушка? (Уваров — И. С.) Где Асмодей (Вяземский — И. С.), блестящий одним остроумием? И где свежая веселость, украшавшая первые дни наши! Ах, Арзамас! Все погибло! Несчастный голос, призывающий к труду, призвал нас к унынию; истощилась в Светлане (Жуковском — И. С.) руда ее бесценной галиматъи, Эолова Арфа (Ал. Тургенев — И. С.) растеряла свои струны, по устах всех сленов вместо беспечной улыбки Арзамаса бродит зевота Академии!» «Возродителем» (по выражению Блудова) «Арзамаса» Ахилл-Батюшков не стал.

Арзамасцы подошли к такому порогу, когда уже было необходимо ставить вопрос об изменении характера общества, его целей и задач. Д. В. Давыдов в своей «Речи» на осеннем заседании 1817 г. сформулировал цель общества как «образование себя в литературе, особливо в русской, образование нравственного нашего характера». К концу 1817 г. арзамасцев занимало в их собрании больше всего — «самое собрание». По наблюдению Я. К. Грота они переросли свою веселость и начинали думать о серьезном деле.

В уставе «Арзамаса» была сформулирована двоякая цель: «польза отечества, состоящая в образовании общего мнения, т. е. в распространении познаний изящной словесности, и вообще мнений ясных и правильных; польза самих членов, состоящая в труде постоянном». Для этого предполагалось издание обществом своего журнала и трудов, создание библиотеки, которой бы мог пользоваться каждый член общества, и обязательное ежегодное написание статей, количество которых было определено для находящихся в России избранных членов числом 12, а для находившихся за границей — 6. От ежегодного написания статей могли быть освобождены «некоторые Арзамасцы» «из уважения к слабости их здоровья или по многочисленным занятиям по какой-нибудь другой части». При этом, они должны были заранее объяснить «о сих препятствиях Арзамасу по совести». Арзамасу же предоставлялось право решить «без потворства, должно ли принять оные в уважение». Седьмая глава устава определяла расходы «Арзамаса». На издержки: переписку общества, покупку книг, журналов, жалованье переписчику, мелкие канцелярские расходы устанавливался ежегодный взнос в размере 50-ти рублей. Собранные средства должны (поскольку в «Арзамас» вступило 20 членов, то речь могла идти о сумме 1000 рублей) были храниться у секретаря, «состоя в его распоряжении и на его счете». Таким образом, вводился принцип, характерный для клубной культуры. Приведенный в движение личными интересами, чувствами и понятиями «Арзамас» из области, по преимуществу, личности, для своего дальнейшего развития должен был либо осваивать законы организационного строительства, прописанные в его уставе, либо... «смолкнуть».

После получения Блудовым дипломатического назначения советником посольства в Лондоне 17 ноября 1817 и его поездки в Москву с дипломатической канцелярией в конце того же года по свидетельству современников «само общество смолкло»,

«как бы взамен „Арзамасу“ основалось общество „Соревнователей просвещения и благотворительности“.

Начало „затухания“ деятельности „Арзамаса“ в конце 1817 г. было связано с отъездом из Петербурга его основателей. Жуковский уже жил в Москве и преподавал русский язык великой княгине Александре Федоровне. П. И. Полетика, друг Н. М. Карамзина, Д. П. Дашкова, „отца декабризма“ Николая Тургенева и его брата, — 13 ноября 1817 г. получил назначение чрезвычайным посланником и полномочным министром в Филадельфию. Блудов был назначен „сначала советником, а затем поверенным в делах посольства в Лондоне. Его задачей было анализировать циркулирующую там информацию о России, а также сообщать свои сведения редакторам влиятельных английских газет и журналов“. С отъездом Блудова, Полетики, Батюшкова, Дашкова, как видно из переписки П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, „Арзамас“ „замолчал“.

Умолкла и „Беседа“. „Дуга мира и завета воссияла над могилами Озерова и Державина“, — так констатировал „смерть“ „Беседы“ в своей арзамаской речи, произнесенной в начале 1817 г. Ф. Ф. Вигель, сделав к этой строке ремарку: „Озеров убит халдеями, а Державин умер у них в плену“.

Вигель, характеризуя ситуацию, в которой в 1826 г. оказались арзамасцы, писал: „Возвратившийся из-за границы Кочубей нашел с удовольствием прежнего подчиненного своего Блудова; деятельно-употребленным мнением своим он еще более утвердил государя в высоком мнении, которое возымел он о нем. Дашков, управляющий дотоле в Петербурге делами константинопольской миссии, малопомалу стал переходить на другое поприще и также был предназначен для высших занятий. Жуковский по учебной части был наставником наследника престола и почти домашним посреди императорской фамилии. Полетика, оставивший должность посланника и возвратившийся из Америки в предыдущем году (1825 — И. С.), сделан был сенатором. Будучи великим князем, Николай Павлович встретил его за границей, полюбил его оригинальный и смелый ум, продолжал быть с ним милостивым, и все были уверены, что он будет очень силен у двора. Все друзья, арзамасцы!“

Карьера Блудова во второй половине 1820-х гг. пошла в гору. В 1828 г. статс-секретарь Д. Н. Блудов был назначен на должность главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий, с оставлением его товарищем министра просвещения. Никогда почти Шишков не видал государя; а Блудов, имея много и особых поручений, нередко бывал у него с докладом».

По свидетельству Вигеля, «сделавшись товарищем Шишкова, совестливый Блудов щадил его старость, оказывал всевозможное уважение, старался заставить его забыть прежние литературные ссоры, прилежно вникал во все дела министерства, но, при случае несогласия во мнениях, всегда искусно и осторожно склонял его на свою сторону, тогда как, в силу данной ему инструкции, он ежедневно мог бы раздражать его. Впрочем, и Шишков так ослабел, что при докладывании ему бумаг почти всегда засыпал крепким сном».

Будучи старшим из статс-секретарей Государственной канцелярии, Оленин стал ближайшим помощником государственного секретаря М. М. Сперанского. Оленин временно исполнял должность госсекретаря с 3 (15) апреля 1812 года, когда был отправлен в отставку Сперанский, отстраненный Александром I от государственной деятельности, по 9 (21) апреля 1812 года, когда на эту должность был назначен вице-адмирал А. С. Шишков. Уезжая к армии, император повелел Шишкову состоять при себе, а должность госсекретаря в отсутствие последнего исправлять Оленину, который и исполнял обязанности госсекретаря в течение почти всех двух лет пребывания Шишкова за границей. И после отставки Шишкова (30 августа (11 сентября) 1814 г.) он продолжил исполнять должность госсекретаря.

Блудов, по свидетельству Вигеля, по высочайшей воле был «отряжен» в Верховный уголовный суд «для доставления, в случае нужды, потребных объяснений по делу о

подсудимых. Тут встретился он и хорошо познакомился со Сперанским; но кажется, что взаимной симпатии сии господа не восчувствовали. За все труды Блудов был награжден Аннинской лентой и званием статс-секретаря, что как будто поставило его на путь, ведущий к занятию министерского поста». Причастность Блудова к составлению «Донесения Следственной Комиссии» по делу декабристов ему не простили многие товарищи по «Арзамасу». Резко изменилась тональность писавшего о Блудове Вяземского, который отказал ему в признании жизненной реализации его способностей, по существу, обвинив в слабости. «Странная и незавидная участь Блудова. Имея авторское дарование, он до сорока лет и более не мог решиться ничего написать. Тут вдруг получил литературную известность прологами своими к действиям палачей <...>. Ого, Г-н классик и строгий критик! Куда это дернуло вас красноречие? <...> Подлостью унижено нравственное достоинство человека: тут, кроме негодования, ничему быть не может». В ближайшем будущем Блудова поджидало еще одно испытание — польское восстание 1830 г. Водоразделом, который отделил Блудова от многих арзамасцев, стало его понимание приоритета государственной службы. С 1855 г. Блудов был президентом Академии Наук.

Таким образом, Дмитрию Николаевичу Блудову принадлежала совершенно определенная, активная роль в литературном обществе «Арзамас».

Наряду с литературным обществом «Беседа», общество «Арзамас» стало проявлением институционального процесса формирования собственной литературной традиции. Она оказалась способной «без оглядки на внешние смысловые инстанции и без опоры на посторонние социальные силы» — служить писателю, поэту и литературному критику «достаточной основой для сознания своей значимости и для признания этой миссии важными для него „другими“».

В процессах интерпретации ключевой ценности литературы, ее передачи и приобщения к ней проявляется не только роль самого писателя, поэта или литературного критика, но и вся система взаимосвязанных ролей и сценариев поведения. Кристаллизация вариантов групповой стратегии общества происходила при активном участии Блудова. Осуществление его индивидуальной жизненной карьеры, траектории подъемов, спадов и личных провалов отдельных арзамасцев характеризуют отдельные «Речи» Кассандры-Блудова. Взаимодействие названных факторов с формами признания и влияния в жизни Блудова — его роли критика и читателя в совокупности вносило свой некий вклад и содействовало выстраиванию социального каркаса литературы как профессионального института.

Поведенческие стратегии Блудова в литературном сообществе России начала XIX в. отражают восприятие его сознанием процесса дифференциации, сложившейся к рубежу веков системы или связей соответствующих литературных идей, вкусов и предпочтений и начало их последующей трансформации. Становление института литературы являлось лишь частью более масштабных социальных и культурных процессов эпохи.

Выяснение отношения Д. Н. Блудова к творчеству и личностям Г. Р. Державина и В. А. Озерова показывает, что ключевым является антропологический момент. Им задается со-масштабная личности конструкция собственного биографического времени Блудова и его соотносительности со временем истории. Принцип индивидуальности в сочетании с корпоративностью позволил Блудову проявить себя сознательным, активным и самодостаточным субъектом творчества и найти свое место в коммуникативном пространстве отечественной литературы.

В заключение

Дмитрий Николаевич Блудов — представитель древнего «коренного», жившего в провинции русского дворянства — стал столичным чиновником, представлявшим интересы Российской империи за рубежом. Родственные связи и знакомства открыли ему дополнительные социальные, профессиональные, общественно-литературные возможности, содействовали карьерному росту. И все же Блудов состоялся как дипломат, благодаря личным качествам, нацеленным на обретение компетентности и профессионализма, овладение навыками высококвалифицированного государственного служащего,

Формирование корпоративных и индивидуальных представлений Блудова прошло три этапа:

- детства и юности под влиянием матери Е. Е. Блудовой и круга лиц, определенного ею для сына: Г. Р. Державина, В. А. Озерова, Каменских — людей, известных в истории России;
- молодости, сформировавшей литературные вкусы Блудова и его мастерство переводчика во время службы в Московском архиве Коллегии иностранных дел в окружении выпускников Московского благородного университетского пансиона: братьев Тургеневых, А. Ф. Малиновского и Д. В. Дашкова, познакомившего Дмитрия Николаевича с Жуковским. С этого времени дипломатические и литературные занятия Блудова шли взаимосвязано и параллельно;
- зрелости, которая пришлась на время активной дипломатической работы Блудова за рубежом и организации им интенсивного литературного досуга для дипломатов и литераторов в северной столице в периоды его пребывания в Петербурге между дипломатическими поручениями. На данном этапе Блудов прошел школу государственного мастерства и приобрел опыт общественной жизни, стал тем «просвещенным бюрократом», который был востребован для государственной службы и поручений императором Александром I, а затем императорами Николаем I и Александром II.

Мировоззрение Блудова и его представления о роли дворянства в истории России определялось его социальным происхождением, воспитанием и социальным статусом. Этические, гражданские и литературные убеждения Дмитрия Николаевича впитали интеллектуальное и духовное наследие государственных деятелей, мыслителей и писателей России XVIII в. От них он воспринял убежденность в обязательности несения государевой службы как единственного условия сохранения политического существования дворянства. Преимущество Г. Р. Державина и Д. Н. Блудова проявилась в идеологическом, гражданском и духовном обосновании их верности государственной службе и престолу.

Важнейшим стимулом для размышлений о судьбе России, ее месте в европейской истории, а также о необходимости подключения компенсаторных механизмов к развитию страны стало осознание Блудовым экономических, социально-демографических и культурных трудностей, с которыми столкнулись представители дворянских родов в XVIII — первой трети XIX в.

После величественной победы Российской империи в Отечественной войне 1812 года Блудов осознал ценности национального воспитания и необходимость подключения для динамичного развития страны такого компенсаторного механизма, как образование. Блудов убедился, что национальное образование должно основываться на «исконно русских началах». Он считал, что, к опыту и примеру Западной Европы следует относиться как назидательному для России, прежде всего, в том, что он выявил опаснейшую закономерность: если в обществе пошел процесс нравственного разложения, «тогда ничто не удержит государство от гибели».

Под влиянием идей Просвещения Дмитрий Николаевич предложил создание единой национальной элиты за счет введения общей системы образования для

дворянства, верхов духовенства и купечества. Кроме того, он считал важным, но еще не задействованным резервом развития страны — получение образования народом. Главную задачу в создании системы народного образования в условиях существовавшего тогда крепостного права Блудов видел в преодолении гендерных ограничений образования, расширении социальной базы для рекрутирования народного учителя. Сложившаяся у Блудова в 1820-е — начале 1830-х гг. реформационная концепция формирования национальной системы образования в России не противоречила будущей «теории официальной народности», она обозначила направления поиска путей совершенствования в сфере народного образования. Предложения Блудова о создании в России системы народного образования были сформулированы задолго до появления проектов народного образования государственных деятелей второй половины XIX в. — Т. И. Филиппова и К. Н. Победоносцева.

Блудов служил александровской идее Священного союза, идеалу новой системы международных отношений, в правовую основу которой русские дипломаты старались внести принципы христианского равенства народов. Император Александр I лично курировал написание и перевод важнейших международных документов. Он осуществлял отбор материалов для их публикации, подготовку которой поручил Блудову. Издание «Документов для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира с 1814 года до конгресса в Вероне в 1822 году» (так называемого «блудовского собрания») было чрезвычайно важно для императора. Этот документальный комплекс по своей сути явился внешнеполитическим «завещанием» императора Александра I, в который тот включил базовые принципы своего видения безопасного устройства Европы, а также направленности усилий по их реализации.

Императору Александру I важно было издать, что и было осуществлено в 1823 г. и в 1825 г. (год его смерти), не столько зафиксированную в документах историю его усилий и надежд перехода к новой эпохе международных отношений, сколько сохраненную в документах **идею христианского европейского международного устройства**. А также заявленные в мировом праве **принципы равенства** и защиты подданных европейских стран, и **экономические основания их сотрудничества**. Осуществление публикации «Документов для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими...» Блудов считал своим важнейшим поручением, которое ему довелось реализовать, будучи дипломатом.

Если десятилетие 1815–1825 гг. для внутренней жизни Российской империи стало временем не реализованных, в том числе и составленных по поручению Александра I конституционных проектов, то во внешней политике очевидна успешность законодательства. Конституционные аспекты, сторонниками которой были верховная российская власть в лице ее императора и дипломатов, в числе которых был и Блудов, нашли отражение в международном европейском праве, качественно обновленном после победы над Наполеоном.

«Блудовское собрание» оказало долговременное и разностороннее влияние на образование русских дипломатов, которые изучали его в течение 1830-х-1840-х гг. Они получали из него профессиональные знания. В этих документах следующим поколениям дипломатов была задана высокая планка компетентности.

Материалы «блудовского сборника» имели не только практическое значение, но они повлияли на развитие отечественной исторической науки. Их использовали в последующих изданиях дипломатических документов по истории внешней политики России.

Дмитрий Николаевич Блудов был сторонником «конституционной дипломатии» Александра I. Он участвовал как дипломат и переводчик в ее реализации. На службе Александру I и России Блудов получил навыки государственного управления и овладел техникой выполнения государственных поручений.

Формирование личности «просвещенного бюрократа» Дмитрия Николаевича Блудова происходило в условиях расцвета русской культуры и литературы. Ее носителями были известные государственные деятели России. А также в условиях сильнейших внешних вызовов эпохи войн с Наполеоном.

Важнейшую роль в становлении «просвещенной бюрократии» сыграли наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г. Они высветили проблемы, которые Российской империи следовало решать безотлагательно. Приобретенный опыт работы на Западе помог увидеть достоинства своей страны и определить нереализованные резервы и средства для их раскрытия и развития. Таким резервом была профессионализация, неразрывно связанная со специализацией.

Начавшийся на глазах Блудова процесс профессионализации государственных служащих и литераторов и их разделение «размывали» общее культурное пространство и рассеивали ту атмосферу, которая сформировалась благодаря традиции неформального общения литераторов и чиновников. Утрачивалась целостность служения, его видения и самочувствия, неразрывного и необходимого погружения, если не в литературный процесс, то в литературное движение или интеллектуальное отдохновение государственными служащими.

С углублением профессионализации утрачивалась универсальность и энциклопедичность, синтез культуры и профессии, культуры и государственного служения, явленные России еще М. В. Ломоносовым. Важную роль в интенсификации процесса профессионализации дипломатии сыграли наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г. Профессионализация стала знаменем времени и касалась не только дипломатов. Занятие литературой также становилось профессией.

Профессиональная дифференциация в литературных кружках, происходившая в начале XIX в., в дальнейшем усилила одновременные процессы размежевания и внутригрупповой профессиональной консолидации. Параллельно с процессом профессиональной дифференциации развивалась тенденция к появлению в общественно-политических взглядах русского дворянства всех основных политических составляющих: консервативной, консервативно-либеральной, либеральной и радикальной.

Блудов видел этот процесс изнутри. Он осуществлял в литературном обществе «Арзамас» организационную (учреждение общества, предоставление своей гостиной для заседаний, ведение отдельных заседаний и присутствие на всех заседаниях, «Речи Кассандры») и коммуникативную роль, вел переписку с арзамасцами, находившимися, как в России, так и за рубежом, стараясь поддерживать и сохранять арзамаское братство. Этому принципу Дмитрий Николаевич следовал в течение всей жизни.

Он помогал, в том числе и самому младшему, но самому известному арзамасцу — А. С. Пушкину. Так случилось, что Пушкин в первый и последний раз как член Арзамаса, присутствовал только на последнем собрании в истории этого общества — 7(19) апреля 1818 г. Повод сбора арзамасцев, находившихся тогда в Петербурге, не был веселым. Собрание состоялось в доме С. С. Уварова по случаю отъезда Д. Н. Блудова в Лондон. С отъездом Блудова заседания «Арзамаса» прекратились.

Помощь великому поэту была оказана Блудовым позднее. Он предоставил возможность Пушкину ознакомиться с нужными тому документами при работе Александра Сергеевича над Историей Пугачевского бунта. Служебное положение давало Блудову такую возможность. Нельзя не отметить, что когда заходит речь об источниках, над которыми работал Пушкин при ее написании, имя Д. Н. Блудова не упоминается.

Дипломатическая и литературно-общественная деятельность Блудова носила не случайный, а системный и целенаправленный характер. Каждая из сфер его деятельности в 1800–1825 гг. являлась попыткой реализации системы его представлений о государственном предназначении чиновника и свободном союзе

государевых людей и поэтов, то есть государственной службы и поэтической музыки. В соответствии со своим пониманием задач государственной службы и ее приоритетом в личной жизненной стратегии Блудову удалось многого достичь как для себя лично, так и для решения внешнеполитических задач России. В то же время приоритет государственного интереса в личном жизненном выборе Блудова определил границы в развитии его отношений с друзьями-литераторами, членами «Арзамаса» — П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым. Очевидной составляющей набравшего силу процесса обособления в отдельные группы чиновников и писателей являлась их углублявшаяся профессионализация.

«Просвещенная бюрократия» рождалась в александровскую эпоху. Она была взрощена на могучем культурном фундаменте, созданном в предыдущие времена, и благодаря государственному развитию России в XVIII в. Расцвет деятельности «просвещенной бюрократии» мог быть только в условиях, когда русская монархия еще не растратила своих верных слуг. Воспроизведение этого феномена со временем становилось все более и более затруднительным.

Список литературы

1. *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи 1801–1914: в 4 томах. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. М.: Кучково поле, 2017. 608 с.
2. *Акульшин П. В.* Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: Автореф. докт. дисс. М., 2004. 27 с.
3. Арзамас и арзамасские протоколы. Вводная статья, редакция протоколов и примечаний к ним М. С. Боровковой-Майковой. Предисловие Д. Д. Благого. Л.: Издательство писателей, 1933. 303 с.
4. «Арзамас»: Сборник. В 2-х кн. Кн. 1. Мемуарные свидетельства; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы / Вступ. статья В. Вацура, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой и др. М.: Худож. лит., 1994. 606 с.
5. «Арзамас»: Сборник. В 2-х кн. Кн. 2. Из литературного наследия «Арзамаса» / Сост., подгот. текста и коммент. В. Вацура, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой и др. М.: Худож. лит., 1994. 639 с.
6. Архив братьев Тургеневых. Вып. I. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 годы (1 том) / Под ред. и с прим. Е. И. Тарасова. Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб, 1911. 512 с.
7. *Архипова А. В.* Литературное дело декабристов. Л.: Наука, 1987. 156 с.
8. *Арш Г. Л. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М.: Наука, 1976. 326 с.
9. *Безотосный В. М.* Наполеоновские войны. М.: Вече, 2010. 384 с.
10. *Безотосный В. М., Смирнов А. А.* Русская армия 1812–1814 гг. М.: Владос, 1999. 160 с.
11. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
12. *Бессараб М. Я.* Жуковский. М.: Современник, 1975. 315 с.
13. *Блудова А. Д.* Воспоминания и записка графини А. Д. Блудовой. СПб., 1867. 31 с.
14. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000. 592 с.
15. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. Т. 7. М., 1970.
16. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. Т. 8. М., 1972.
17. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 2. Т. 1. М., 1974.
18. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 2. Т. 2. М., 1976.
19. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 2. Т. 3. М., 1979.
20. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 2. Т. 4. М., 1980.
21. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 2. Т. 5. М., 1982.
22. *Валлоттон А.* Александр I. М.: Прогресс, 1991. 398 с.
23. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М.: Богородский печатник, 1999. 257 с.

24. *Вяземский П. А.* Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. 380 с.
25. *Вяземский П. А.* Сочинения: в 2-х тт. /Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. Т. 2. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1982. 231 с.
26. *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. 226 с.
27. *Гиллельсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. 200 с.
28. *Гиллельсон М. И.* Сквозь умственные плотины. Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. 382 с.
29. *Гальберштадт А. И.* Внешняя политика России в царствование Александра I // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. V. М., 1913. Репринтное издание. М.: Ист. сборник под ред. В. В. Калаша, 1994. С. 180-227.
30. *Гордин М. А.* Владислав Озеров. Л.: Искусство, 1991. С. 207.
31. *Грот Я. К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и историческим документам. Т. 1. СПб.: Издание императорской академии наук, 1880. 1043 с.
32. *Грот Я. К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и историческим документам. Т. 2. СПб.: Издание императорской академии наук, 1883. 664 с.
33. *Губина М. В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 годах // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 155-161.
34. *Дегоев В. В.* Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 119-132.
35. *Делдерфилд Р.* Закат Империи. М.: АСТ, 2002. 621 с.
36. *Державин Г. Р.* Сочинения. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение. 1987. 503 с.
37. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 1. 423 с.
38. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 2. 420 с.
39. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 3. 417 с.
40. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1906. Т. 4. 441 с.
41. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1907. Т. 5. 500 с.
42. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1908. Т. 6. 310 с.
43. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. Изд. под наблюдением великого

князя Николая Михайловича. СПб., 1914. Т. 7. 454 с.

44. *Дмитриев И. И.* Сочинения / Сост. и коммент. А. М. Пескова и И. З. Сураг. Вступительная статья А. М. Пескова. М.: Правда, 1986. 592 с.

45. *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. Издание Русского Архива. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. 297 с.

46. *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М.: Московский рабочий, 1985. 317 с.

47. Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, отъ заключения всеобщаго мира въ 1814, до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году. Ч. 1. Т. 1. СПб, 1823. 573 с.

48. Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, отъ заключения всеобщаго мира въ 1814, до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году. Ч. 1. Т. 2. СПб, 1825. 723 с.

49. *Долгих Е. В.* Восприятие критики власти сановниками николаевского времени (Д. Н. Блудов, М. А. Корф). Деп. в ИНИОН, М., 1995. 11 с.

50. *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. 341 с.

51. *Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807-1829 год). СПб., 1883. 533 с.

52. *Дубровин Н.* Сборник исторических материалов извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 2. СПб., 1889. 578 с.

53. *Дубровская Е. А.* Эволюция дворянской усадьбы конца XVIII — первой трети XIX вв.: Автореф. дисс. к. и.н. М., 2009. 20 с.

54. *Егерева Т. А.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX веков (на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина): Автореф. дисс. к. и.н. М., 2011. 22 с.

55. *Егерева, Татьяна Александровна.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX вв. М.: Новый хронограф, 2014. 411 с.

56. *Жихарев С. П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала. В 2-х томах. Т. 2. Л.: Искусство, 1989. 525 с.

57. Жуковский и русская культура / Под. Ред Д. С. Лихачева, отв. Ред. Р. В. Иезуитова. Л.: Наука, 1987. 504 с.

58. *Жуковский В. А.* — критик / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова. М.: Сов. Россия, 1985. 320 с.

59. *Зак А. А.* Монархи против народов. М.: Международные отношения, 1966. 376 с.

60. Законодательство в области образования в первой половине XIX в. Сб. научных статей. М., ГАН, РАО, ИТИП, 2008. 104 с.

61. *Захаров В. Ю.* Конституционная альтернатива развития России в период правления Александра I и причины ее нереализованности. // Ключевские чтения — 2011. Василий Осипович Ключевский и познание русской истории. Т. 1. М., 2011. С. 148-151.

62. *Захаров В. Ю.* Эволюция абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII — 1-й четверти XIX вв. Монография. Ч. 1, 2. М., 2008. 512 с.

63. *Захаров В. Ю.* Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII — 1-й четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа: Монография. Ч. 1, 2. М.: Прометей, 2017. 591 с., 647 с.
64. *Камчатное А. М.* История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века. М.: Академия, 2005. 688 с.
65. *Касавин И. Т., Щавелев С. П.* Анализ повседневности. М.: КАНОН+, 2004. 432 с.
66. *Карягин В. В.* Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене. М: Международные отношения, 1994. 315 с.
67. *Кизеветтер А. А.* Император Александр I и Аракчеев / Исторические силуэты. Ростов-на-Дону, 1997. 476 с.
68. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Лекции LXXXIII-LXXXIV. Соч. т. 5. М.: Мысль, 1989. 477 с.
69. *Ковалев Ан.* Азбука дипломатии. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., Междунар. отношения, 1977. 264 с.
70. *Ковалевская Е. Г.* Иноязычная лексика в произведениях Н. М. Карамзина // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. М.-Л.: Наука, 1965. С. 226-250.
71. *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. Издание И. И. Глазунова. Т. 1. Граф Блудов и его время. — Восточные дела в двадцатых годах. СПб., 1871. 340 с.
72. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., Наука, 1987. 439 с.
73. *Козлова А. А.* Отношение элиты российского дворянства к государственной службе в период правления Екатерины II: Автореф. к. и.и. М., 2007. 18 с.
74. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1912-1914. 4.1-2; М., 1918; 1993.
75. *Короткова М. В.* Семья, детство и образование в повседневной культуре московского дворянства в XVIII — первой половине XIX вв. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 288 с.
76. *Короткова М. В.* Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII — первой половины XIX века. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2008. 512 с.
77. *Короткова М. В.* Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII — первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. д. и.и. М., 2009. 50 с.
78. *Короткова М. В.* Повседневная жизнь и досуг московского дворянства в XVIII — первой половине XIX вв. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2007. 310 с.
79. *Кортава Т. В.* Московский приказной язык XVIII века как особый тип письменного языка. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 110 с.
80. *Кошелев В. А.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., Современник, 1987. 350 с.
81. *Коялович М. О.* Несколько слов о графе Димитрие Николаевиче Блудове: Западной России на память // Коялович М. О. Шаги к обретению России. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. С.429-433.
82. *Аивен Д.* Россия и наполеоновские войны: первые мысли новичка / Русский

сборник. Исследования по истории России. № 4. М.: РЕГНУМ, 2007. С. 31–57.

83. *Литвинов В. П.* Переход к двуязычию в процессе освоения иностранного языка и значение курса сравнительной типологии (изучаемого и родного языка) // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: Межвуз. темат. сб. / Редкол.: А. А. Залевская (отв. ред.) и др. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1978. С. 8–17.

84. *Литвинов С. В.* Англomania в России как социокультурное явление, последняя четверть XVIII-середина XIX вв.: Автореф. дисс. канд. культуролог. н. М., 1998. 21 с.

85. *Литвинов С. В.* Борьба идей по вопросу взаимодействия культур в русской общественной мысли и публицистике в первой половине XIX в. // Культура и общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моек. гос. ун-т культуры и искусств — Электрон, журн. М., МГУКИ, 2008. № гос. регистрации 0420600016. Режим доступа: , свободный и др.

86. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

87. *Лотман Ю. М.* Карамзин. «Сотворение Карамзина», статьи и исследования 1957–1990 гг., заметки и рецензии. СПб, Искусство-СПБ, 1997. 829 с.

88. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.

89. *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. 353 с.

90. *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.

91. *Мальковская И. А.* Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005. 240 с.

92. *Марасинова Е. Н.* К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 3–16.

93. *Мартенс К.* Дипломатия или руководство к познанию внешних государственных сношений для посвящающих себя политической службе / Перевод С. Доброклонского. М.: Тип. Семена Селивановского, 1828. 214 с.

94. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 3. СПб, 1876. 547 с.

95. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.4. Ч. 1. СПб, 1878. 601 с.

96. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 7. СПб, 1885. 440 с.

97. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. СПб, 1895. 492 с.

98. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 14. СПб, 1905. 433 с.

99. *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. 293 с.

100. *Минаева Н. В.* Век Пушкина. М.: Собрание, 2007. 303 с.

101. *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVII — первая половина XIX веков. М.: Собрание, 2009. 343 с.

102. *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 238 с.
103. *Михайлов О. Н.* Державин. М.: Молодая гвардия, 1977. 335 с.
104. *Могилевский Н. А.* Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.: Автореф. дисс. к. и.н. М., 2011. 28 с.
105. *Муравьев В. Б.* Николай Карамзин. М.: ИзографЪ, ЭКСМО, 2005. 604 с.
106. *Надлер В. К.* Император Александр I и Идея Священного Союза. Т. 5. Рига: Изд. книгопродавца Н. Киммеля, 1892. 668 с.
107. *Нарочницкий А. А.* Международные отношения европейских государств с 1794 по 1830 гг. М., 1946. 76 с.
108. *Нарочницкий А. А.* Проблемы международных отношений и освободительных движений: Сборник трудов. М., 1975. 125 с.
109. *Недорезова И.* Последний луч трагической зари // Татарстан. 1996. № 12. С. 25–29.
110. *Озеров В. А.* Трагедии. СПб.: Типография Глазунова, 1907. 191 с.
111. *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения / Вступ. статья, примечания И. Н. Медведевой. Л.: Советский писатель, 1960. 446 с.
112. *Олейниченко Е. В.* Социально-экономическое развитие усадьбы Кузьминки во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. к. и.н. М., 2003. 19 с.
113. *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 368 с.
114. *Осокин В. Н.* «Его стихов пленительная сладость...»: В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М.: Моек, рабочий, 1984. 192 с.
115. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1812–1819 / Издание графа С. Д. Шереметьева под ред. и с примечаниями В. И. Саитова. СПб, 1899. 728 с.
116. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1820–1823 / Издание графа С. Д. Шереметьева под ред. и с примечаниями В. И. Саитова. СПб, 1899. 371 с.
117. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1820–1823 (примечания) / Издание графа С. Д. Шереметьева под ред. и с примечаниями В. И. Саитова. СПб, 1901. 332 с.
118. *Островский О. Б.* 1812 г. как рубеж просвещения и «официальной народности» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 20. М.: АКИ, 2007. С. 198–208.
119. Отечественная война 1812. Сборник документов и материалов. Л.-М., 1941. 200 с.
120. Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М.: Издание «Русского Архива», 1895. 320 с.
121. Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг: Ф. А. Брогауз, 1872. 646 с.
122. Письма А. Тургенева Булгаковым / Под ред. И. К. Лупкол. М., 1939 376 с.
123. Письма русских писателей XVIII века / Отв. Ред. Г. П. Макогоренко. Л.: Наука,

1980. 472 с.

124. Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. М.: Изд-во МГУ, 1991. 237 с.

125. Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 70. 912 с.

126. Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 82. 700 с.

127. Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 88. 753 с.

128. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его императорского Величества канцелярии. СПб., 1879, Вып. 1. 625 с.

129. Сборник русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. 451 с.

130. Сборник русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1871. 518 с.

131. *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. статей. М.: Красная Новь, 1923. 392 с.

132. *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957. 456 с.

133. *Пресняков А. Е.* Александр I. Пг.: Бротауз-Еф-рон, 1924. 200 с.

134. *Пресняков А. Е.* Первый опыт русского самосознания. СПб., 1901. 17 с.

135. *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. 464 с.

136. *Пушкин А. С.* Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. 336 с.

137. *Репина А. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. социальные теории и историографическая практика. М.: КРУГЪ, 2011. 559 с.

138. *Розенталь И. С.* «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2007. 399 с.

139. Российская дипломатия: История и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2001. 424 с.

140. *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» (1800—1860-е гг.). М.: РАН ИРИ, 2009. 341 с.

141. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004. 608 с.

142. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. 860 с.

143. *Савицкая И. С.* Дипломат и литератор Д. Н. Блудов в период создания Священного союза // Батаевские чтения. Мультикультурная и многонациональная Россия. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика Тамары Васильевны Батаевой (4 апреля 2008). Ч. II. М., 2009. С. 194–200.

144. *Савицкая И. С.* «Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира с 1814 года до конгресса в Вероне в 1822 году» как памятник русской дипломатии и победы России над Наполеоном // Забелинские чтения 2009–2011. Благословение

Двенадцатым Годом. М., 2011. С. 167–169. VII Пасхальные чтения. Материалы XVII научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». М., 2010. С. 108–112.

145. *Савицкая И. С.* Д. Н. Блудов и документальная основа деятельности «Священного Союза» // Преподаватель XXI век. 2011. № 3. С. 239–244.

146. *Савицкая И. С.* Жизненные обстоятельства Д. Н. Блудова и начало его дипломатической деятельности // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей. Материалы XXII международной научной конференции Санкт-Петербург, 17–18 декабря 2007 г. Ч. 2. СПб.: Нестор, 2007. С. 10–13.

147. *Савицкая И. С.* К вопросу о формировании официально-делового стиля русского дипломатического языка в первой четверти XIX века: историографический аспект // Обсерватория культуры. 2010. № 1. С. 137–139.

148. *Савицкая И. С.* Перевод дипломатических документов Д. Н. Блудовым как средство формирования влияния русской дипломатии в общеевропейском пространстве 1814–1822 гг. // Ключевские чтения — 2009. Что изучает и чему учит история: актуальные проблемы политической и социальной истории России. Материалы межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. М.: Компания Спутник+, 2009. С. 160–162.

149. *Савицкая И. С.* Роль культурного пространства в формировании личности государственного деятеля в России в конце XVIII–начале XIX вв. (на примере Д. Н. Блудова). Обсерватория культуры. 2011. № 6. С. 102–105.

150. *Савицкая И. С.* Концепции формирования российской системы образования в первой трети XIX в. // Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 13 апреля 2012 г. М., Изд-во РУДН, 2012. С. 65–68.

151. *Сахаров А. Н.* Александр I. М.: Наука, 1998. 286 с.

152. *Селищев А. М.* Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. 640 с.

153. *Селищев А. М.* О языке «Русской правды» // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 57–63.

154. *Серман И.* Явление Озерова // Русская литература. 1999. № 1. С. 3–17.

155. *Синякова Г. А.* Словосочетание в современном французском языке (Обзор и анализ соврем, лингв, учений). Днепропетровск, 1974. 108 с.

156. *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М.: Наука, 1966. 208 с.

157. *Сироткин В. Г.* Наполеон и Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 380 с.

158. *Соловьев С. М.* Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1995. 640 с.

159. *Спекторский Е. В.* Принципы европейской политики России в XIX и XX веках / / Историки Эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20–30-х годов. М., ИРИ РАН, 2002. С. 180–201.

160. *Таньшина Н. П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 304 с.

161. *Тарле Е. В.* Наполеон. М.: Наука, 1991. 460 с.

162. *Тарле Е. В.* Талейран: Из мемуаров Талейрана. М.: Республика, 1993. 317 с.

163. *Томашевский Б. В.* Пушкин. В 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 367 с.
164. *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994. 304 с.
165. *Троицкий Н. А.* Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: смысл, цели характер. Военная история. 2004. № 12. С. 72–83.
166. *Троицкий Н. А.* Россия во главе Священного союза: Коалиционные войны 1813–1815 гг.
167. *Труайя А.* Александр I, или северный сфинкс. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, Студенческий Меридиан, 1997. 320 с.
168. *ТюларЖ.* Наполеон, или миф о «Спасителе». М.: Молодая гвардия, 2009. 360 с.
169. *Уорпгман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М.: ОГИ, 2004. 769 с.
170. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
171. *Федоров В. А.* Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1.
172. *Фирсова О. Г.* Эволюция методов хозяйственной деятельности крупных помещиков XVIII-первой половины XIX века: Автореф. дисс. к. и.н. М., 2006. 20 с.
173. *Чарторижский А.* Мемуары. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. 304 с.
174. *Шедивы Я.* Меттерних против Наполеона. М.: Международные отношения, 1991. 266 с.
175. *Шильдер Н. К.* Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 1. СПб: А. С. Суворин, 1897. 437 с.
176. *Шильдер Н. К.* Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб: А. С. Суворин, 1897. 410 с.
177. *Шильдер Н. К.* Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб: А. С. Суворин, 1898. 651 с.
178. *Шмидт С. О.* Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII — первая треть XIX века. М., Наука, 2002. 365 с.
179. *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Т. 1. Берлин-Прага, 1870. 492 с.
180. *Яковлева Г. В.* Венский конгресс 1814–1815 гг. в российской прессе, воспоминаниях и переписке первой половины XIX в.: Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2009. 20 с.
181. *Baldensperger F.* Le mouvement des idées dans l'émigration française (1789–1815). 4—me édition. Vol. 1. Les expériences du présent. Paris: Plon-Nourrit, 1924. 359 p.

Концевые сноски

Соловьев С. М. Император Александр I: Политика. Дипломатия. СПб., 1877;
Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекции LXXXIII-LXXXIV. Соч. т. 5. М., 1958. Соч. т. 5. М., 1989; *Кизеветтер А. А.* Император Александр I и Аракчеев / Исторические силуэты. Ростов-на-Дону, 1997; *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1912-1914. Ч. 1-2; М., 1918; М., 1993; *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. Т. 1; *Его же.* Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917. Т. 2; *Его же.* Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918. Т. 3; *Шильдер Н. К.* Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб, 1897-1898. Т. 1-3. *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. М., 1999; *Гальберштадт А. И.* Внешняя политика России в царствование Александра I / Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. V. М., 1913. Репринтное издание. М., 1994; *Пресняков А. Е.* Первый опыт русского самосознания. СПб, 1901 и др.

Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924; *Его же.* Российские самодержцы. М., 1990; *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии / Сб. статей. М., 1923. История дипломатии. Т. 2. М., 1941; М., 1959; *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1941; М., 1991; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957; *Фадеев А. В.* Россия и восточный вопрос 20-х годов XIX в. М., 1958; *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801-1812 гг. М., 1966; *Зак А. А.* Монархи против народов. М., 1966; *Арш Г. А. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809-1822 гг. М., 1976; *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989 и др.

Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М., 2000; *Губина М. В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 годах // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. История внешней политики России, первая половина XIX в. М., 1995; *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи 1801-1914 гг. М., 2006; *Он же.* История внешней политики Российской империи 1801-1914: в 4 томах. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. М., 2017; *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005; *Захаров В. Ю.* Эволюция абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-й половине XVIII — 1-й четверти XIX вв. Ч. 1, 2. М., 2008; *Таньшина Н. П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009; *Безотосный В. М.* Наполеоновские войны. М., 2010; *Могилевский Н. А.* Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813-1814 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2011 и др.; *Аяшенко А. М.* Александр I. Самодержавный республиканец. М.: Молодая гвардия, 2014. 347 с.

Примечания

1

Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006; *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» (1800-1860-е гг.). М., 2009.

Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: Автореферат дисс. д. и.н. М., 2004; *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I: Автореферат дисс. д. и.н. М., 2011.

Горская Н. И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX в. (конец 50-х — конец 80-х гг.): Автореферат дисс. д. и.н. М., 2009.

Шукарева Л. Блудов. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 2. М., 1992. С. 300–301; *Б./а.* Блудов. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением Предс. ИРИО А. А. Половцова. «Бетанкур-Бякстер». СПб., 1908. С. 94–98. Репринтное воспроизведение издания. М., АСПЕКТ-ПРЕСС, 1995; *Акульшин П. И.* Блудов. — Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 244–245; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Био-библиографический справочник. СПб., 2002. С. 89–92 и др.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб, 1871.

6

Егор Петрович был братом министра народного просвещения 1858-1861 гг. Евграфа Ковалевского (1790-1867) и дядей путешественника и мемуариста Павла Михайловича Ковалевского (1823-1907).

Работу Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время» широко привлекают исследователи.

Цит. по: *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. М., 2009. С. 197.

Шведского военачальника и политического деятеля, перешедшего на российскую службу, первого генерал-губернатора Финляндии в 1808-1809 гг.
М. Г. Спренгпортена в России называли Егором Максимовичем Шпренгпортенем (1740-1819).

Цит. по; *Минаева Н. В.* М. М. Сперанский в воспоминаниях современников. С. 199.

Российский государственный архив литературы и искусства (далее в тексте: РГАЛИ), ф. 191, оп. 1, ед. хр. 2221, л. 32.

12

РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 2221, л. 32, 34, 67, 73, 84, 100, 101, 112.

Коялович М. О. Несколько слов о графе Димитрии Николаевиче Блудове: Западной России на память // Шаги к обретению России. Минск, 2011. С. 429.

Минаева Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVII — первая половина XIX веков. М., 2009.

Майофис М. А. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 9.

16

Там же. С. 542.

Чиновное становление С. С. Уварова, как и Д. Н. Блудова, началось на дипломатической службе (1801-1810). Он служил в коллегии иностранных дел (1801-1806), затем в русском посольстве в Вене (1806), секретарем посольства в Париже (1809). Его интересовала древнегреческая литература и археология. Работы, написанные Уваровым по античности, были известны в Европе. С ними были знакомы И. В. фон Гете и А. фон Гумбольдт. Оба великих немца встречались с Уваровым.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974;
Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.,
1977; *Гиллельсон М. И.* Сквозь умственные плотины. Очерки о книгах и прессе
пушкинской поры. М., 1986.

Майофис М. А. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 17.

Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 9.

23

М. Н. Муравьев, родился в 1757 г, он являлся по своей сути представителем той же генерации.

Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М., 2008. С. 542-543.

Кузнецова Г. А. Дипломатический дебют Александра I. Тильзитский мир;
Шапкина А. Н. Полководец М. И. Кутузов и Бухарестский мир; *Савельева О. А.*
Греческий патриот на службе России. И. А. Каподистрия и Священный союз /
Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

Штрайх С. Я. Историко-литературный очерк о Вигеле / Вигель. Записки. М., 2000. Впервые данная публикация вышла в 1928 г., завершив работу, начатую до революции издателем «Русского Архива» П. И. Бартевым. Штрайх показал характер служебных и личных отношений Вигеля и Блудова, а также их роль в литературном процессе, в частности, отдельных событиях, связанных с именем А. С. Пушкина.

Савицкая И. С. Жизненные обстоятельства Д. Н. Блудова и начало его дипломатической деятельности. В сб.: Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей. Материалы XXII Международной научной конференции Санкт-Петербург, 17-18 декабря 2007 г. ч. 2. СПб., 2007. С. 11.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 248.

31

Там же. С.249.

32

Там же. С. 305.

Бессараб М. Я. Жуковский. Книга о великом русском поэте. М., 1975; *Осокин В. Н.* Его стихов пленительная сладость. В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М., 1984.

Костомаров В. Г. Жизнь языка: От вятичей до москвичей. М., 1994. С. 12.

Короткова М. В. Семья, детство и образование в повседневной культуре московского дворянства в XVIII — первой половине XIX вв. М., 2009; *Она же.* Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII — первой половины XIX века. М., 2008; *Она же.* Повседневная жизнь и досуг московского дворянства в XVIII — первой половине XIX вв. М., 2007; *Она же.* Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII — первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. д. и.н. М., 2009.

Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII-XIX вв. Л., 1984. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982; *Литвинов С. В.* Англomania в России как социокультурное явление, последняя четверть XVIII-середина XIX вв.: Автореф. дисс. канд. культурологических наук. М., 1998; *Он же.* Русско-французское двуязычие в среде российского дворянства в конце XVIII — начале XIX вв. (Историко-культурный аспект.) // Язык и общество. Материалы 4-й Международной научной конференции. М., 2006. Т. 1; *Он же.* Историческая динамика взаимодействия русской культуры с культурами стран Западной Европы (середина XVI — середина XIX вв.). М., 2008; *Он же.* Борьба идей по вопросу взаимодействия культур в русской общественной мысли и публицистике в первой половине XIX в. // Культура и общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Московский гос. ун-т культуры и искусств. Электрон. журн. М., МГУКИ, 2008. № гос. регистрации 0420600016. Режим доступа: , свободный и др.

Брандт М. Ю. Семья: «маленькое зеркало большого общества». В кн.: *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.). М., 1997. С. 3.

Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. Внешняя политика России. Историография. М., 1988.

Спекторский Е. В. Принципы европейской политики России в XIX и XX веках /
Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х-30-х годов. М., 2002.
С. 183.

41

Там же. С. 185-187.

Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии / Сб. статей.
М., 1923.

Бежин А. Молчание старца, или как Александр Первый ушел с престола. М., 2007.
С. 276–277.

Троицкий Н. А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: смысл, цели характер. Военная история. 2004. № 12. *Он же.* Россия во главе Священного союза: Коалиционные войны 1813–1815 гг.

Безотосный В. М. Два императора // Родина. 2002. № 8. С. 9; *Безотосный В. М., Смирнов А. А.* Русская армия 1812-1814 гг. М., 1999. С. 7.

См.: Дегоев В. В. Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 131.

Яковлева Г. В. Венский конгресс 1814-1815 гг. в российской прессе, воспоминаниях и переписке первой половины XIX в.: Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 3.

Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.

Валлоттон А. Александр И. М., 1991. Анри Валлоттон (1891-1971), швейцарский дипломат и писатель.

Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

Некоторые из начатых до революции исследований получили продолжение в Советской России. А. Е. Пресняков еще до революции опубликовал очерк о проблемах русского самосознания, в том числе александровской эпохи. Эту тему историк развивал в 1920-е гг. В 1990 г. исследования Преснякова переиздали. См.: *Пресняков А. Е. Первый опыт русского самосознания* (СПб.: 1901); *Он же. Александр I* (Пг.: 1924); *Он же. Российские самодержцы* (М.: 1990).

Н. И. Казаков. Послесловие. В кн.: Валлоттон А. Александр I. С. 391.

Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

Минаева Н. В. Правительство и конституционализм в передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Захаров В. Ю. Эволюция абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII — 1-й четверти XIX вв. Ч. 1, 2. М., 2008.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 5-6.

Захаров В. Ю. Эволюция абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII — 1-й четверти XIX вв. Ч. 1, 2. М., 2008.

Захаров В. Ю. Конституционная альтернатива развития России в период правления Александра I и причины ее нереализованности // Ключевские чтения — 2011. Василий Осипович Ключевский и познание русской истории. Т. 1. М., 2011. С. 149.

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. С. 31.

Губина М. В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 годах // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002.

Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.

Таньшина Н. П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

Козлова А. А. Отношение элиты российского дворянства к государственной службе в период правления Екатерины II: Автореф. к. и.н. М., 2007.

Фирсова О. Г. Эволюция методов хозяйственной деятельности крупных помещиков XVIII — первой половины XIX века: Автореф. дисс. к.и.н. М., 2006.

Олейниченко Е. В. Социально-экономическое развитие усадьбы Кузьминки во второй половине XVIII-первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. к. и.н. М., 2003;
Дубровская Е. А. Эволюция дворянской усадьбы конца XVIII-первой трети XIX вв.: Автореф. дисс. к. и.н. М., 2009.

Могилевский Н. А. Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.: Автореф. Дисс. канд. ист. наук. М., 2011.

Во время Пражского конгресса (12 июля — 10 августа 1813) мирные переговоры шли между Россией и Пруссией, с одной стороны, и Францией — с другой, при посредничестве Австрии.

С 5 февраля по 19 марта 1814 г. в разгар военных действий на территории Франции в г. Шатильон во Франции шли переговоры между представителями государств *участников* шестой антифранцузской коалиции (России, Австрии, Пруссии, Великобритании) и Францией.

Егерова Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX веков (на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина): Автореф. дисс. к. и.н. М... 2011; *Онаже.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX вв. М., 2014.

Подробнее см.: *Виноградов В. В.* Избранные труды. М., 2003; *Виноградов В. В.* Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978; *Виноградов В. В.* Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990; *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потемнина и Фортунатова). М., 1958; *Виноградов В. В.* История русских лингвистических учений. М., 2005; *Виноградов В. В.* Наука о языке художественной литературы и ее задачи (На материале русской литературы). М., 1958; *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 2005; *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959; *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 2002; *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967; *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1999.

Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 340.

Романенко А. П. Образ ратора в советской словесной культуре: Учеб, пособие. М., 2003. С. 9.

76

Там же. С. 10.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 9.

Русский биографический словарь. Бетанкур-Бякстер. Издан под наблюдением председателя ИРИО А. А. Половцова. СПб., 1908. С. 98.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 9.

В соответствии с византийской эрой от Сотворения Мира (начало — 5508 год до Рождества Христова) речь идет о 1615 г.

Российский государственный архив древних актов (далее в тексте: РГАДА), ф.1274, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 739, л. 33 об.

Русский биографический словарь. Бетанкур-Бякстер. Издан под наблюдением председателя ИРИО А. А. Половцова. СПб., 1908. С. 98-99.

85

РГАДА, ф. 1274, он. 1, ч. 1, ед. хр.739, л. 33 об.

86

Там же.

87

Там же.

88

B 1627 г.

Иван Тарасович Блудов в 1688 г. в звании стряпчего сопровождал Петра I в Саввинском походе, в 1689 г. — в Преображенском походе, в том же году был назначен в свиту Петра I.

90

В 1686 г.

91

В 1627 и 1628 гг.

92

В 1674 г.

93

В 1681 и 1682 гг.

94

В 1693 и 1694 гг.

95

В 1696 г.

В. Р-въ. Блудовы. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 302.

брось были главным основанием деяний Дворянина и Рыцаря. *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. Ч. 1 (до конца XVI столетия). СПб., 1890. С. XXXV.

Иона Ивещей Блуд был боярином и воеводой киевского князя Ярополка Святославича.

Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г.
Репринтное издание. Ч. 4. СПб., 2007. С. 18.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 1.

Ягайло (Йогайла, Ягелло) (1351-1434) — великий князь литовский (1377-1392), король польский (Владислав II Ягелло, 1386-1434), родоначальник династии польских королей Ягеллонов.

104

Там же. С. 2.

Династии крымских в 1427–1783 и казанских в 1521–1549 (с перерывами) ханов Гиреев происходили от одного из сыновей хана Тохтамыша Хаджи-Гирея, основавшего в Крыму независимое от Золотой Орды владение.

Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г.
Репринтное издание. Ч. 1. СПб., 2007. С. 8.

Среди Щербатовых самая известная личность — князь Михаил Михайлович Щербатов (1733-1790), автор «Истории Российской от древнейших времен» в семи томах. Ко времени сватовства Д. Н. Блудова к княжне А. А. Щербатовой его уже давно не было в живых.

Ковалевский Е. П. Ук. соч. С. 12. (Там же. С. 17).

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917 гг.
Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 89.

Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. В кн.: *Державин Г. Р.* Сочинения. Л., 1987. С. 288, 295, 296.

Цит. по: *Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 16.*

После смерти отца (бедного офицера, имевшего неустроенные «самомалейшие деревни, и те в разных губерниях разбросанные...никакого доходу не приносили» и 10 крепостных), по словам Державина, его семья оказалась «в крайнем сиротстве и бедности». И «...даже 15 рублей долгу после отца оставшегося, заплатить было нечем». Его мать владела 50 душами. (См.: «Записки...Державина» / *Державин Г. Р. Сочинения. С. 277*).

После смерти отца Державина его мать в 1757 г. осуществила попытку «по получении доказательств на дворянство» записать сыновей, в том числе старшего, 14-летнего Гавриила Романовича «в кадетский корпус или в артиллерию», как это пытался сделать год назад ее покойный муж Роман Николаевич. Однако «... противу всякого чаяния в герольдии не могла она объяснить хорошенько роду Державиных, по которым городам и в которых годах предки их служили, то и произошло затруднение», — вспоминал Г. Р. Державин. (См. его соч., Л., 1987. С. 278). Ситуацию выправил муж сестры матери — подполковник Дятлов, живший в Можайском уезде и специально приехавший в Москву. Он «доказал истинное дворянское происхождение явленных недорослей от рода Багрима мурзы, выехавшего из Золотой Орды при царе Иване Васильевиче Темном, что явствует в Бархатной книге вообще с родами...» (См. там же). Нельзя не отметить, что очевидная в данном случае историческая неточность (вместо исторического Василия Темного Державин указал Ивана Темного) является характерной для ранней генеалогии не только рода Державиных.

Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. В кн.: *Державин Г. Р. Сочинения*. Л., 1987. С.287. О. Н. Михайлов характеризует Ф. С. Блудову как «скаредную и пустоголовую старуху», что, впрочем, ему позволяет жанр художественной биографии. См. *Михайлов О. Н. Державин*. М., Молодая гвардия, 1977. С. 13.

Шувалов Иван Иванович (1727–1797) — основатель Московского университета (1755) и Академии художеств (1757).

118

Там же. С. 288.

120

Там же.

Серков А. И. Русское масонство 1731-2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 913. В этом же словаре помещена статья о Г. Р. Державине, в которой сказано, что он был «предложен к посвящению в масонство в С.-Петербурге Н. Н. Трубецким». Державин был комиссионером изданий Н. И. Новикова. (Там же. С. 298).

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. В кн.: Московские элегии. М., 1985. С. 151.

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 151.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 22.

РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 1762, л. 1 об, л. 6. Письмо Е. Е. Блудовой — Д. Н. Блудову от 13 июля 1805 г.

РГАДА, ф.1274, оп.1, ед. хр. 2499. Письма Е. Е. Блудовой Александру Афанасьевичу и др. неизвестным лицам. Б/д. конец XVIII в.

127

Там же. С. 22-23.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 23.

130

Там же.

Подробнее см.: *Державин Г. Р.* Сочинения. Л., 1987. С. 277. В 1791-1793 гг. Державин был кабинет-секретарем Екатерины II, в 1793 г. он стал сенатором с производством в тайные советники; в 1795-1796 гг. служил президентом Коммерц-коллегии, в 1802-1802 гг. — министром юстиции Российской империи. Д. Н. Блудов управлял министерством юстиции в 1837-1839 гг. и недолго в 1830 г. (в отсутствие Д. В. Дашкова).

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. В кн.: Московские элегии. М., 1985. С. 165.

Михайлов О. Н. Державин. М., 1977. С. 283.

135

Там же. С. 283-284.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 9.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 9.

140

Там же.

142

Подробнее см.: главу 3, § 2.

143

Подробнее см.: главу 3, § 2.

145

Там же.

146

*Там же. С. 296.

«...однажды, — писал Я. К. Грот, — когда он (Державин, — *И. С.*) в карете четверкой возвращался из Вотчинной коллегии, куда ездил по своим делам, его окружили при звуках трещоток будочники и, взяв лошадей под узцы, повели через всю Москву в полицию. Сутки просидел он с другими арестантами в карауле. На следующее утро повели его в судейскую и хотели заставить жениться на дочери приходского священника, которая хаживала к Блудову и Максимову. Дело об этом, начатое ее родителями, тянулось с неделю, но так как ничем нельзя было доказать его связи с этой девушкой, то, наконец, и должны были его выпустить». См.: Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 56.

149

Там же. С. 373, 380, 444.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 16.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 43.

153

РГАЛИ, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 4. Л. 1.

154

РГАЛИ, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1. Л. 2.

155

РГАЛИ, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 9. Л. 1 об.

156

РГАЛИ, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 9. Л. 1 об.

157

Там же.

160

РГАЛИ, ф. 72, он. 2, ед. хр. 2. Л. 1.

161

РГАЛИ, ф. 72, он. 1, ед. хр. 9. Л. 1 об.

162

РГАДА. ф. 1274. он. 1, ч. 1, ед. хр. 583. Л. 1 об.

163

РГАДА. ф.1274. оп.1. ч.1.ед. хр.583. л. 2об.

164

РГАДА. ф.1274. оп.1. ч.1.ед.хр. 546. л.4об.

165

РГАДА. ф.1274. оп.1. чЛ. ед. хр. 583. л. 3.

168

РГАДА, ф. 1274, он. 1, ед. хр. 2221. Л. 1.

Подробнее см.: главу 3, § 1. С. 196-197.

В 1805 г. Вигель в составе посольства графа Ю. А. Головкина отправился в Китай, но доехал только до Кяхты, откуда посол отправил его обратно в России. Подробнее см.: *Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000.*

Цит. по: *Врандт М. Ю.* Семья: «маленькое зеркало большого общества». В кн.: *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.). М., 1997. С. 4.

Ковалевский Е. 17. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 16.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 16.

176

Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 234.

177

Там же. С. 235.

Штрайх С. Я. Филипп Филиппович Вигель (историко-литературный очерк). В кн.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 570.

Державин Г. Р. Сочинения. С. 269–270. Я. К. Грот обратил внимание на то, что происхождение Державина, «которое льстило его воображению и доставляло ему любимую поэтическую прикрасу, подтверждается семейными документами. Они содержат сведения, что этот мурза, в княжение Василия Васильевича Темного в XV столетии выехал из большой Орды служить на Русь, был крещен самим великим князем в православную веру и при этом получил имя Ильи. Ему жалованы были вотчины в нынешних Владимирской, Новгородской, Нижегородской губерниях». От сыновей Ильи произошли Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы.

Ода «Вельможа» вызвала негодование императрицы Екатерины II, поскольку образ идеального государственного деятеля был дан на фоне «поврежденных» нравов придворных, а также раздражение придворных и титулованной знати. При дворе поощрялись прославляющие царствование Фелицы державинские оды. Чтобы убрать со страниц «С.-Петербургского вестника» оду «Вельможа», по свидетельству М. А. Дмитриева было перепечатано несколько страниц «Вестника». Но М. А. Дмитриеву попался экземпляр, в который был вставлен новый лист, а старый, с одой, «переплетен тут же, только надодранный в типографии». См.: *Дмитриев М. А. Указ. Соч. С. 168.*

А. И. Тургенев был одним из четырех сыновей директора Московского университета Ивана Петровича Тургенева. Вместе с его сыновьями воспитывался и Жуковский.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 81.

Вторая дочь Самборского София была замужем за братом А. Ф. Малиновского — Василием, русским дипломатом, а затем первым директором Царскосельского лицея, где обучался А. С. Пушкин.

Е. П. Ковалевский отметил, что Блудов учил английский язык при помощи романов Вальтера Скота. Он не решался говорить по-английски, но читал все, что выходило нового в английской литературе. (*Ук. соч.* — С. 15).

Литвинов В. П. Переход к двуязычию в процессе освоения иностранного языка и значение курса сравнительной типологии (изучаемого и родного языка) // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: Межвуз. темат. сб. Калинин, 1978.

Российский государственный архив древних актов (далее в тексте: РГДА).
Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 720, л. 11 об.

193

РГАДА. Ф. 1274, он. 1 ч. 1, ед. хр. 540, л. 1 об.

194

Там же. Л. 1.

195

Там же. Л. 2.

196

Там же. Л. 206.

197

РГАДА. Ф. 1274, он. 1 ч. 1, ед. хр. 720, л. 11.

Н. М. Карамзиным, А. Н. Олениным, С. Н. Глинкой, Ф. П. Ростопчиным,
А. С. Шишковым.

Островский О. Б. 1812 г. как рубеж просвещения и «официальной народности» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20. С. 199.

200

Там же. С. 202.

201

Там же.

202

РГАДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 540. Л. 4.

203

РГАДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 951а. Л. 1.

204

РГАДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 720. Л. 1.

205

РГАДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 720. Л. 1 об.

206

Там же.

207

Там же. Л. 1.

208

РГАДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 720. Л. 2 об.

209

Там же.

«Почетный гражданин» — одно из «состояний» в Российской империи. Как почетный титул он мог быть и не сопряжен ни с какими обязанностями и не имел отношения к сословию, например, городскому.

211

Там же. Л. 3.

212

Там же.

213

Там же. Л. 1.

214

Там же. Л. 1 об.

215

РГАДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 720. Л. 4.

216

Там же. Л. 11.

Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории... С. 199.

218

РГАДА. Ф. 1274, он. 1 ч. 1, ед. хр. 720. Л. 11 об.

219

Там же. Л. 7 об.

220

РГАДА. Ф. 1274, он. 1 ч. 1, ед. хр. 720. Л. 5.

221

Там же. А. 5об.

222

РГДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 951а. Л. 3об.

223

РГАДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 951а. Л. 2.

224

Там же.

225

Там же. Л. 3.

226

Там же.

227

Там же. Л. 206.

228

Там же.

229

РГДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 540. Л. 3.

230

РГДА. Ф. 1274, оп. 1 ч. 1, ед. хр. 540. Л. 3об.

231

Там же.

232

Там же. А. 4.

233

Там же. А. 4об.

Прончатова В. П. Система взглядов государственного контролера Т. И. Филиппова (1825–1899 гг.) и его общественная деятельность. М., 2011. Тертий Иванович Филиппов — государственный деятель и богослов, Его противником был К. Н. Победоносцев.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России: Автореф. дисс. д.и.н. М., 2010; *Крутицкая Е. В.* Церковно-приходские школы России в конце XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. к.и.н. М., 2004 и др.

Н. Н. Бантыш-Каменский был отцом историка Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского (1788-1850).

238

РГАЛИ, ф. 72, он.2, ед. хр. 1. Л. 2.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 13.

240

Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924. С. 84.

Историческое повествование В. О. Ключевского о процессе формирования и особенностях характера императора Александра I, а также основном источнике его дипломатических способностей, который историк видел в борьбе Екатерины II и Павла I, оказало глубокое влияние на последующую историографию.

242

Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998. С. 5.

Личность Александра I характеризует факт его признательного, но вежливого отказа на прошение членов Госсовета кн. А. Б. Куракина, генерала А. П. Тормасова и графа А. Н. Салтыкова по поводу принятия императором титула «Благословенный» и воздвижения ему памятника. Отказ Александра I был сформулирован, по его поручению, А. С. Шишковым, полагавшим, что сумел выразить чувства императора в оформленном им указе. (См.: *Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Т. 1. Берлин-Прага, 1870. С. 301*). Мнение Шишкова о том, что он выразил настроение императора, разделял В. К. Надлер. (См. *Надлер В. К. Указ. Соч. С. 247*).

Статс-секретарь И. А. Каподистрия до своей отставки в 1822 г. делил управление МИДом с другим статс-секретарем К. В. Нессельроде. Позднее Каподистрия стал первым правителем независимой Греции в 1827-1831 гг. Он был злодейски убит Георгием и Константином Мавромихали в первой столице независимой Греции Нафплионе. Завещание И. А. Каподистрии, уроженца острова Корфу, его брат Августин смог выполнить через полгода, перезахоронив его в монастыре Платитера на окраине Керкиры, где находился семейный склеп рода Каподистрий.

Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII — первая треть XIX века. М. 2002. С.236. После Отечественной войны 1812 г. и смерти Н. Н. Бантыш-Каменского в 1814 г. научное руководство перешло к А. Ф. Малиновскому.

Цит. по: *Арил Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг. М., 1976. С. 34.*

Арих Г. А. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809-1822 гг. М., 1976. С. 35.

В новейшей историографии поведенческие проявления величия российским императором или императрицей трактуются в контексте сценариев власти, нацеленных на выражение ее представительности.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб... 1904. Т. 1.
С. 92. См.: *Шильдер Н. К.* Указ, соч. С. 27.

Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона. 1808-1812. / Изд. под наблюдением вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 1. С. СЛ.

Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808-1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 1. С. IV, CLI.

Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808-1812. Изд. под наблюдением великого князя Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 1. С. XIX.

254

ПСЗРИ. Т. 27. С. 244.

Адам Чарторижский. Мемуары. М., 1998. С. 231-232.

256

В четвертую антинаполеоновскую коалицию вошли Россия, Англия, Швеция и Пруссия. С Пруссией Россия подписала секретные союзные конвенции в июле 1806 г.

Барон Андрей Яковлевич Будберг (1750-1812) — русский дипломат, посол в Стокгольме (1796-1801), член Государственного совета (с 1804 г.), министр иностранных дел (1806-1808). Его отставка состоялась 12/24 февраля 1808 г.

Ружицкая И. В. Просвещенная бюрократия. М., 2009. С. 115. Факт влияния на Александра I идей Просвещения в трансляции его воспитателя швейцарского республиканца Ф. Лагарпа хорошо известен и рассмотрен в литературе.

Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. С. 179.

260

Там же.

261

Режим доступа:

П. И. Полетика — дипломат, сенатор, мемуарист, специалист по США.

Подробнее см.: *Овчинников А. В.* Законодательство в области народного просвещения в первой половине XIX в. // *Законодательство в области народного образования в России первой половины XIX века.* М., 2008. С. 5-22.

264

Режим доступа:

Грачева Ю. З. Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России I трети XIX века: Автореф. дисс. к.и.н. М., 2008. С. 3.

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. В кн.: *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М., 1985. С. 152.

267

Режим доступа:

В 1814 г. был составлен проект нового положения об экзаменах при производстве в чины. С этого времени начинается период нескончаемых обсуждений в правительственных верхах вопроса о самой целесообразности сохранения гражданских чинов и о реорганизации их системы и порядка чиновничьего производства.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871.

270

Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 75.

Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 52.

272

Там же.

273

Там же.

Марасинова Е. Н. К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 10.

Ахтамзян А. А. Эволюция основных понятий и терминов дипломатии // Российская дипломатия: История и современность. М., 2001. С. 392.

Дыдычкин А. В. Социальный портрет министров Российской империи в конце XIX — начале XX веков: Автореф. дисс. к.и.н. М., 2002. С. 14–16. Блудов был не бедным помещиком. На 1820 г. в его имениях числилось 1230 душ. (См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917. СПб, 2002. С. 89).

278

РГАЛИ, ф.72, оп. 2, ед. хр. 1. Л. 2.

В специальной литературе периодом классической дипломатии считается период XIX в., который открывает дипломатия Александра I, а завершает свержение российской монархии в 1917 г.

Архив братьев Тургеневых. Вып. I. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 годы (1 том). СПб, 1911. С. 324. Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 83.

282

РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 506.

283

РГАЛИ, ф.72, оп. 1, ед. хр. 9. Л. 4.

285

Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 298.

286

РГАЛИ, ф. 72, он. 2, ед. хр. 1. Л. 2.

287

Путеводитель по Пушкину. СПб, 1997. С. 66.

289

РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр.784. Л. 1.

290

Там же.

Жихарев С. 17. Записки современника. Л., 1989. Т. 2.

Долгих Е. В. Восприятие критики власти сановниками николаевского времени (Д. Н. Блудов, М. А. Корф). Деп. в ИНИОН. М., 1995.

Многие современники не простили Блудову авторство «Донесения следственной комиссии» по делу декабристов. Он выполнял исключительно объяснительную функцию, и сформулированная им концепция вошла в официальную историографию декабризма, начало которой положил М. А. Корф. (См. *Долгих Е. В.* Восприятие критики власти сановниками николаевского времени (Д. Н. Блудов, М. А. Корф). Деп. в ИНИОН. М., 1995).

294

РГАДА, ф. 1274, оп.1, ед. хр. 507. Л. 3.

295

РГАЛИ, ф.72, оп.2, ед. хр. 1. Л. 2.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1812-1819. СПб, 1899. С. 5, 8, 13.

297

РГАЛИ, ф.72, он. 2, ед. хр. 1. Л. 2.

298

РГАДА, ф. 1276, оп. 1, ед. хр. 506. Л. 5.

Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его императорского Величества канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 95.

300

РГАДА, ф. 1276, оп.1, ед. хр. 506.

301

Гыллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 45.

302

РГАЛИ, ф. 92, оп. 1. ед. хр. 9. Л. 2об-3.

Майофис М. Л. О тех, кто ехал верхом на галиматье, и о том, что осталось позади: опыт персонологического анализа арзамаских протоколов. В кн.: История и повествование. М., 2006. С. 137.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917. Библиографический справочник. 2-е изд. СПб, 2002. С. 90.

Марасинова Е. Н. Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства (последняя треть XVIII в.) // История СССР. 1990. № 4. С. 167.

С. П. Жихарев был представлен Н. Н. Бантыш-Каменскому И. И. Дмитриевым 25 августа 1806 г., когда приехал с визитом к последнему и застал у него в гостях Бантыш-Каменского.

307

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 2. С. 5.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 15.

309

Там же. С. 16.

310

РГАЛИ, ф.72, оп.2, ед. хр.1. Л.2.

311

РГАДА, ф. 1274. оп. 1. ч. 1. ед. хр. 511. Л. 1.

4 августа 1812 г. последовал указ Александра I о восстановлении дипломатических отношений с Великобританией, прерванных Тильзитским миром. 5 сентября 1812 г. послом России в Лондон был назначен граф Х. А. Ливен, занимавший этот пост в течение 22-х лет.

313

РГАЛИ, ф.72, оп.1, ед. хр. 9. Л. 3.

314

Там же.

315

РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 514. А. 1.

316

Там же. А. 3.

317

РГАЛИ, ф. 72, он. 1, ед. хр. 9. Л. 3.

11 августа 1823 г. Блудов был пожалован кавалером ордена Св. Владимира 2-й степени. 28 февраля 1826 г. по высочайшему повелению уже другого императора — Николая I Блудов был «прикомандирован к следственной комиссии о злоумышленных обществах для составления общего о действиях оной донесения». (РГАЛИ, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 9. Л. 4).

Блудов Д. Н. Статья о «пользе письмен». Ответ Ж. де Местру / *Майофис М.*
Воззвание к Европе... С. 750.

320

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб, 1871. С. 21.

Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII — первая треть XIX века. М., 2002. С. 231.

Литвинов В. П. Переход к двуязычию в процессе освоения иностранного языка и значение курса сравнительной типологии (изучаемого и родного языка) // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: Межвуз. темат. сб. Калинин, 1978.

Богатикова Ю. А. Проблема перевода иноязычных включений в произведениях писателя-билингва (на материале романа В. В. Набокова «Ада, или радости страсти») // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции. М., 2007. С. 89-90.

Ананьина А. В. Некоторые аспекты лично ориентированного обучения письменному переводу // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции. М., 2007. С. 32.

Микиель де М. В поисках собственного (авторского) голоса, или к философии ответственного перевода // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции. М., 2007. С. 207.

Ананьина А. В. Некоторые аспекты лично ориентированного обучения письменному переводу // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции. М., 2007. С. 34.

Алендорф К. А. Очерк истории французского языка. М., 1959. С. 118.

См.: Бусье З. Основы романского языкознания. М., 2004. С. 540.

Voltaire. Œuvres complètes de Voltaire. Vol. XVIII. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire, depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII. 1784. P. 398.

Доза А. История французского языка. М., 2006. С. 432. О речи парижан XIX в.
Подробнее см.: Sainean L. Le langage parisien au XIX-e siecle. Paris, 1920.

Баяли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 24.

Карягин В. В. Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене. М, 1994. С. 27.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв).
М., 1994. С. 117.

Камчатное А. М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века. М., 2005. С. 441.

336

Там же. С. 429.

Виноградов В. В. История русских лингвистических учений: Учеб, пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 448.

Марасинова Е. Н. К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 13.

Блудов Д. Н. Статья о «пользе письмен». Ответ Ж. де Местру / *Майофис М.*
Воззвание к Европе... С. 751.

341

Там же.

Ахтамзян А. А. Эволюция основных понятий и терминов дипломатии // Российская дипломатия: История и современность. М., 2001. С. 396.

343

ВаллоттонА. Александр. С.251.

344

РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 514. Л. 3об.

345

Валлоттон А. Александр. С. 251.

346

Надлер В. К. Император Александр I и Идея Священного Союза. Т. 5. Рига, 1892.
С. 63-64.

347

Цит. по: *Надлер В. К.* Указ. соч. С. 93.

348

Там же. С. 623.

349

Там же. С. 224.

350

Цит. по: *Надлер В. К.* Указ. соч. С. 208.

351

Там же. С. 227.

352

«ДдИДСР». Т. 1. С. 176.

353

«ДдИДСР». Т. 1. С. 16.

354

Там же. С. 185.

355

«ДдИДСР». Т. 1. С. 10.

356

Там же.

357

«ДдИДСР». Т. 1. С. 197-199.

358

Там же. С. 199.

359

Там же. С. 228

360

«ДДИДСР». Т. 1. С. 230.

361

Там же. С. 239.

362

«ДдИДСР». Т. 1. С. 511.

363

«ДдИДСР». Т. 1. С. 512.

364

Там же.

365

Там же. С. 513.

366

Там же.

367

Там же.

368

«ДДИДСР». Т. 1. С. 16-17.

369

Там же. С. 19.

370

Там же.

371

Там же. С. 21.

372

«ДдИДСР». Т. 1. С. 177-178.

373

«ДдИДСР». Т. 1. С. 184.

374

Там же. С. 424-425.

375

*Там же. С. 207.

376

«ДдИДСР». Т. 1. С. 231.

377

Валлоттон А. Александр I. С. 252.

378

Надлер В. К. Указ. Соч. С. 633-634.

379

Там же.

«Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы. Их Величества..., восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо предлежащий державам образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым законом Бога Спасителя, объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость... руководствоваться... заповедями сея святая веры, заповедями любви, правды и мира... На сем основании... I. соответственно словам священных писаний, повелевающих всем людям быть братьями, договаривающиеся монархи пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства и, почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства... II. Единое преобладающее правило да будет... приносить друг другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всем себя как бы членами единого народа христианского, поелику союзные государи почитают себя аки поставленными от Провидения для управления единого семейства отраслями... исповедуя таким образом, что Самодержец народа христианского... не иной подлинно есть, как Тот, кому собственно принадлежит держава, поелику в нём едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечные...» («ДдИДСР» т. 2. С. 3).

381

Там же.

Медушевский А. Н. Французская революция и политическая философия русского конституционализма // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 93.

генов, Ф. Ф. Вигель. (См.: *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 103).

Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествие и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. В кн.: *Державин Г. Р.* Сочинения. Л., 1987. С 1797 по 1799 г. И. И. Дмитриев служил обер-прокурором в Сенате вместе с Державиным.

Муравьев В. В. Беспокойный антикварий. В кн.: *Дмитриевы. А.* Московские элегии. М., 1985. С. 5.

Блудов Д. Н. Статья о «пользе письмен». Ответ Ж. де Местру /*Майофис М.*
Воззвание к Европе... С. 750.

389

Там же. С. 752.

390

Львов спроектировал и за очень небольшим исключением построил более тридцати зданий разного назначения. Все дошедшие до нас постройки ценятся как замечательные архитектурные памятники классицизма.

Львов увлекался новой тогда техникой этого искусства — лависом, пробовал соединять офорт, акватинту и ла-вис с иглой.

Н. А. Львову принадлежат строки: «Ты лавр сей непоколебимый, / Надежен, тверд, неустрашимый, / Избранно племя! храбрый росс! / Стремися в путь благословенный, / В путь, славой предков освященный; / Превыше всех племен вселенной / Твой бог главу твою вознес. / Твой жребий — жребий вожделенный! / Отважный подвиг — подвиг твой! / И труд твой славен и покой. / Дух мужества — твои все правы, / Стези твои — путь чести, славы; / Везде велик! везде герой! / И в нужде, в роскоши, в покое...». Он писал стихи, басни, его поэма «Добрыня, богатырская песня» написана в духе русских былин.

Львов перевел трактат А. Палладио «Четыре книги по архитектуре» эпохи Возрождения (1570) и опубликовал его первую часть.

У Львова был талант притягивать к себе талантливых людей. Поскольку сам он был одарен многочисленными талантами, то понимал не только писателей, которых знал, например, Д. И. Фонвизина (1745-1792), или архитекторов, в частности, Дж. Кваренги (1744-1817), но был исключительно душевно щедрым человеком для близких по складу ему людей. Так, для Львова своим человеком был художник Д. Г. Левицкий (1735-1822). Он «открыл» и другого художника XVIII в. — В. Л. Боровиковского (1757-1825), который расписывал ему храм Иосифа в Могилеве. Известность получил и портрет Державина кисти Боровиковского.

Двоюродный брат Н. А. Львова писатель и композитор Федор Петрович Львов, отец композитора А. Ф. Львова, также входивший в окружение Державина, служил директором Архангельской портовой таможни (1794-1797), директором департамента Министерства коммерции (1803-1810), с 1810 г. служил в Комиссии составления законов.

Двоюродный брат Н. А. Львова писатель и композитор Федор Петрович Львов, отец композитора А. Ф. Львова, также входивший в окружение Державина, служил директором Архангельской портовой таможни (1794-1797), директором департамента Министерства коммерции (1803-1810), с 1810 г. служил в Комиссии составления законов.

397

Грот Я. К. Жизнь Державина. С. 14.

Пушкин А. С. Собр. Соч. Т. 9. М., 1962. С. 159. А. А. Безбородко (1747-1799), знавший о способностях Львова к проектированию, рекомендовал его Екатерине II как архитектора для строительства собора, который она собиралась воздвигнуть в честь ее дипломатической встречи в Могилеве с австрийским императором Иосифом II.

Общим для друзей Державина было их небогатое дворянское происхождение. У разносторонне одаренного Львова были благодетели, которых он умело использовал, когда требовалось поддержать друзей, с их помощью продвигался и сам, тем самым, способствуя развитию меценатства.

Д. Д. Благой, поставивший в начале 1930-х гг. вопрос о социальной природе «Арзамаса» и выявлении «социального лица» арзамасцев (одним из которых был Блудов) и их противников «беседчиков» (среди которых традиционно важное место в отечественном литературоведении занимает Державин), предложил определить их место и роль в классовой борьбе своего времени. Он противопоставил друг другу две социальные группировки, две противоположные общественно-политические идеологии. (См.: *Благой Д. Д.* Социально-политическое лицо Арзамаса / Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 6.). Если карамзинисты (арзамасцы) были, по мнению Благого, представителями «среднего дворянства, непричастного к непосредственному политическому управлению страной, зато более тесно связанного с „землей“, с помещичьим хозяйством», то шишковисты, приверженцы Шишкова и «Беседы» (к которым отнесен и Державин) «были идеологами „правительствующих“, крупнопоместных, феодально дворянских своем — „вельможества“» (См.: Там же.)

401

Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 45.

402

Державин Г. Р. Сочинения. Л., 1987. С. 271.

403

Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 43.

По мнению Д. Д. Благого, мысль Гоголя подтвердил более поздний филологический анализ, который вскрыл в языке Державина «смесь церковно-славянского элемента с народным». Данная «смесь» выразилась не только в наличии в стихах Державина церковно-славянских и народных слов, форм, синтаксических конструкций, но и в своеобразном, «как бы химическом» их взаимопроникновении. *Благой Д. Д.* Державин // Литературная энциклопедия. Т. М. 1930. Стб. 205-221.

405

Арзамас. Сб. Кн. 2. М., 1994. С. 413.

406

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. С. 15.

407

Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 170.

408

Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 9. М., 1962. С. 160.

Министрами юстиции были Г. Р. Державин и И. И. Дмитриев. Государственным секретарем, членом Государственного Совета, президентом Российской Академии наук, министром народного просвещения был А. С. Шишков.

410

Цит. по: *Грот Я. К. Жизнь Державина. С. 45.*

411

Там же.

412

Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 64.

Блудов Д. Н. Статья о «пользе письмен». Ответ Ж. де Местру /*Майофис М.*
Воззвание к Европе... С. 752.

Уваров С. С. Осьмое января 1851 года / Арзамас. Сб. Кн. 1. М., 1994. С. 38.

415

Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 9. М., 1962. С. 160.

Литературные источники выстраивания «Идиллии...» достаточно изучены. Р. Ю. Данилевский пришел к выводу о том, что Державин заимствовал прозаическую форму и картину вечерней природы из гесснеровского стилистического арсенала (назвав имя писателя, которому подражал). Однако поэт придал своей идиллии парадную манерность, чуждую стилю С. Гесснера. В тексте Державина пастушки и пастухи Гесснера уступили место князю и княгине, а композиционным центром идиллии оказался сам поэт, поскольку он единственный мог наблюдать явление Любви в колеснице на розовом облаке. Дальнейший пространственный монолог богини обращен лишь к одному поэту («мне только слышащему вещала...»), и «Идиллия...» заканчивается словами: «Сие-то, Вяземская, что видел я во время нынешнего брачного твоего воспоминания. Никто не видал, кроме пиитов...». (См.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 65, 231. *Койтена* А. Державинские переводы из Гесснера и Гердера.).

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 248.

418

Там же. С. 14.

419

Грот Я. К. Жизнь Державина. С. 13.

420

Державин Г. Р. Указ. соч. С. 299.

421

Путеводитель по Пушкину. СПб, 1997. С. 12.

Ионин Г. Н. Принципы и состав издания // *Державин Г. Р.* Анакреонтические песни. М., 1986. С. 398.

423

Койтен А. Державинские переводы из Геснера и Гердера. Режим доступа:

Жирмунская Н. А. Историко-философская концепция И. Г. Гердера и историзм Просвещения / XVIII век. Вып. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. — Л., 1981. С. 91.

425

Там же.

426

В переводе с греческого парамифия — «увещание». В славянской традиции «Отрада» или «Утешение».

Арзамас. Сб. Кн. 1. Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамаские документы. М., 1994. С. 299-300, 317.

428

Койтен А. Указ. соч.

429

Там же.

Каждый народ, по Гердеру, должен иметь литературу, проникнутую национальным духом. Героем подлинного литературного произведения, по мысли Гердера, должен быть «естественный», близкий к природе человек больших страстей, талантливый от рождения. Он восхищался народной поэзией, Гомером, Библией, творчеством Шекспира, в которых видел подлинную поэзию. Человечество, по его мнению, в своем развитии переживает периоды молодости и дряхлости. Молодость прошла с гибелью античного мира. С окончанием века Просвещения оказался завершённым жизненный круг. Поэтому Гердер размышлял о необходимости начала нового омоложенного круга культурного развития Европы, который возможен лишь при условии творчества, подчиненного вольному вдохновению, и под знаком национальной самобытности. Гердер рекомендовал обратиться к более ранним (молодым) периодам истории, и таким образом приобщиться к духу своей нации в его наиболее здоровом и сильном выражении и почерпнуть из этого источника силы, необходимые для обновления искусства и жизни. Гердер совмещал с теорией циклического развития мировой культуры теорию прогрессивного развития, сходясь в последнем с просветителями, полагавшими, что «золотой век» следует искать не в прошлом, но в будущем. Для самого Гердера он был и в прошлом и в будущем. Цени индивидуальную самобытность, он видел в человеке частицу социального целого (нации), а следовательно национальную самобытность.

Если в царствование Александра I Блудов стал одним из инициаторов создания литературного общества «Арзамас», то при Николае I у него был известный среди элиты салон, который наряду с салоном А. О. Смирновой имел определенный «вес» в великосветском обществе.

Отец Е. Я. Бастидоновой — португалец Бастидон был камердинером императора Петра III, а мать — кормилица императора Павла I. Родственником Державина по первой жене был писатель и журналист Яков Андреевич Галинковский (1777-1816).

433

Путеводитель по Пушкину. СПб, 1997. С. 65-66.

Кошелев В. А. Жуковский и Батюшков (к проблеме формирования литературных представлений) // Жуковский и русская культура. Сб. научных трудов. Л., 1987. С. 227.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1812-1819. СПб, 1899. С. 58. Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 107.

Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 9. М., 1962. С. 154; Пушкин А. С. Дневники и записки. СПб., 1995. С. 225.

437

Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 9. М., 1962. С. 159.

439

Орфография дана в соответствии с текстом источника.

Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. 1816-1837. М., 1867. С. 88.

Подробнее см.: *Меднис Н. Е.* Официальная роль в русской литературе и культуре XVIII-XIX вв. // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII-XIX вв. Таллин, 1985. С. 65-67.

Песков А. М. Поэт и стихотворец Иван Иванович Дмитриев // И. И. Дмитриев. Сочинения. М., 1986. С. 5.

443

Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 322-323.

444

РГАДА, ф. 1274, оп. 1. ч. 2. ед. хр. 1751.

445

Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. 1816-1837. М., 1867.

Песков А. М. Поэт и стихотворец Иван Иванович Дмитриев. В кн.: *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986. С. 7.

447

Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. 1816-1837. М., 1867. С. 88.

448

Там же. С. 87.

449

Там же.

450

Там же. С. 64.

451

Там же.

452

Там же. С. 56.

Неточными и несвоевременными в выполнении просьб Блудова о доставке книг в Россию И. И. Дмитриеву оказались «друзья-арзамасцы» Д. П. Северин и Ал. И. Тургенев.

454

РГАДА, ф. 1274, оп.1. ч. 2. ед. хр. 1651. л.1.

455

Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 386.

По замечанию В. Э. Вацуро, сравнение Державина с орлом имеет не только общеметафорический, но и конкретный смысл: имеется в виду вышедшая в марте 1813 г. ода Державина «На парение орла». (См.: Дмитриев И. И. Указ, соч. С. 541)

457

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 386.

458

Там же.

Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. 1816-1837. М., 1867. С. 57.

Там же. С. 90. Подробнее см.: Томас Мур и русские писатели XIX века. В кн.: Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 628-682.

461

*Там же. Л. 3.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 591.

Стурдза А. С. Беседа Любителей Русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания. // Арзамас. Ст. Кн.1. — М., 1994. С.43. Также за столом беседы заседали: А. Н. Оленин, А. С. Шишков, И. А. Крылов, его друг Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, М. М. Сперанский, И. М. Муравьев-Апостол, Н. И. Соколов. Далее, Стурдза делает оговорку: «и если не ошибаюсь, иногда Дмитриев и Карамзин».

463

«дружину и сосредоточением их трудов оказать последнюю услугу русскому слову». Стурдза подметил объединительные усилия Державина.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. С. 37. Свидетельство Ковалевского использует И. В. Ружицкая. См. ее; Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.) М., 2009. С. 110.

465

Арзамас. Ст. Кн. 2. М., 1994. С. 404.

Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова // Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. М., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи.

Блудов Д. Н. Статья о «пользе письмен». Ответ Ж. де Местру / *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М., 2008. С. 752.

468

Арзамас. Ст. Кн. 1. М., 1994. С. 32.

Владислав Озеров был сирота. Мать умерла, и отец женился второй раз. Озеров потом рассказывал, что у отца от двух жен было двадцать два человека детей. По мнению М. А. Гордина, в сухопутном шляхетском кадетском корпусе, куда был помещен семилетний Озеров, «мальчику жилось не хуже, чем дома под присмотром мачехи, среди оравы братьев и сестер».

470

Гордин М. А. Владислав Озеров. Л., 1991. С. 18.

Озерова, как и других кадетов сухопутного шляхетского корпуса, которых готовили одновременно с ним к поприщу будущих государственных мужей, словесности обучал Я. Б. Княжнин (1741–1791). Княжнин был личным другом и секретарем И. И. Бецкого. «Княжнин писал трагедии, комедии в стихах и прозе, комические оперы и стихотворения; он перевел немало — между прочим, трагедии Корнеля и поэму Вольтера „Генриада“. Современники неоднократно указывали на то, что и в своих оригинальных произведениях он слишком много заимствовал у французов (и иногда у итальянцев); в самом деле, большинство произведений Княжнина — это вольные переделки чужих пьес; недаром Пушкин назвал его в „Евгении Онегине“ „переимчивым“. Впрочем, его популярность в конце XVIII века была очень велика. Его считали лучшим русским трагиком, да и комедии его ценились весьма высоко», — писал Г. А. Гуковский в разделе, посвященном Княжнину. (См.: *Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 2003. С. 308*).

472

Арзамас. Ст. Кн. 2. М., 1994. С. 404.

473

Арзамас. Ст. Кн.1. М.,1994. С. 32.

474

РГАДА, ф. 1274, оп.1, ед. хр. 2221. Л. 3.

475

Арзамас. Ст. Кн.1. М., 1994. С. 39-40. В числе тех, кто постоянно посещал дом Лениных, С. С. Уваров назвал Капниста.

476

Озеров поддерживал переписку с Олениным и после своего ухода из театра и отъезда из Петербурга в 1809 г. (до 1812 г.)

477

Арзамас. Ст. Кн. 1. М., 1994. С. 40.

Память подвела Ф. Ф. Вигеля, поскольку Е. С. Семенова — знаменитая трагическая актриса дебютировала в 1802 г., тем не менее, ее выступление в трагедии Озерова было успешным, «с превосходством игры, с благозвучием голоса, с благородством осанки соединяла она красоту именно той музыки, которой служению она себя посвящала». Семенова была на год моложе Д. Н. Блудова. В 1804 г. ей было 18 лет.

479

Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 255.

480

Арзамас. Ст. Кн. 1. М., 1994. С. 39.

Шушерин Яков Емельянович (1753, Москва — 8 августа 1813, Москва) В 1800 г. Шушерин возвратился на Петербургскую сцену, исполняя в драмах Озерова роли трагические, а также тяготевшие к характерности: царь Эдип — «Эдип в Афинах» (1804), Старн — «Фингал» (1805), князь Белозерский — «Димитрий Донской» (1807).

Архипова А. В. Литературное дело декабристов. М., 1987. С. 88.

483

Архипова А. В. Литературное дело декабристов. М., 1987. С. 88.

484

Там же.

485

Там же.

486

Цит. по: *Грот Я. К. Жизнь Державина. С. 561.*

487

Там же. С. 579.

488

Там же.

489

Премьера состоялась в понедельник.

Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 95.

491

Арзамас. Ст. Кн. 1. М., 1994. С. 44.

Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 129.

493

Там же.

Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 93.

«смотря на обычное свое равнодушие, увлекались общим восторгом, а также аплодировали и кричали „браво!“ наравне со всеми». (*Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 91-92*).

Державина возмущала «небывалая княжна», в которую на сцене был влюблен Дмитрий Донской. «Одна-одинешень-ка» она прибыла в стан и, «вопреки всем обычаям тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о любви к Дмитрию». Эта фраза от Державина через Грота вошла в последующую литературу.

Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествие и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. *Державин Г. Р.* Сочинения. Л., 1987. С. 490-491.

498

«Евпраксия», «Темный», «Атабалибо или Разрушение Перуанской империи», оперы «Иван Грозный или покорение Казани», «Дурочка умнее умных», «Рудокопы».

499

Грот Я. К. Жизнь Державина. С. 575.

500

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 127.

501

Там же. С. 132.

502

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб, 1871.

503

Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 7.

Хлыстов — Хвостов Дмитрий Иванович (1756-1835), поэт, член «беседы любителей русского слова», его имя было нарицательным для обозначения плодovитого графомана.

505

Пушкин А. С. Дневники. Записки. С. 7.

506

Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 255.

507

Майофис М. Л. Воззвание к Европе... С. 561-562.

Иванов Д. А. Становление литературной репутации А. А. Шаховского: Дисс...уч. ст. magistrumartium по русской литературе. Тарту, 2005. Режим доступа: www.utlib.ee

509

Подробнее см.: *Майофис М. А. Воззвание к Европе. С. 562.*

510

Там же.

Принадлежавший к следующему литературному поколению Блудов был чужд озеровскому максималистскому ощущению безумия как духовного подвига. «Между тем миропонимание, основанное на донкихотском презрении к действительности, было самозабвенно нацелено на безумие как освободительный и героический исход... И прорыв в безумие — возможность преодоления всех земных невзгод», — полагает М. А. Гордин. (См.: его. Указ. соч. С. 563).

Семейное предание гласило, что Озерова сгубил пожар Москвы. В 1886 г. Я. К. Грот опубликовал другую версию умопомешательства Озерова: «По рассказу родной племянницы трагика, 80-ти летней старушки Пелагеи Евграфовны Озеровой, проживающей ныне в г. Ржеве. Дядя ее Владислав Александрович по выходе в 1808 году в отставку жил в своем имении в Казанской губернии. Во время войны с французами он был настолько потрясен известием о взятии Москвы Наполеоном, что потерял рассудок». (Подробнее см.: *Гордин М. А.* Владислав Озеров. Л., 1991. С. 197-198).

См.: Зорин АЗубков Н., Немзер А. Свой подвиг совершив... М., 1987; Майофис М. А. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 154, 128–129. 23 сентября 1815 г. на петербургском Малом театре состоялась премьера комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», которую арзамасцы окрестили «Липецким потопом». Перенесение полемики на театральные подмостки накануне возвращения императора Александра I из Парижа придавало противостоянию двух придворных партий внутривполитическое звучание.

М. Н. Муравьев был двоюродным братом отца Батюшкова и воспитателем поэта в период его юности и был лично близок Батюшкову. «В произведениях Муравьева наиболее ярко воплотился тот „идеал“ свободной, „личностной“ литературы, возвышающейся над „нравами“, который был привнесен „эпохой Карамзина“», — считает исследователь проблемы В. А. Кошелев. (См.: *Кошелев В. А. Жуковский и Батюшков (к проблеме формирования литературных представлений) // Жуковский и русская культура. Сб. научных трудов. Л., 1987. С. 226-227).*

515

Там же. С. 816.

516

Там же. С. 57.

517

Там же. С. 46.

518

Пушкин А. С. ПСС, Т. XI. М., 1949. С. 29.

Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века).
Литературное наследство. Т. 53. М., 1982. С. 227, 245.

520

Там же. С. 404.

521

Русский архив. 1875. № 2. С. 181-187.

Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века).
Литературное наследство. Т. 53. М., 1982. С. 581.

523

Блудов Д. Н. Статья о «пользе письмен». Ответ Ж. де Местру // *Майофис М.* Воззвание к Европе... С. 751.

524

Там же. С. 752.

525

Там же.

Шишков Александр Семенович (1754-1841) — в 1815 г. — президент Российской академии. В том же 1815 г. А. С. Пушкин написал эпиграммы на Шишкова «Угрюмых тройка есть певцов» и др.

527

См. труды *М. Л. Майофис.*

Подробнее см.: *Розенталь И. С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской истории общественности. Конец XVIII — начало XX вв. М., 2007. С. 9-12.*

Розенталь И. С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв. М., 2007. С. 19.

530

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 246—
247.

Блудов Д. Н. Рассказ об Арзамасском обществе, записанный Я. К. Гротом 16 апреля 1859 г. Слышано от Блудова // Арзамас. Сб. Кн. 1. М., 1994. С. 128.

532

Арзамас. Сб. Кн. 2. М., 1994. С. 408.

533

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 182.

534

Там же. С. 261.

Блудов Д. Н. Статья о «пользе письмен»... / Майофис М.Л Указ. соч. С. 752.

536

Ф. Ф. Вигелем, М. А. Дмитриевым.

537

Μαϊοφισ Μ. Α. Οκασ. σοχ.

Аллюзия (лат. *allusio* — шутка, намёк) — стилистическая фигура, содержащая явное указание или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. Аллюзия и ретроспекция рефлексирующего сознания являются важными методами реминисценции (лат. *reminiscentia*, воспоминание), т. е. элемента художественной системы, заключающегося в использовании общей структуры, отдельных элементов или мотивов ранее известных произведений искусства на ту же (или близкую) тему.

539

Арзамас. Сб. Кн. 1. М., 1994. С. 261-265.

540

Арзамас. Сб. Кн. 1. М., 1994. С. 128.

541

Палиссо Шарль де Монтенуа (1730-1814) — французский писатель, сатирик, драматург.

542

Не всегда правда выглядит правдоподобно.

543

Режим доступа: *(Краснокутский В. С. О своеобразии арзамасского «наречия» // Замысел, труд, воплощение... М., 1977).*

Жуковский В. А. О сатире и сатирах Кантемира // В. А. Жуковский — критик. М., 1985. С. 81-82.

545

Там же. С. 87.

546

Арзамас. Сб. Кн. 1. М., 1994. С. 128.

Жуковский В. А. О сатире и сатирах Кантемира // В. А. Жуковский — критик. М., 1985. С. 87.

548

Там же. С. 89.

549

Арзамас. Сб. Кн. 2. М., 1994. С. 402.

550

Арзамас. Сб. Кн. 2. М., 1994. С. 407.

551

Там же. С. 409.

552

В 1814 г., после победы антинаполеоновской коалиции, город на несколько лет стал местом размещения корпуса русских войск во главе с М. С. Воронцовым и на этот период «столицей Русской Франции».

553

Там же. С. 400-401.

554

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 82.

555

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 117.

Уваров Сергей Семенович был министром просвещения в 1833–1849 гг., Блудов же был министром внутренних дел в 1832–1839 гг. В литературной борьбе с самодержавием А. И. Герцен использовал в отношении них термин «состарившегося и выслужившегося арзамаского гуся» в негативном контексте. Применение термина «арзамаский гусь» в устах Герцена имело в виду человека способного, но не реализовавшего свои таланты. См.: *Герцен А. И. Соч. Т. 4. С. 304–305.* Оба «арзамаских гуся» представляли просвещенную бюрократию на важнейших министерских постах. См.: *Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: Автореф. докт. дисс. М., 2004.*

23 сентября 1815 г. на петербургском Малом театре состоялась скандальная премьера комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», которую будущие арзамасцы сразу окрестили «Липецким потопом». От этого дня они вели, подобно библейскому, летоисчисление «Арзамаса» — спасительного ковчега от галиматьи и дурного литературного вкуса. Подробнее см.: *Майофис М. А. Воззвание к Европе...* С. 128-144. Публичное высмеивание на сцене В. А. Жуковского, С. С. Уварова и Ю. А. Нелединского-Мелединского, как показала М. Л. Майофис, вызвало конфликт «друзей Жуковского» с Шаховским. «Беспрецедентно резкие публичные сатирические выступления» протестного характера Д. В. Дашкова и П. А. Вяземского были поддержаны С. С. Уваровым, наряду с А. Н. Олениным, одним из основателей «Сына Отечества». Заметим, что Уваров содействовал публикации в этом влиятельном печатном издании «Письма к новейшему Аристофану» Дашкова, направленного против Шаховского без участия Оленина. Это положили начало развитию конфликта Оленина-Уварова, Оленина и арзамасцев, которые до того охотно посещали литературный кружок Оленина.

558

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 84.

559

Там же. С. 111.

560

Там же. С. 114.

561

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 127.

562

Там же.

Петр Иванович Полетика был сыном обрусевшего польского бедного дворянина и пленной турчанки. Воспитанник Сухопутного шляхетского корпуса, он предпочел штатскую службу. С 1798 г. вместе с Блудовым был переводчиком Коллегии иностранных дел, а с 1802 по 1814 год его командировали в русские посольства в Стокгольме, Неаполе, Корфу, Филадельфии, Рио де Жанейро, Мадриде. Он говорил мало, но веско. Был человеком умным и одной фразой мог завершить долгие прения. (*Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамаское братство. Л., 1974. С. 61-62).

Дмитрий Петрович Северин, автор двух басен и переводчик нескольких французских статей испортил себе репутацию, отказавшись принять пришедшего к нему в гости сосланного на Юг А. С. Пушкина. Пушкин рассчитался с ним сначала эпиграммой (1823), а затем написав в «Моей родословной» (1830): «Не торговал мой дед блинами, // Не ваксил царских сапогов, // Не пел с придворными дьячками, // В князя не прыгал из хохлов, // И не был беглым от солдатом // Австрийских пудренных дружин; // Так мне ли быть аристократом? // Я, слава Богу, мещанин».

Цит. по: *Проскурин О. А.* Новый Арзамас — Новый Иерусалим (религия общества «Арзамас») . Новое литературное обозрение. 996. № 9.

Подробнее о нем см.: *Осокин В. Н.* Его стихов пленительная сладость. В. А. Жуковский в Москве и Подмоскowie. М., 1984. С. 24-41.

567

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 114.

568

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 90.

569

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 189.

570

Там же. С. 31.

Там же. С. 158. «Примите ж, счастливый любовник славы, — в такой стилистике обращались к Карамзину арзамасцы, — сей бумажный и бранный символ того, что вечно и нетленно, что писано не на бумаге. А в сердце, не орешковыми чернилами скоротечности, а неизгладимым, нравственным ультрамарином вечного, сладостного, драгоценного чувства». В дальнейшем Н. М. Карамзин считал Д. Н. Блудова возможным преемником в продолжение создания «Истории государства Российского». (См.: *Лачаева М. Ю.* Приглашается вся Россия... Всероссийские промышленные выставки (XIX-начало XX в.): Петербург, Москва, провинция. М., 1997. С. 150-151). Князь П. В. Долгоруков передал рассказ Д. Н. Блудова о том, что вскоре после кончины Н. М. Карамзина уже в мае 1826 г. министр просвещения адмирал А. С. Шишков советовал Николаю I запретить «Историю государства Российского» как носящую в недрах своих «зерна вредного либерализма». (См.: *Шмидт С. О.* Общественное самосознание российского благородного сословия XVII-первая треть XIX века. М., 2002. С. 219).

572

Слен — твердая слизь, в роде прозрачной кожи, которой рыба покрывается на зиму.

573

Арзамас и арзамаские протоколы. Л., 1933. С. 243-244.

574

Арзамас и арзамаские протоколы. Л., 1933. С. 244.

575

Там же. С. 246.

576

Там же. С. 247.

577

Там же. С. 256.

578

Майофис М. Воззвание к Европе... С. 116.

Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006. С. 11.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1812-1819. СПб, 1899. С. 116.

581

Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 515.

шать не мог. Уверяли, будто Голицын представил государю, что часть, вверенная Шишкову, более согласна с прежними, любимыми занятиями Блудова, и он назначен был товарищем министра народного просвещения (*Вигель Ф. Ф. Указ, соч. С. 529*).

583

Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 551.

584

Там же.

585

В звании «исполняющего должность» Оленин пробыл до 22 июля (11 сентября) 1826 г., когда он был утвержден государственным секретарем Николаем I.

586

Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 514.

587

Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 149.

Дубин Б. Классическое, элитарное, массовое // В его сб.: Интеллектуальные группы и символические формы. М. Новое издательство, 2004